

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1998 г.
Выходит 4 раза в год

№ 4(60) – 2024

**РЕГИОНЫ РОССИИ
В МЕНЯЮЩИХСЯ
УСЛОВИЯХ**

Составитель выпуска –
д-р экон. наук С.Н. Смирнов

Учредитель:

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакция

Главный редактор: М.А. Положихина – канд. геогр. наук

Ответственный секретарь: Н.А. Коровникова – канд. полит. наук

Редакционная коллегия: М.Л. Горбунова – д-р экон. наук (ННГУ им. Н.И. Лобачевского), Д.В. Ефременко – д-р полит. наук (ИИОН РАН), М.В. Клинова – д-р экон. наук (ИМЭМО РАН), Н.П. Кононкова – д-р экон. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), К.Б. Костин – д-р экон. наук, проф. (СПбГЭУ), Н.А. Макашева – д-р экон. наук (НИУ ВШЭ), А.А. Мальцев – д-р экон. наук, (МГУ им. М.В. Ломоносова), Г.В. Семеко – канд. экон. наук (ИИОН РАН), С.Н. Смирнов – д-р экон. наук (ИИОН РАН), О.В. Толстогузов – д-р экон. наук (Институт экономики КарНЦ РАН)

Редакционный совет: А.В. Кузнецов – чл.-кор. РАН, д-р экон. наук (ИИОН РАН), – председатель, В.С. Автономов – чл.-кор. РАН, д-р экон. наук (НИУ ВШЭ), А.С. Булатов – д-р экон. наук (МГИМО МИД России), М.Ю. Головнин – чл.-кор. РАН, д-р экон. наук (ИЭ РАН), В.Б. Кондратьев – д-р экон. наук (ИМЭМО РАН), А.М. Либман – д-р экон. наук, Свободный университет Берлина (Германия), К. Лиухто – д-р экон. наук, директор Панъевропейского института Школы экономики Турку (Финляндия), С.Ф. Сутырин – д-р экон. наук, проф. (СПбГУ), С.Л. Ткаченко – д-р экон. наук, проф. (СПбГУ), А.Н. Швецов – д-р экон. наук (ФИЦ ИУ РАН)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в перечень ВАК по специальностям 5.2.3 Отраслевая и региональная экономика и 5.2.5 Мировая экономика (экономические науки).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-78664 от 10 июля 2020 г.

DOI: 10.31249/espr/2024.04.00

ISSN 1998-1791

© ИИОН РАН, 2024

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

**ECONOMIC
AND SOCIAL
PROBLEMS
OF RUSSIA**

SCIENTIFIC JOURNAL

Published since 1998
4 issues per year

N 4(60) – 2024

**RUSSIAN REGIONS
IN CHANGING
ENVIRONMENT**

Issue editor –
S.N. Smirnov (DSn in Econ. Sci.)

Founder

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials

Editor-in-chief: M. Polozhikhina – PhD (Geogr. Sci.), INION RAN, Russia

Executive secretary: N. Korovnikova – PhD (Polit. Sci.), INION RAN, Russia

Editorial board: M. Gorbunova, DSn in Econ. Sci (Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Russia), D. Efremenko – DSn in Polit. Sci. (INION RAN, Russia), M. Klinova – DSn in Econ. Sci. (IMEMO, Russia), N. Kononkova – DSn in Econ. Sci. (Lomonosov MSU, Russia), K. Kostin – DSn in Econ. Sci. (UNECON, Russia), N. Makasheva – DSn in Econ. Sci. (HSE, Russia), A. Maltsev – DSn in Econ. Sci. (Lomonosov MSU, Russia), G. Semeko – PhD Econ. Sci. (INION RAN, Russia), S. Smirnov – DSn in Econ. Sci. (INION RAN, Russia), O. Tolstoguzov – DSn in Econ. Sci. (IE KarRC RAS, Russia).

Editorial council: A. Kuznetsov – Cor.-Mem. of RAS, DSn in Econ. Sci. (INION RAN, Russia), Chairmen, V. Avtonomov – Cor.-Mem. of RAS, DSn in Econ. Sci. (HSE, Russia), A. Bulatov – DSn in Econ. Sci. (MGIMO University, Russia), M. Golovnin – Cor.-Mem. of RAS, DSn in Econ. Sci. (IE RAS, Russia), V. Kondratev – DSn in Econ. Sci. (IMEMO, Russia), A. Libman – DSn in Econ. Sci. (FU Berlin, Germany), K. Liuhto – DSn in Econ. Sci. (PEI of TSE, Finland), S. Sutyrin – DSn in Econ. Sci. (SpbU, Russia), S. Tkachenko – DSn in Econ. Sci. (SpbU, Russia), A. Shvetsov – DSn in Econ. Sci. (FRC CSC RAS, Russia).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index.

It is included in the list of the Higher Attestation Commission for specialties 5.2.3 Sectoral and regional economy and 5.2.5 World economy (economic sciences).

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media, Registration Certificate: ПИ № ФС 77-78664.

DOI: 10.31249/espr/2024.04.00

ISSN 1998-1791

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер 9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

<i>Смирнов С.Н.</i> Регионы России после 2021 года: особенности оценки социально-экономических изменений.....	15
<i>Кашепов А.В.</i> Экономический рост, занятость и заработка плата в регионах России: динамика и типология.....	34

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Проблемы стран и регионов

<i>Петушкиова В.В.</i> Соседство с Китаем как фактор социально-экономического развития Дальнего Востока России	63
<i>Пряжникова О.Н.</i> Развитие удаленных территорий: новые подходы европейских специалистов (Обзор)	80
<i>Балабейкина О.А., Вишняков А.П., Гаврилова К.С., Таланцева П.А.</i> Использование культурно-культурной инфраструктуры в целях развития внутреннего туризма (на примере Вологодской области)	90

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Рыжкова Е.А., Толпигина О.А.</i> Государственные программы благоустройства как стимул развития социального капитала жителей города на примере Самары	106
<i>Коровникова Н.А.</i> Оценка регионального инновационного потенциала вузов: зарубежный и отечественный опыт (Обзор)	123
<i>Черняев Е.В.</i> Направления совершенствования кооперации и поддержки исполнения гособоронзаказа региональными исполнителями (Обзор)..	136

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ**

<i>Кузнецова О.В.</i> Миграционные процессы в современной России и направления их учета в стратегическом планировании пространственного развития.....	150
<i>Положихина М.А.</i> Жилищный вопрос в России в контексте регионального развития (Обзор)	168

CONTENT

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

<i>Smirnov S.N.</i> Regions of Russia after 2021: approaches to the assessment of social and economic changes.....	15
<i>Kashepov A.V.</i> Economic growth, employment and wages in the regions of Russia: dynamics and typology	34

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Problems of countries and regions

<i>Petushkova V.V.</i> The neighborhood with China as a factor in the socio-economic development of the Russian Far East	63
<i>Pryazhnikova O.N.</i> The development of remote territories: new approaches of European specialists (Review)	80
<i>Balabeikina O.A., Vishnyakov A.P., Gavrilova K.S., Talantseva P.A.</i> The use of religious and cultural infrastructure for the development of domestic tourism (the case of Vologda region)	90

MANAGEMENT ISSUES

<i>Ryzhkova E.A., Tolpygina O.A.</i> State improvement programs as a stimulus for the development of social capital of city residents (the case of Samara).....	106
<i>Korovnikova N.A.</i> Assessment of the regional innovative potential in universities: foreign and domestic experience (Review).....	123
<i>Chernyaev E.V.</i> Problematic issues of cooperation between the executors of the state defense order, ways to improve the efficiency of budget allocations (Review)	136

**PROBLEMS
OF SOCIO-DEMOGRAPHIC
DEVELOPMENT**

<i>Kuznetsova O.V.</i> Migration processes in modern Russia and ways of their consideration in the strategic planning of spatial development.....	150
<i>Polozhikhina M.A.</i> The housing issue in Russia in the context of regional development (Review).....	168

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Тема настоящего номера журнала – «Регионы России в меняющихся условиях» – продиктована спецификой текущего момента, и ее актуальность не вызывает сомнений. С 2022 г. в структуре отечественной экономики происходят значительные изменения, которые обусловлены тремя основными факторами – во-первых, начатой в феврале 2022 г. Специальной военной операцией (СВО), во-вторых, беспрецедентным ужесточением санкционной политики в отношении России и, в-третьих, предпринимаемыми в стране мерами по купированию ее последствий. Преодоление или как минимум смягчение негативных эффектов введения очередных пакетов санкций объективно определяют необходимость принятия органами государственной власти как на федеральном, так и на региональном уровнях ответных решений в сфере экономической и социальной политики фактически в режиме ручного управления. Все это затрудняет, а в отдельных случаях делает невозможным разработку не только долгосрочных, но и среднесрочных и даже краткосрочных прогнозов социально-экономического развития страны и ее регионов.

В связи с этим действующие в настоящее время и ориентированные на перспективу программы (если говорить о региональной проекции социально-экономического развития, то таковой является «Стратегия пространственного развития России на период до 2025 года») следует рассматривать как документы, определяющие желательные направления развития и масштабы изменений, в то время как конкретные количественные показатели играют в них вспомогательную роль. В таких условиях (и анализ уже опубликованных материалов подтверждает сделанный вывод) осуществляемые научные исследования, посвященные экономике и социальной сфере субъектов РФ, объективно носят вероятностный и вариативный характер. В подобных работах авторы предпринимают попытки количественно и содержательно проанализировать текущую социально-экономическую ситуацию в регионах и дать, пусть и краткосрочный, прогноз ее дальнейшего развития¹. К сожалению, и в данном случае полученные результаты могут

---

¹ Возможно, нехваткой специалистов нужной квалификации и отсутствием необходимого финансирования соответствующих проектов объясняется тот факт, что, несмотря на значительное число имеющихся публикаций, в которых анализируются изменения

быть аннулированы из-за форс-мажорных обстоятельств, например неблагоприятного положения в пограничных с Украиной регионах России.

Тем не менее проводимые в настоящее время экономистами, географами и социологами исследования происходящих изменений в экономике и социальной сфере российских регионов имеют очевидную ценность в контексте мониторинга текущей динамики. В перспективе полученные частные результаты могут оказаться полезными при написании монографий и учебных пособий по истории социально-экономического и пространственного развития Российской Федерации в 2020-е годы. Исходя из этих соображений и были отобраны материалы, публикуемые в настоящем тематическом номере журнала «*Экономические и социальные проблемы России*».

По уровню проблем, которые обсуждаются во включенных в журнал статьях и обзорах, они могут быть разделены на три основные группы. В первую группу вошли работы, в которых изменение социально-экономической ситуации, а также определенные аспекты этих изменений рассматриваются на макроуровне (в региональном разрезе). К их числу относятся статьи *A.B. Кащепова, O.B. Кузнецовой, C.H. Смирнова* и обзор *M.A. Положихиной*. Вторую группу составили работы, посвященные отдельным проблемам, которые органы управления и местные сообщества решают в конкретных регионах страны. К ним относятся статьи *E.A. Рыжковой* и *O.A. Толтыгиной, O.A. Балабейкиной* с соавторами, *B.B. Петушкивой* и *E.B. Черняева*. Наконец, в номер включены работы, в которых разбираются новые подходы зарубежных специалистов к вопросам регионального развития (обзоры *H.A. Коровниковой* и *O.N. Пряжниковой*). Предлагаемые ими методы могут оказаться востребованными в Российской Федерации.

В зависимости от тематики все материалы распределены по традиционным рубрикам журнала.

Первый раздел «**Теоретические и методологические вопросы**» открывает статья *C.H. Смирнова*. Автор рассматривает последствия происходящей структурной перестройки экономики для различных субъектов РФ, анализирует достоинства и недостатки используемых в настоящее время методов их количественной оценки. Такие оценки могут быть либо частными, при помощи которых определяется вектор, динамика и масштабы изменений той или иной составляющей экономики и социальной сферы реги-

---

конкретных видов экономической деятельности в регионах, комплексный анализ происходящей трансформации региональных экономик до настоящего времени не выполнен. Между тем исследования, подобные представленным в издании «Торгово-промышленный міръ России. Годъ войны. Литературно-экономический, финансовый, торгово-промышленный и статистический обзоръ» (Петроградъ, 1916), в котором подробно рассмотрены изменения, происходившие в отраслях экономики страны, могли бы быть спроектированы на субъекты РФ и другие единицы административно-территориального деления страны. Полученные результаты были бы полезны при разработке новой «Стратегии пространственного развития России».

она, либо интегральными (комплексными), которые формируются с использованием совокупности частных оценок. Важно, что результаты, полученные с применением интегральных оценок, в ряде случаев могут скрывать существенные межрегиональные разрывы в значениях частных оценок (о чем свидетельствуют расчеты, представленные в статье). В связи с этим необходимо четкое понимание того обстоятельства, что комплексные оценки применимы прежде всего в общественно-политическом поле. В то же время частные оценки должны служить исходным сигналом для принятия управленческих решений, направленных на изменение конкретных компонент экономической и социальной сфер региона в тех случаях, когда по их значениям регион является «аутсайдером» среди субъектов РФ.

В этом же разделе опубликована статья *A. B. Карапова*, в которой подробно анализируется межрегиональная дифференциация величины заработной платы и уровня занятости в России, а также приводятся результаты корреляционного и факторного анализа показателей социально-экономического развития (в контексте оценки их влияния на размер заработной платы) в разрезе субъектов РФ. Несомненный интерес представляет типология регионов субфедерального уровня, которая разработана автором на основе проведенных им расчетов с использованием 26 социально-экономических показателей. Всего выделено пять типов регионов. Причем наибольшей экономической эффективностью и высокой заработной платой характеризуются северные регионы, ориентированные на добычу и экспорт энергоресурсов, а также две столичные городские агломерации. Предложенная типология представляется полезной как для мониторинга, так и для целей социально-экономического прогнозирования и государственного регулирования.

Следующая рубрика «**Мировая экономика и международные отношения**», а именно ее подраздел «**Проблемы стран и регионов**», открывается статьей *B. B. Петушкивой*. Цель работы – дать представление о возможностях социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) РФ, которые открываются благодаря его соседству с Китаем. Автор описывает историю появления китайской диаспоры на российском Дальнем Востоке и взаимоотношения России с Китаем в различные исторические периоды. При анализе современной ситуации рассматривается отечественная стратегия «Поворот на Восток» и создаваемые в ДФО в соответствии с ней территории опережающего развития. Количество последних к настоящему времени достигло 20, причем в 13 из них присутствуют китайские компании. Приводятся также примеры участия Китая в инвестиционных проектах, реализуемых в ДФО, в том числе в аграрной сфере, а также в строительстве Амурского газохимического комплекса.

К сожалению, перспективы развития сотрудничества между предприятиями России и Китая в условиях современного санкционного давления на первую и риска попадания под вторичные санкции второго труднопрогнозируемы. Тем важнее продолжить начатое изучение заявленной темы.

В данный подраздел также включен обзор *О.Н. Пряжниковой*, посвященный зарубежному опыту разработки и реализации пространственной политики, который может быть использован в России. Одним из направлений этой политики является активизация социально-экономической деятельности в труднодоступных (территориально удаленных) районах и их интеграция в общую хозяйственную систему. Методические подходы, предлагаемые иностранными специалистами, нацелены на создание условий для развития местных сообществ, включая маркетинг феномена удаленности в качестве источника инноваций и конкурентных преимуществ. Эксперты также обращают внимание на положительную роль притока мигрантов для оживления экономики удаленных районов и формирования привлекательного образа небольших поселений.

Статья *О.А. Балабейкиной* с соавторами, в свою очередь, основывается на отечественных реалиях и демонстрирует возможности развития внутреннего туризма за счет использования объектов православной культово-культурной инфраструктуры (на примере Вологодской области). Необходимым условием для этого является соответствующее содействие региональных органов власти и управления.

Опубликованная в рубрике «**Вопросы управления**» статья *Е.А. Рыжковой* и *О.А. Толпигиной* интересна тем, что в ней на конкретных примерах г. Самары – благоустройстве горожанами микротерриторий своего проживания, – показана результивность соучаствующего проектирования. Проведенное авторами двухэтапное социологическое обследование одновременно позволило выявить основные проблемы реализации подобных проектов. Также было установлено, что лидеры местных сообществ, добивающихся успехов в этом направлении, как правило, уже обладают опытом коммуникации с властными структурами и ресурсоснабжающими организациями. Главный долгосрочный позитивный эффект соучаствующего проектирования в ходе реализации государственных программ благоустройства (не считая их прямого назначения) авторы видят в формировании и развитии социального капитала местных сообществ, представители которых готовы к дискуссиям и поискам компромиссов при решении вопросов повышения качества городской среды.

В следующем материале рубрики – обзоре *Н.А. Коровниковой*, – представлены способы оценки инновационного потенциала вузов и их влияния на социально-экономическое развитие региона своего расположения. Автор подробно описывает разработанные и апробированные зарубежные и отечественные модели и методики, которые имеют очевидную научную и практическую ценность. Перспективы исследований в этом направлении применительно к современной России связаны с гармонизацией (унификацией) и адаптацией способов оценки к потребностям конкретных регионов субфедерального уровня, поскольку структуры региональных экономик заметно различаются. В конечном счете комплексный подход к мониторингу влияния университетов на инновационное развитие регионов страны дол-

жен быть институционализирован и операционализирован, что позволит использовать оценки регионального инвестиционного потенциала вузов в управлении решениях.

Завершает рубрику обзор Е.В. Черняева, посвященный малоисследованным вопросам участия региональных исполнителей в выполнении гособоронзаказа (ГОЗ). Анализируя нормативные правовые акты в этой сфере, автор обращает внимание на существующие здесь в настоящее время противоречия финансово-правового характера. В обзоре представлены конкретные предложения по корректировке подходов к нормативному регулированию правил выполнения ГОЗ для более активного вовлечения в этот процесс региональных органов власти.

Статья О.В. Кузнецовой, открывающая рубрику «Проблемы социально-демографического развития», акцентирует внимание на особенностях современных внутренних миграций в России. Проведенный анализ обширного статистического материала позволяет автору предложить ряд мер, направленных на корректировку направлений внутренней миграции, которые следует учесть в ходе подготовки новой «Стратегии пространственного развития России» на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. (должна заменить в 2026 г. ныне действующую).

Так, для преодоления устойчивой макротенденции внутренней миграции населения из восточной в западную часть России признается необходимость повышения внимания со стороны государства к социально-экономическому развитию регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. В первую очередь требуется улучшить ситуацию с жилищным строительством. Смягчение остроты проблемы чрезмерной концентрации населения в крупнейших экономических центрах страны и сжатия освоенного пространства (в результате внутренней миграции) автор видит в повышении транспортной связности территорий России и в перераспределении бюджетных ресурсов между региональными и местными уровнями управления. Актуальность такого решения определяется относительно новым, но прогрессирующими явлением – появлением у граждан двух или более постоянных мест проживания, оказывающих нагрузку на инфраструктуру в каждом из них. Следует также внедрить в государственную статистику регулярные оценки количества таких граждан.

Завершает рубрику обзор М.А. Положихиной, дающий представление об исторических корнях и предпосылках современной ситуации с жилищным строительством и обеспечением жильем населения России. Автор отмечает исчертание в стране ресурсов бесплатной приватизации жилья и преобладание рыночных форм его использования (приобретение в собственность и аренда) при явном недостатке социального жилья. В числе особенностей отечественного рынка жилья выделено доминирование на нем застройщика (инвестора). Также обращается внимание на существующие межрегиональные различия как в объемах строительства жилья, так и в уровне его благоустройства. При этом подчеркивается, что опыт

возведения многоэтажных жилых домов в столичном мегаполисе и других городах-миллионниках не может быть использован в других (более мелких, но многочисленных) поселениях, в которых перспективным является малоэтажное жилищное строительство.

Материалы, вошедшие в настоящий номер журнала, отражают профессиональный взгляд авторов на конкретные направления трансформаций, происходящих в экономике и социальной сфере России в последние годы. Положения, высказываемые в опубликованных работах, нередко носят дискуссионный характер и не всегда совпадают с мнением редакции. Однако редколлегия журнала придерживается той точки зрения, что обсуждение аргументов авторов (включая критический взгляд на них) – это единственный путь к достижению истины.

С.Н. Смирнов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

УДК 332.055 (470+571)“2021/2023”
DOI:10.31249/espr/2024.04.01

С.Н. Смирнов*

РЕГИОНЫ РОССИИ ПОСЛЕ 2021 ГОДА: ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. Структурная перестройка экономики, происходящая в настоящее время в России, имеет ярко выраженный пространственный аспект. Регионы страны различаются между собой прежде всего по изменению количественных характеристик их экономики и социальной сферы, а в отдельных случаях – и по вектору изменений. При проведении аналитических исследований используются либо комплексные показатели, характеризующие социально-экономические трансформации в регионе в целом, либо частные, позволяющие оценить динамику тех или иных составляющих региональной экономики. Первые применяются в основном в общественно-политических целях, а вторые – для принятия конкретных решений регионального развития. В настоящей статье рассмотрены изменения в рейтингах регионов в 2021–2023 гг., сформированных с использованием показателей, которые определяют уровень жизни населения. Отмечена необходимость изучения причин наблюдаемой динамики показателей в конкретных субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: Российская Федерация; региональная экономика; социально-экономические показатели; рейтинги регионов; 2021–2023 гг.

Для цитирования: Смирнов С.Н. Регионы России после 2021 года: особенности оценки социально-экономических изменений // Экономические и социальные проблемы России. – Москва. – 2024. – № 4. – С. 15–33.

---

* Смирнов Сергей Николаевич, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия). E-mail:sernsmirnov@mail.ru.

Smirnov Sergey, DSn (Econ. Sci.), Leading Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail:sernsmirnov@mail.ru.

S.N. Smirnov

**Regions of Russia after 2021: approaches to the assessment
of social and economic changes**

Abstract. The structural changes in the economy currently taking place in Russia have an obvious spatial aspect. The regions differ primarily in terms of changes in the quantitative characteristics of their economy and social sphere and in some cases in the vector of changes. While evaluating changes experts use either complex indicators characterizing socio-economic transformations in the region as a whole or indicators that allow assessing the dynamics of certain components of the regional economy. Complex indicators are used mainly for socio-political purposes, while the latter are used to make specific decisions concerning regional development. The changes in the ratings of regions in 2021–2023 formed using indicators that determine the standard of living of the population, are considered. The need to study the causes of the dynamics of indicators in specific regions is noted.

Keywords: Russian Federation; regional economy; social and economic indicators; regional ratings; 2021–2023 yy.

For citation: Smirnov S.N. Regions of Russia after 2021: approaches to the assessment of social and economic changes // Economic and Social Problems of Russia. – Moscow, 2024. – N 4. – P. 15–33.

**Введение: меняющиеся регионы
в фокусе исследований**

Происходящие в экономике страны в последние 2–3 года существенные изменения имеют очевидный региональный аспект. Любая реструктуризация, а именно она наблюдается в настоящее время в Российской Федерации, так или иначе вызывает определенные изменения в территориальной структуре хозяйства, которые могут либо проявляться одновременно, либо иметь долгосрочный характер. Во всяком случае, та сложившаяся в предыдущие два десятилетия относительная стабильность в разделении регионов (этот термин в данной статье используется применительно к субъектам Российской Федерации) по уровню социально-экономического благополучия на «лидеров», «середняков» и «аутсайдеров» может быть в определенной степени изменена. Иными словами, в новых экономических реалиях у некоторых регионов могут появиться дополнительные предпосылки для развития, в то время как другие могут их утратить. Не случайно проблемы, которые в настоящее время решают регионы страны, стали предметом исследований различных авторов.

Подобные работы стали появляться уже вскоре после рестарта санкционной политики, поскольку исследователям с самого начала было очевидно, что предстоящие изменения так или иначе отразятся на территориальной структуре российской экономики в целом и на экономике конкретных регионов в частности.

Так, практически «по горячим следам» в третьем квартале 2022 г. опубликована носящая академический характер статья Н.В. Зубаревич, в которой фактически была проведена экспресс-диагностика первых последствий санкций, введенных в первые три месяца после начала СВО. Было показано, что в наибольшей степени на этом отрезке времени пострадали регионы, наиболее тесно связанные с глобальным рынком, в то время как аграрные регионы, удовлетворяющие спрос на продовольствие, и регионы, ориентированные на азиатские рынки, пострадали в меньшей степени [Зубаревич, 2022]. В дальнейшем вышло еще несколько публикаций в рассматриваемом предметном поле, посвященных отдельным проблемам развития субъектов Российской Федерации, в частности их инвестиционной политике в новых условиях [Сорокина, 2023]. Однако содержащиеся в них выводы и рекомендации носят, как правило, самый общий характер.

Последнее вполне объяснимо, равно как и смещение содержания публикуемых материалов в сторону мониторинга меняющейся ситуации в регионах. Быстрая трансформация факторов внешней среды, обусловленная непосредственными и отложенными эффектами санкционных мер, сделала невозможным разработку надежных не только долго-, но и краткосрочных прогнозов социально-экономической ситуации в регионах.

Отсюда и тематика публикаций, в которых анализируются те или иные аспекты текущего изменения социально-экономической ситуации в регионах, например, деловой активности [В ВШЭ сообщили … , 2022], региональной дифференциации экономических показателей за определенный промежуток времени [Рост экономики покажет … , 2022] и др. Тем не менее имеются и комплексные оценки ситуации, которые размещаются электронными СМИ. В этих работах рассматриваются проблемы адаптации региональных экономик к новым реалиям [Гордеева, 2023]; риски, которые могут реализоваться в экономике регионов [Иванова, Денисенко, 2024]; изменения сравнительной инвестиционной привлекательности регионов [Тирских, Галиева, 2023]; возможности и последствия межрегионального социального выравнивания [Перечнева, 2023] и, наконец, о будущем так называемых «четырех Российской», выделенных в свое время Н. Зубаревич [Сысоев, 2023].

Свои выводы о происходящих изменениях в регионах аналитики основывают на различных статистических показателях, которые входят в перечень официально публикуемых, либо являются результатом самостоятельных расчетов авторов. Их можно разделить на две основные группы: комплексные, характеризующие общую динамику социально-экономической ситуации в регионах, и частные, отражающие трансформацию состояния конкретных составляющих экономики и социальной сферы региона. Каждая из этих групп имеет свои особенности, а их использование определяется целями, которые преследует тот или иной исследователь. Ниже анализируются эти особенности.

Качество жизни: на пути к улучшению?

Если рассматривать показатели первой группы, то наибольший интерес вызывают осуществляемые на регулярной основе мониторинговые исследования происходящих в настоящее время в российских регионах изменений, результатом которых являются комплексные оценки последних. Одним из них является ежегодный «Рейтинг регионов по качеству жизни», который составляется Центром экономических исследований «РИА Рейтинг» на основе публикуемых Росстатом, Минздравом, Минфином и Центробанком 66 показателей. Последние объединены в 11 групп, с разных сторон характеризующих условия жизни и социально-экономическую сферу в конкретных субъектах Российской Федерации [Рейтинг регионов …, 2024]. В «Рейтинге регионов РФ по качеству жизни» определяются позиции регионов как по совокупности всех 11 групп показателей, так и отдельно по каждой из них. Такой подход представляется достаточно обоснованным с точки зрения оценки изменений, которые происходят в повседневной жизни населения конкретных регионов, а также мониторинга предпосылок для их улучшения или ухудшения.

Тем не менее обработка результатов рейтингов 2021 и 2023 гг. приводит к несколько неожиданным результатам.

Так, оказалось, что качество жизни в 2023 г. по сравнению с 2021 г., судя по количественным значениям рейтингов, улучшилось в 84 из 85 регионов страны, по которым имеются необходимые для расчета рейтинга статистические данные. Единственным исключением стал Чукотский АО. При среднем изменении значения рейтинга на 5,178 (с 48,296 до 53,474), в регионах его изменения заметно варьировали (рис. 1). Это стало фактором изменения позиций многих (68 из 85) регионов в рейтинге. В большинстве случаев, однако, эти перемещения были несущественны: из упомянутых 68 регионов 28 регионов повысили или снизили свое место в рейтинге не более, чем на три позиции, в том числе 21 регион – не более, чем на две позиции.

При этом, однако, регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры сохранили свои места. Так, в 2023 г. по сравнению с 2021 г. не изменился состав регионов с наивысшими значениями рейтинга: в нем по-прежнему находились Москва с рейтингом 83,640 (в 2021 г. – 81,352), Санкт-Петербург (соответственно 82,310 и 80,241), Московская область (79,999 и 75,858), Краснодарский край (74,355 и 67,327) и Республика Татарстан (73,757 и 69,361).

Аналогичная ситуация и с составом пяти регионов с самыми низкими значениями рейтингов: в 2023 г. он на 80% повторил перечень 2021 г. В обоих случаях в нем находились Республика Тыва с рейтингом 26,506 в 2023 г. (в 2021 г. – 19,105), Республика Ингушетия (соответственно 33,261 и 29,741), Еврейская автономная область (33,388 и 28,940), Забайкальский край (33,584 и 30,070). Покинула этот перечень Карачаево-Черкесская Республика (38,080 и 25,542), оказавшаяся в числе уже семи регионов с самыми низкими рейтингами. Наоборот, в него вошла Республика Бурятия

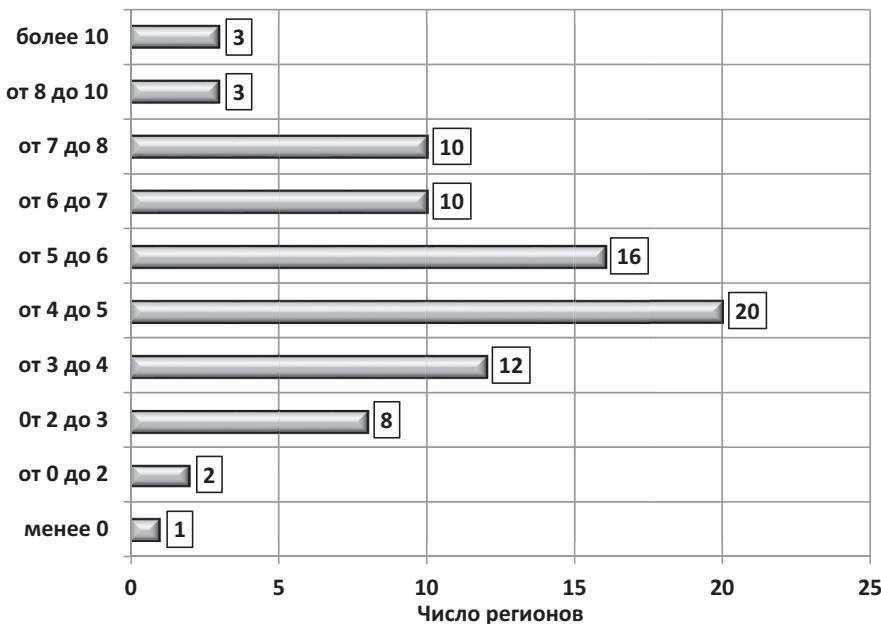

Рис. 1. Распределение регионов Российской Федерации по изменению рейтинга качества жизни в 2021–2023 гг.

Рассчитано по: [Рейтинг регионов … , 2022; Рейтинг регионов … , 2024].

(35,511 и 33,024), в 2021 г. относившаяся к восьми регионам с самыми низкими рейтингами [Рейтинг регионов … , 2022; Рейтинг регионов … , 2024].

Следует отметить, из 66 упомянутых показателей часть имеет лишь опосредованное влияние на собственно качество жизни. Значимы для повседневной жизни населения показатели следующих восьми групп: «Уровень доходов населения», «Занятость населения и рынок труда», «Жилищные условия населения», «Безопасность проживания», «Демографическая ситуация», «Экологические и климатические условия», «Здоровье населения и уровень образования», «Обеспеченность объектами социальной инфраструктуры».

Изменение уровней экономического развития, развитие малого бизнеса и ряд других показателей (т. е. показатели трех групп – «Уровень экономического развития», «Уровень развития малого бизнеса», «Освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры»), которые используются «РИА Рейтинг» при составлении рейтингов регионов по качеству жизни, в целом малоинтересны для самого населения. Показатели, характеризующие экологические и климатические условия проживания, обеспеченность объектами социальной и транспортной инфраструктуры безусловно важны, но они скорее описывают общий фон проживания населения региона. Кро-

ме того, существенное изменение этих показателей, как правило, носит преимущественно разовый, а не постоянный характер: оно происходит при завершении конкретных инвестиционных проектов в той или иной сфере.

О неоднозначности результатов, которые получаются у «РИА Рейтинг», свидетельствует и тот факт, что они не ложатся в основу принимаемых решений при разработке направлений региональной политики.

Так, по итогам совещания с членами Правительства 4 апреля 2024 г. Президентом РФ было дано поручение утвердить индивидуальные программы социально-экономического развития (ИПСЭР) 10 регионов субфедерального уровня на 2025–2030 гг. [Перечень поручений …, 2024]. При анализе перечня регионов для утверждения ИПСЭР оказывается, что не все они были самыми худшими в «РИА Рейтинге». Так, только четыре из них в 2023 г. вошли в состав 10 регионов с самыми низкими значениями рейтинга качества жизни, а именно, республики Тыва (последнее, 85 место) и Алтай (80 место), Курганская область (77 место) и Республика Калмыкия (76 место). Такие регионы, как Алтайский край, Кировская область, Псковская область, Республики Хакасия и Марий Эл (соответственно 69, 66, 63, 62, 54 места), судя по рейтингу, являются более благополучными. Включение в список регионов для разработки ИПСЭР Чувашской Республики, занимающей 28-е место в рейтинге качества жизни, только на его основе было бы невозможно. Кроме того, данным поручением предусматривается также оказание содействия Республике Адыгея (занимает 22 место в рейтинге) в завершении реализации проектов, начатых в период до 2024 г. Ежегодное финансирование ИПСЭР в этой республике составит 500 млн руб., а в остальных 10 регионах – по 1 млрд руб. [Перечень поручений …, 2024].

Повседневная жизнь населения в регионах и ее перспективы

Автором была проведена верификация оценок (рейтингов), полученных «РИА Рейтинг», с использованием показателей, которые публикует Росстат. Отбор показателей был осуществлен с учетом того, насколько они реально важны для населения любого региона. Ниже приводятся полученные результаты.

Доходы населения и стоимость жизни. В повседневной жизни для населения ключевым является соотношение уровня инфляции с получаемыми доходами. Поэтому для укрупненной оценки изменений, произошедших в регионах в 2021–2023 гг., использовались два показателя: nominalные денежные доходы в расчете на душу населения, а также стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг (далее СФНПТУ). Необходимые данные публикуются в разделе «Некоторые статистические показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации» ежемесячно выходящего доклада Росстата «Социально-экономическое положение России». Причем состав последнего утвержден приказ-

зом Росстата от 25.12.2020 № 848 и включает 83 позиции, в том числе 30 продовольственных, 41 непродовольственный товар и 12 видов услуг с соответствующими нормативами потребления [Приказ Росстата от 25.12.2020].

По данным, опубликованным в сборниках «Социально-экономическое положение России» за 2021, 2022, 2023 и 2024 гг., были рассчитаны отношения номинальных среднедушевых денежных доходов населения в IV квартале 2021 г. и 2023 г. (в настоящее время они публикуются Росстатом в квартальном разрезе) к СФНПТУ в декабре соответствующих лет (этот показатель рассчитывается помесячно) по 85 субъектам РФ (по которым имеется информация). Тенденции их изменения в целом подтверждают результаты, которые были получены разработчиками упомянутого выше «Рейтинга регионов по качеству жизни». Если в 2021 г. среднедушевые доходы населения в Российской Федерации в целом превышали СФНПТУ в 2,55 раза, то в 2023 г. – в 2,91 раза, или на 14,2% больше. Хотя это несколько выше, чем увеличение рейтинга регионов по качеству жизни, составившее 10,7%.

В 2023 г. отношение среднедушевых денежных доходов к СФНПТУ превысило данное соотношение в 2021 г. во всех рассматриваемых регионах России, за исключением Московской области, где оно снизилось на малозначительные 0,05%. Однако это не повлияло на положение области в ранжированном списке регионов, поскольку само отношение сохранилось практически на прежнем уровне, составив 3,21 вместо 3,22 в 2021 г.

Тем не менее в 2023 г. сохранились значительные межрегиональные разрывы в величине рассматриваемого соотношения. Максимальное его значение (5,21 в Ямало-Ненецком АО) превысило минимальное (1,54 в Республике Калмыкия) в 3,37 раза. По сравнению с 2021 г., когда разница между теми же регионами составляла 3,13 раза, они даже увеличились. О значительных диспропорциях свидетельствует также и тот факт, что в 2023 г. только в 36 из 85 регионов (или в 42,4% случаях) значение отношения было выше среднего по стране (2,55), а в 49 регионах, или 57,6%, – ниже. Ситуация была аналогичной и двумя годами ранее: при среднем значении отношения 2,25 выше оно оказалось в 31 регионе, или 36,5%, а меньше – в 54, или 63,5%.

Перемещения регионов в рейтинге значений отношения среднедушевых денежных доходов к СФНПТУ 2023 г. относительно рейтинга 2021 г. составили в среднем 5,9 позиций. Это существенно выше среднего изменения места регионов в рейтинге качества жизни за тот же период, которое составило 3,8 позиций. Таким образом, можно предположить, что использование в последнем большого числа показателей сглаживает масштабы межрегиональных изменений, которые отражаются на повседневной жизни населения.

На основе изменения положения субъектов РФ в рейтинге значений отношения среднедушевых денежных доходов к СФНПТУ 2023 г. относительно рейтинга 2021 г. можно выделить две группы регионов – с достаточно заметными либо улучшением, либо ухудшением их положения относительно других регионов (табл. 1).

Таблица 1

Регионы Российской Федерации с наибольшим изменением положения в рейтинге отношения среднедушевых денежных доходов к СФНПТУ в 2021–2023 гг.

Регионы «прогресса»	Разность между позициями в рейтинге 2023 и 2021 гг. (не менее 10)	Регионы «регресса»	Разность между позициями в рейтинге 2023 и 2021 гг. (не менее 10)
Кабардино-Балкарская Республика	30 (64–34)	Калужская область	-22 (40–62)
Республика Карелия	18 (42–24)	Калининградская область	-16 (59–75)
Костромская область	17 (65–48)	г. Севастополь	-15 (44–59)
Забайкальский край	15 (66–51)	Республика Башкортостан	-12 (21–33)
Новгородская область	14 (49–35)	Курская область	-12 (24–36)
Тверская область	13 (51–38)	Приморский край	-12 (35–47)
Кировская область	13 (73–60)	Иркутская область	-11 (45–56)
Архангельская область	12 (39–27)	Саратовская область	-11 (55–66)
Самарская область	11 (37–26)	Пермский край	-10 (29–39)
Курганская область	11 (80–69)	Новосибирская область	-10 (32–42)
Республика Коми	10 (31–21)	Брянская область	-10 (36–46)
		Вологодская область	-10 (62–72)

Источник: расчет автора по данным [Рейтинг регионов … , 2021; Рейтинг регионов … , 2023].

Полученные результаты расчетов нуждаются, безусловно, в подробном анализе причин, почему в некоторых регионах ситуация с денежными доходами населения резко улучшилась, а в других не менее резко ухудшилась. В данной статье такая задача не ставилась, поскольку важно было показать именно межрегиональные различия в динамике значений показателя в рассматриваемый двухлетний период. Однако влияние фактора санкционной политики в ряде случаев кажется достаточно очевидным. Так, в состав регионов, наиболее заметно утративших свои позиции в рейтинге отношения среднедушевых денежных доходов к СФНПТУ, вошли Калужская и Калининградская области. В первой из них в числе основных пострадавших секторов оказалось автомобилестроение, в котором в условиях ограничения доступа к иностранным рынкам и снижения инвестиций произошло сокращение производства и прибыли [Леваков, Ерохина, 2023]. У второй, представляющей собой российский эксклав, очевидны острые транспортно-логистические

проблемы. В конце ноября 2023 г. ущерб Калининградской области от санкций оценивался в 2 млрд руб. [Ущерб от санкций … , 2023]. С другой стороны, санкции практически не оказались на Кабардино-Балкарской Республике, которая переместилась в рейтинге вверх на 30 позиций. Дело в том, что ее экономика зависит от импорта не более чем на 3% [Абдуллаев, 2023]. Существенное улучшение позиции экспортно-ориентированной Республики Карелия произошло во многом благодаря принятым государством мерам по снижению негативных последствий санкционного давления. В данном случае падение производства в лесной промышленности и добыче металлических руд компенсировалось ростом производства в металлургии, ряде обрабатывающих отраслей и сельском хозяйстве [Власти Карелии … , 2023].

Рынок труда. Оценка произошедших в рассматриваемый период изменений были проведена в контексте формирования на рынке труда как предложения, так и спроса.

Предложение на рынке труда. Возможность получения дохода от занятости принципиальна прежде всего для лиц трудоспособного возраста. В соответствии с российским законодательством он устанавливается от 16 лет до достижения возраста, дающего право на страховую пенсию по старости [Приказ Росстата от 17.07.2019 … , 2019].

Результаты расчетов автора показали, что в октябре – декабре 2023 г. по сравнению с октябрем – декабрем 2021 г. общая численность безработных сократилась во всех регионах России, за исключением Санкт-Петербурга, где она незначительно увеличилась (с 47,3 до 49,6 тыс. человек, или на 4,9%). Однако масштабы этого сокращения заметно варьировали в региональном разрезе. Если в стране в целом количество безработных в этот период сократилось на 30,7% (с 3242,8 до 2248,7 тыс. чел.), то в региональном разрезе этот показатель (исключая Санкт-Петербург) варьировал от 3% в Республике Дагестан до 71,5% в Республике Хакасия (табл. 2).

Детальный анализ причин приведенных в табл. 2 значительных различий между регионами, как и аналогичных расхождений других показателей, которые были использованы для оценки произошедших изменений, как уже было отмечено, является предметом самостоятельных исследований. Здесь же можно констатировать, что серьезное сокращение числа безработных в таких регионах, как, например, Нижегородская область, могло быть связано с выполнением оборонных заказов, а в Краснодарском крае – с дополнительными стимулами для развития сельскохозяйственного производства. С другой стороны, в регионах с традиционно высокими уровнями безработицы (Республики Дагестан, Ингушетия, Чеченская) количество безработных сократилось незначительно.

В результате уменьшения общего количества безработных уровень безработицы снизился во всех регионах страны (Санкт-Петербург здесь не стал исключением). Однако из-за различий относительных снижений положение отдельных регионов в рейтинге уровня безработицы заметно изменилось. Среднее перемещение регионов составило в среднем 11 позиций,

Таблица 2

**Регионы Российской Федерации с наибольшим
и наименьшим относительным сокращением числа безработных
(октябрь – декабрь 2023 г. к октябрю – декабрю 2021 г., %)**

Регионы с наибольшим сокращением (более 50%)	%	Регионы с наименьшим сокращением (менее 10%)	%
Республика Хакасия	71,5	Республика Дагестан	3,0
Чукотский АО	66,7	Ленинградская область	3,1
Нижегородская область	61,1	Республика Ингушетия	4,0
Амурская область	57,4	Чеченская Республика	4,4
Астраханская область	55,9	Ненецкий АО	6,3
Оренбургская область	55,2	Московская область	6,5
Республика Адыгея	55,1	Белгородская область	9,4
Краснодарский край	53,9	Кабардино-Балкарская Республика	10,0
Республика Коми	53,3		
Республика Тыва	51,9		
Мурманская область	50,8		

Источник: расчет автора по [Социально-экономическое положение … , 2024].

что в 1,86 раза больше такого перемещения в рейтинге отношения среднедушевых денежных доходов к СФНПТУ и в 2,89 раза больше перемещения в рейтинге качества жизни. В данном случае также можно выделить регионы с достаточно заметным улучшением и заметным ухудшением положения в рейтинге относительно других регионов (табл. 3).

Имел смысл сопоставить между собой изменения позиций регионов в рейтингах отношения среднедушевых денежных доходов к СФНПТУ и уровня безработицы. Связь между ними, как показали результаты расчетов, практически отсутствует (значение коэффициента корреляции составило всего 0,081). Это лишний раз подтверждает, что при оценке происходящих изменений социально-экономической ситуации в регионах целесообразно привлекать различные частные показатели, каждый из которых имеет свое самостоятельное значение.

Спрос на рынке труда. В настоящее время на российском рынке в целом спрос на рабочую силу превышает ее предложение. Экспертные оценки имеющегося дефицита заметно расходятся и составляют от 1 до 4,8 млн человек [Зарплаты растут … , 2024]. Например, по данным Федеральной службы по труду и занятости, дефицит, оцениваемый количеством заявленных работодателями в органы службы занятости вакансий, в декабре 2023 г.

Таблица 3

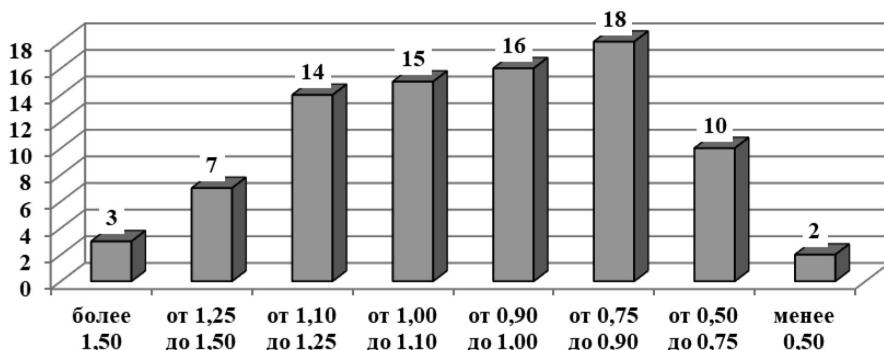
**Регионы Российской Федерации с наибольшим
изменением положения в рейтинге уровня безработицы
в октябре-декабре 2021 г. – октябре-декабре 2023 г.**

Регионы «прогресса»	Разность между позициями в рейтинге в октябре-декабре 2023 и октябре-декабре 2021 г. (не менее 10)	Регионы «регресса»	Разность между позициями в рейтинге в октябре-декабре 2023 и октябре-декабре 2021 г. (не менее -10)
Республика Хакасия	54	Московская область	-46
Амурская область	41	Белгородская область	-38
Краснодарский край	35	Ивановская область	-32
Оренбургская область	29	Ленинградская область	-28
Нижегородская область	25	Рязанская область	-25
Чувашская Республика	20	Тюменская область	-24
Кемеровская область	18	Тамбовская область	-22
Пензенская область	17	Камчатский край	-21
Кировская область	17	Орловская область	-20
Мурманская область	16	Костромская область	-19
Республика Мордовия	14	Брянская область	-16
Пермский край	14	Ростовская область	-16
Астраханская область	12	Тверская область	-16
Смоленская область	12	Воронежская область	-15
Ульяновская область	12	Магаданская область	-14
Республика Тыва	10	Вологодская область	-13
Омская область	10	Республика Татарстан	-10

Источник: расчет автора по [Социально-экономическое положение ...].

не только не увеличился по сравнению с декабрем 2021 г., но даже сократился на 4,9% (с 1922,4 до 1828,9 тыс. человек) [Социально-экономическое положение ...].

Согласно этим же данным, вектор изменения количества вакансий в российских регионах различается. В 39 из них количество вакансий увеличилось, а в 46 – сократилось. В число пяти регионов с наибольшим увеличением числа вакансий вошли Пермский край, Республика Дагестан,

Рис. 2. Распределение регионов Российской Федерации по отношению числа вакансий, заявленных в органы службы занятости в декабре 2023 г., к заявленным в декабре 2021 г.
Рассчитано по: [Социально-экономическое положение ...].

г. Санкт-Петербург, Оренбургская и Ярославская области. В декабре 2023 г. по сравнению с декабрям 2021 г. увеличение числа вакансий в них составило соответственно 66%, 58, 51, 44 и 41%. В наибольшей степени снизилось количество вакансий в следующих пяти регионах: Республика Ингушетия, Омская область, г. Севастополь, Еврейская автономная область и Мурманская область. Сокращение вакансий в указанный период составило соответственно 68%, 67, 50, 47 и 46%.

Распределение регионов по изменению числа вакансий представлено на рис. 2.

Была также проверена гипотеза о наличии связи между изменением числа безработных и количества вакансий в регионах в рассматриваемом отрезке времени. В результате проведенных расчетов оказалось, что такая связь отсутствует: коэффициент корреляции был малоотличим от нуля, составив $-0,026$.

Естественное движение населения. Прямая связь между естественным приростом или убылью населения и уровнем его жизни отсутствует. Однако преодоление негативных тенденций в демографической сфере в конечном счете является предпосылкой социально-экономического благополучия региона. К сожалению, в настоящее время основная часть субъектов Российской Федерации характеризуется естественной убылью населения.

Для оценки происходящих изменений в настоящей работе были использованы показатели величины естественного прироста населения за 2021 и 2023 гг., публикуемые в сборниках Росстата [Социально-экономическое положение ...]. Согласно этим данным, в Российской Федерации в целом как в 2021 г., так и в 2023 г. наблюдалась естественная убыль населения. В 2023 г. она составила 495,3 тыс. человек, или 47,5% от ее величины

Таблица 4
**Группировка регионов Российской Федерации
по сочетанию естественного прироста и убыли населения
в 2021 и 2023 гг.**

Характеристика региона по естественному приросту (убыли) населения	Число регионов
Естественная убыль в 2021 г. Естественная убыль в 2023 г.	70
Естественная убыль в 2021 г. Естественный прирост в 2023 г.	5
Естественный прирост в 2021 г. Естественный прирост в 2023 г.	10

Источник: расчет автора по [Социально-экономическое положение ...].

в 2021 г., оценивавшейся в 1042,7 тыс. человек. Ситуация в большинстве регионов соответствует общероссийской тенденции, однако в некоторых из них она отличается (табл. 4).

Для каждой из трех представленных в табл. 4 групп были составлены рейтинги регионов по рассматриваемому показателю. Для регионов с естественным приростом населения в обоих случаях было использовано отношение его величины в 2023 г. к естественному приросту в 2021 г. (чем больше оказалось данное отношение, тем более высокое место занимал регион в рейтинге). Для регионов с естественной убылью в 2021 г. и естественным приростом в 2023 г. было рассчитано отношение последнего к модулю естественной убыли в 2021 г. (как и в предыдущем случае, чем больше было значение этого отношения, тем более высокое место занимал регион в рейтинге). Наконец, для регионов с естественной убылью населения в обоих случаях – отношение убыли в 2023 г. к убыли в 2021 г. (в этом случае более высокое место региона в рейтинге соответствовало меньшему отношению). Итоговый (сводный) рейтинг регионов представлен в табл. 5.

Таблица 5
**Сводный рейтинг регионов Российской Федерации
по естественному приросту (убыли) населения
в 2021–2023 гг.**

Регионы	Рейтинг
1	2
<i>Регионы с естественным приростом в 2021 и 2023 гг.</i>	
1. Республика Алтай	25,389
2. Ненецкий АО	3,421

Продолжение табл. 5

1	2
3. Кабардино-Балкарская Республика	3,035
4. Республика Саха (Якутия)	2,032
5. Ханты-Мансийский АО	1,520
6. Республика Дагестан	1,118
7. Чеченская Республика	1,112
8. Ямало-Ненецкий АО	1,107
9. Республика Ингушетия	0,977
10. Республика Тыва	0,764
<i>Регионы с естественной убылью в 2021 г. и естественным приростом в 2023 г.</i>	
11. Чукотский АО	2,158
12. Тюменская область	0,419
13. Карачаево-Черкесская Республика	0,364
14. Республика Северная Осетия-Алания	0,248
15. г. Москва	0,116
<i>Регионы с естественной убылью в 2021 г. и естественной убылью в 2023 г.</i>	
16. Республика Калмыкия	0,116
17. Камчатский край	0,324
18. Республика Татарстан	0,328
19. Республика Адыгея	0,342
20. Астраханская область	0,348
21. г. Санкт-Петербург	0,384
22. Московская область	0,416
23. Ставропольский край	0,425
24. Республика Башкортостан	0,445
26. Челябинская область	0,485
27. Иркутская область	0,487
28. Оренбургская область	0,494
29. Краснодарский край	0,499
30. Ростовская область	0,511
31. Новосибирская область	0,512
32. Свердловская область	0,514
33. Амурская область	0,522
34. Мурманская область	0,527
35. Омская область	0,536
36. Томская область	0,539

Продолжение табл. 5

1	2
37. Калужская область	0,540
38. Курская область	0,541
39. Саратовская область	0,541
40. Чувашская Республика	0,542
41. Волгоградская область	0,546
42. Ульяновская область	0,552
43. Пермский край	0,555
44. Алтайский край	0,557
45. Липецкая область	0,561
46. Костромская область	0,563
47. г. Севастополь	0,571
48. Ленинградская область	0,574
49. Брянская область	0,577
50. Республика Коми	0,578
51. Воронежская область	0,579
52. Нижегородская область	0,584
53. Ярославская область	0,586
54. Архангельская область	0,589
55. Магаданская область	0,594
56. Республика Хакасия	0,595
57. Республика Крым	0,595
58. Республика Мордовия	0,595
59. Рязанская область	0,596
60. Самарская область	0,597
61. Республика Карелия	0,603
62. Удмуртская Республика	0,606
63. Новгородская область	0,610
64. Кировская область	0,611
65. Хабаровский край	0,611
66. Вологодская область	0,611
67. Республика Марий Эл	0,612
68. Еврейская автономная область	0,613
69. Ивановская область	0,623
70. Пензенская область	0,624
71. Тамбовская область	0,627

Продолжение табл. 5

1	2
72. Тульская область	0,629
73. Владимирская область	0,631
74. Смоленская область	0,640
75. Белгородская область	0,641
76. Тверская область	0,648
77. Орловская область	0,650
78. Калининградская область	0,652
79. Кемеровская область	0,659
80. Приморский край	0,666
81. Забайкальский край	0,676
82. Курганская область	0,678
83. Псковская область	0,690
84. Сахалинская область	0,720
85. Республика Бурятия	0,799

Источник: расчет автора по [Социально-экономическое положение ...].

Из таблицы видно, что в 2023 г. по сравнению с 2021 г. ситуация с естественной убылью населения в России несколько улучшилась, хотя по-прежнему смертность в стране превышает рождаемость. Положительный естественный прирост населения в 2023 г. в 15 регионах не смог компенсировать естественную его убыль, лишь незначительно сдержав ее. Кроме того, почти на 60% этот прирост пришелся на два региона – Республику Дагестан, где он составил 27 470 человек, или 31,9% общего естественного прироста и Чеченскую Республику (соответственно 23 835 человек, или 27,7%). Эти же регионы доминировали по естественному приросту населения и в 2021 г. Еще в восьми регионах с заметным положительным естественным приростом населения эти показатели были тем не менее существенно ниже. В Ханты-Мансийском АО они составили соответственно 8049 человек и 9,3%, Республике Ингушетия – 6139 человек и 7,1%, г. Москве – 4815 человек и 5,6%, Ямало-Ненецком АО – 3847 человек и 4,5%, Республике Саха (Якутия) – 3473 человека и 4%, Кабардино-Балкарской Республике – 3114 человек и 3,6%, Республике Тыва – 2752 человека и 3,2%, и в Тюменской области – 1245 человек и 1,4%. Наконец еще в пяти регионах естественный прирост населения составил менее 1000 человек, в том числе в двух – менее 100 человек. Так в Республике Алтай анализируемые показатели составили соответственно 457 человек и 0,53%, Карачаево-Черкесской Республике – 439 человек и 0,51%, Республике Северная Осетия – Алания – 420 человек и 0,49%, Ненецком АО – 65 человек и 0,08% и в Чукот-

ском АО – 41 человек и 0,05 %. В совокупности положительный естественный прирост населения в перечисленных регионах составил 86 161 человек. Таким образом, при условии нулевого естественного прироста населения в перечисленных регионах общая естественная убыль населения в России составила бы не 556,7 тыс. человек, а 642,9 тыс. человек, т. е. на 15,5 % больше фактической величины.

Заключение

Проведенное исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, позволило сделать несколько значимых для последующих разработок выводов.

Так, все количественные оценки изменения социально-экономической ситуации в субъектах Российской Федерации разделяются на две группы: комплексные оценки и частные, с использованием которых осуществляется мониторинг конкретных составляющих экономики и социальной сферы. Каждая из этих групп оценок имеет свои области практического использования.

Комплексные оценки используются прежде всего в общественно-политических целях. Они свидетельствуют об общем изменении социально-экономической ситуации в регионах и позволяют выявить общие тенденции, которые могут быть как отрицательными, так и позитивными (как это произошло с рассчитанными данными «РИА Рейтинг» в 2023 г. в сопоставлении с 2021 г.). Однако комплексные оценки имеют тот недостаток, что они могут скрывать возможное ухудшение отдельных характеристик социально-экономической ситуации в регионах. Таким образом, они не могут использоваться для принятия конкретных управленческих решений.

Такую возможность предоставляют частные показатели, особенно те из них, которые характеризуют уровень жизни населения в регионах. Более низкие по сравнению со среднестрановыми показатели уровня жизни, доходов населения, состояния рынка труда, демографической ситуации в тех или иных субъектах Российской Федерации являются сигналом для органов государственного управления о необходимости реализации конкретных мер по улучшению или, как минимум, стабилизации ситуации.

Важность использования частных показателей подтверждается результатами анализа их изменений, произошедших после 2021 г. в регионах субфедерального уровня. При общей их положительной направленности в целом (за исключением демографических показателей) межрегиональная вариация количественных показателей характеризуется как значительная. В некоторых случаях изменение ситуации в отдельных регионах было противоположно общей тенденции. Например, отношение денежных доходов населения к СФНПТУ в декабре 2023 г. было больше, чем в декабре 2021 г. в 83 регионах, и только в двух оно сохранилось на прежнем уровне или незначительно снизилось. Принципиально иная ситуация сложилась с измене-

нием спроса на рынке труда регионов. Как отмечалось, если в 39 из них он увеличился, то в остальных 46 – снизился.

Таким образом, в рассмотренном двухлетнем периоде с конца 2021 г. до конца 2023 г., π – величина изменений отдельных компонентов экономики и социальной сферы, а в некоторых случаях и их вектор варьировали между регионами. Определение причин, которые обусловили такие изменения в конкретном субъекте Российской Федерации, не входило в задачи данной статьи. Последнее является самостоятельным предметным полем исследования, предполагающим переход от межрегиональных сопоставлений к анализу социально-экономической ситуации на той или иной территории. В настоящей статье были представлены некоторые из подходов, которые используются именно для сравнений регионов.

Список литературы

1. Абдуллаев Ш. Республики СКФО «не чувствуют» санкции // Молодежь Дагестана. – 2023. – 29.03. – URL: <https://md-gazeta.ru/inosmi/124227> (дата обращения 27.04.2024).
2. В ВШЭ сообщили о минимуме деловой активности в регионах с начала кризиса // РБК. – 2022. – 10.08. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/08/2022/62f241db9a794746a99203aa> (дата обращения 28.03.2024).
3. Власти Карелии назвали ощутимым давление санкций на экономику республики // Наши герои. – 2023. – 22.02. – URL: <https://rk.karelia.ru/ekonomika/vlasti-karelji-nazvali-oshhutimym-davlenie-sanktsij-na-ekonomiku-respubliki/> (дата обращения 02.05.2024).
4. Гордеева Н. Как экономика российских регионов адаптируется к новой реальности // РБК. Отрасли. – 2023. – 28.02. – URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/651fc16d9a79476386445620> (дата обращения 25.03.2024).
5. Зарплаты растут, людей нет. Как и почему Россия оказалась в ловушке кадрового голода // Секрет фирмы. – 2024. – 04.02. – URL: <https://secretmag.ru/survival/rossiya-okazalas-v-lovushke-kadrovogo-goloda.htm> (дата обращения 29.05.2024).
6. Зубаревич Н.В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3(55). – С. 226–234. – URL: <http://journal.econorus.org/pdf/NEA-55.pdf> (дата обращения 25.03.2024).
7. Иванова А., Денисенко Е. Зубаревич: об угрозах экономике регионов и политическом «хоре Пятницкого» // РБК. – 2024. – 02.01. – URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/02/01/2024/6547f6d49a794717ea58c8de> (дата обращения 25.03.2024).
8. Леваков В.В. Ерохина Е.В. Проблемы социально-экономического развития Калужской области в новых экономических условиях // Вопросы студенческой науки. – 2023. – Вып. 06(82). – С. 300–305. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-kaluzhskoy-oblasti-v-novyh-ekonomicheskikh-usloviyah> (дата обращения 27.06.2024).
9. Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства 04.04.2024 // Президент России. – 2024. – 21.05. – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/74092> (дата обращения 27.05.2024).
10. Перечнева И. Зубаревич Н.В.: за сдвиг социального выравнивания через бюджетный

- импульс придется потом расплачиваться // Эксперт Урал. – 2023. – 27.12. – URL: <https://expert-ural.com/articles/natalya-zubarevich-za-sdvig-socialnogo-viravnivaniya-cherez-byudzhetniy-impuls-pridetsya-potom-raspl.html> (дата обращения: 22.03.2024).
11. Приказ Росстата от 17.07.2019 № 409 «Об утверждении Методики определения возрастных групп населения» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 2019. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/560682671> (дата обращения 03.05.2024).
  12. Приказ Росстата от 25.12.2020 «Об утверждении наборов потребительских товаров и услуг для наблюдения за ценами и тарифами» // ЮИС Легалакт. – 2020. — URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosstata-ot-25122020-n-848-ob-utverzhdenii-naborov/#101163> (дата обращения 21.04.2024).
  13. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2023 // РИА Рейтинг. Россия сегодня. – 2024. – URL: <https://riarating.ru/images/63025/75/630257548.pdf> (дата обращения 18.04.2024).
  14. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2021 // РИА Рейтинг. Россия сегодня. – 2022. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html> (дата обращения 18.04.2024).
  15. Рост экономики покажет каждый пятый регион России. Позитивную динамику покажут территории с ориентацией на азиатские рынки // РБК. – 2022. – 30.09. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/09/2022/63358c9a9a79477ed520a2bc> (дата обращения 22.03.2024).
  16. Сорокина Е.А. Ресурсодефицитный регион и возможности реализации инвестиционной политики в новых условиях // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 915–926. – URL: <https://1economic.ru/lib/117946> (дата обращения 22.03.2024).
  17. Социально-экономическое положение России // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения 24.04.2024).
  18. Сысоев Т. Наталья Зубаревич – о том, какое будущее ждет «четыре России» // РБК. Тренды. – 2023. – 27.12. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/64e30dd89a7947b8f0158fe1> (дата обращения: 22.03.2024).
  19. Тирских Т., Галиева Г. Инвестиционная привлекательность регионов: рокировка позиций в новых условиях // Expert. – 2023. – 16.10. – URL: https://raexpert.ru/researches/regions/invest_regions_2023/ (дата обращения 22.03.2024).
  20. Ущерб от санкций в Калининградской области составил более 2 млрд рублей // Ведомости. – 2023. – 22.10. – URL: <https://www.vedomosti.ru/strana/northwestern/news/2023/11/22/1007181-uscherb-sanktsii-kaliningradskoi-oblasti-sostavil-bolee-2-mldr-rub> (дата обращения 27 апреля 2024 г.).

Статья получена: 10.06.2024

Одобрена к публикации: 20.06.2024

А. В. Кашепов*

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, ЗАНЯТОСТЬ И ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА В РЕГИОНАХ РОССИИ: ДИНАМИКА И ТИПОЛОГИЯ

Аннотация. Рост ВВП в Российской Федерации в последние годы сопровождается увеличением отраслевых кадровых дефицитов и формированием общего дефицита рабочей силы в экономике. Возникновению системного дефицита кадров способствует недостаточный для его компенсации приток в страну внешних трудовых мигрантов. Следствием дефицита кадров является ускоренный рост заработной платы. Хотя величина заработной платы в России остается еще заниженной, однако ее рост имеет положительные последствия. В статье рассматривается дифференциация повышения заработной платы по российским регионам на фоне роста валового регионального продукта и занятости при снижении численности населения трудоспособного возраста. Разработана и применяется методика типологии субъектов РФ, автоматизированная на основе кластерного анализа. Полученные результаты могут применяться как в целях мониторинга социально-экономического положения регионов, так и в преподавании экономики труда, региональной экономики, экономической географии.

Ключевые слова: Россия; динамика ВВП; занятость; дефицит кадров; заработка плата; типология регионов.

Для цитирования: Кашепов А. В. Экономический рост, занятость и заработка плата в регионах России: динамика и типология // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – № 4. – С. 34–62

---

* Кашепов Алексей Владимирович, д-р экономических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, Россия). E-mail: avkash@list.ru

Kashepor Alexey, Doctor of Economics, Chief Researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: avkash@list.ru.

A. V. Kashepor

**Economic growth, employment and wages in the regions of Russia:
dynamics and typology**

Abstract. The growth of GDP in the Russian Federation caused an increase in sectoral personnel shortages and the formation of a general shortage of labor in the economy. The formation of a systemic shortage of personnel was facilitated by an insufficient influx of external labor migrants to compensate for it. The result of the shortage of personnel is accelerated wage growth. Wages remain undervalued, but their growth has positive consequences. The article examines the differentiation of wage increases by region against the background of the processes of growth of the gross regional product, employment, and a decrease in the working-age population. The methodology of the automated typology of the subjects of the Russian Federation based on cluster analysis has been developed and applied. The results obtained can be used both for monitoring the socio-economic situation of regions, and in teaching labor economics, regional economics, and economic geography.

Keywords: GDP dynamics, employment, unemployment, shortage of personnel, wages, typology of regions.

For citation: Kashepor A. V. Economic growth, employment and wages in the regions of Russia: dynamics and typology // Economic and Social Problems of Russia. – 2024. – N 4 – P. 34–62

Введение

Вопреки пессимистическим прогнозам, которые делали многие эксперты после начала СВО и новой волны санкций, годовое снижение российского ВВП в 2022 г. оказалось небольшим, а в 2023–2024 гг. экономика РФ начала расти, вероятно вследствие повышения государственных расходов и инвестиций в оборонную промышленность и инфраструктуру, а также после переориентации экспорта энергоносителей с Европы на Азию. Следствием стала значительная реструктуризация рынка труда, рост спроса на труд, увеличение количества вакантных рабочих мест, сокращение безработицы и, в результате – переход дефицита кадров из отраслевого и профессионально-группового в общеэкономический (системный). Происходящие процессы в достаточной степени дифференцированы по субъектам Российской Федерации.

Региональные рынки труда и динамика заработной платы в регионах являются традиционными объектами исследований для отечественных специалистов, в том числе в Высшей школе экономики [Заработная ..., 2008; Капелюшников, 2024]. Еще в 1970-е годы новосибирскими социологами под руководством академика Т.И. Заславской была разработана методология машинной (автоматической) классификации регионов страны на основе кластерного анализа большого числа статистических показателей [Социаль-

но-демографическое … , 1980]. Позже Г.М. Федоровым была предложена социально-демографическая типология [Федоров, 1985], Н.В. Зубаревич – типология по социальным показателям [Зубаревич, 1998], А.В. Кашеповым – типология по показателям рынка труда и занятости [Кашепов, Трубин, Утинова, 1995].

Настоящая статья содержит результаты исследования текущей экономической динамики, ее влияния на сбалансированность рынка труда и заработную плату, а также типологию субъектов Российской Федерации по социально-экономическим показателям. Для проведения анализа были использованы стандартные возможности Excel, картографическая программа на базе Excel, разработанная Информационно-аналитической группой ЭРТА в 2011 г. (Freeware версия 3.3 от 3.04.2018) и математико-статистическая программа Stadia А.П. Кулаичева [Кулаичев, 1999]. Проведенные автором расчеты базируются на данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат), опубликованных в сборниках «Российский статистический ежегодник», «Регионы России», «Труд и занятость в России» и «Социально-экономическое положение России».

Экономико-демографическая ситуация в России в 2023–2024 гг.

В 2023 г. ВВП России увеличился на 3,6% [Социально-экономическое … , 2024]. В I квартале 2024 г. рост физического объема ВВП к аналогичному периоду предшествующего года составил 105,4% (при низкой базе после рецессии 2022 г.). За первое полугодие он уменьшился до 104,6% (на фоне более высокой базы во II квартале 2023 г.) [Социально-экономическое … , 2024]. На 2024 г. Министерство экономического развития прогнозировало экономический рост 102,2–102,8% [Сценарные … , 2024], но, исходя из экстраполяции данных Росстата за 1 полугодие, можно ожидать 104–104,5%. Таким образом, рост ВВП за 2020–2024 гг. (за вычетом 2022 г.) представляется самым высоким для пятилетнего периода с начала 2010-х годов.

В демографической сфере в 2020–2024 гг. происходило последовательное снижение численности населения. Численность населения трудоспособного возраста колебалась в результате периодических пересмотров возраста выхода на пенсию, но в целом имела тенденцию к сокращению.

Баланс прибытия и выбытия внешних мигрантов в Россию, в том числе трудовых, также испытывал колебания. В 2020 г. часть границ была закрыта в результате пандемии коронавируса, к тому же «локдаун» ударил по целому ряду профессий, приоритетно занимаемых трудовыми мигрантами, вследствие чего миграционный баланс сократился. В 2021 г. приток иностранной рабочей силы в страну в основном восстановился, но в 2022 г. миграционный баланс снова снизился, так как произошло выбытие отече-

ственных «релокантов» вследствие начала СВО и частичной мобилизации. Этот поток в основном состоял из мужчин призывного возраста и членов их семей, но включал и другие категории населения. В 2023 г. часть этих мигрантов вернулась, трудовые мигранты из стран Азии также прибывали на российский рынок труда. В 2024 г. возвращение «релокантов» продолжилось, однако началось ужесточение миграционной политики в отношении мигрантов из Центральной Азии. В результате взаимодействия этих противоположно направленных тенденций, по оценке автора статьи и исходя из данных Росстата за I полугодие, сальдо внешнего миграционного прироста населения в 2024 г. предполагается положительным и может составить 70–75 тыс. человек. В свою очередь, выбытие в зарубежные страны может сократиться по отношению к предшествующему году и составить 385–390 тыс. человек.

Занятость населения в последние годы в Россииросла, что следует рассматривать как увеличение спроса на макрорынке труда. Согласно экстраполяции данных Росстата за I полугодие [Социально-экономическое ..., 2024], к концу 2024 г. численность занятых может превысить 74,5 млн человек. В прогнозе Министерства экономического развития, разработанном в начале 2024 г., этот показатель ожидался на уровне 73,7 млн человек [Сценарные ..., 2024], но линия тренда пошла выше. Численность безработных в последние годы сократилась до рекордно низких значений, достигнув в 2023 г. 2,3 млн человек, т. е. 3% от рабочей силы, а в июне 2024 г. – 1,9 млн человек. При сохранении данной тенденции к концу 2024 г. этот показатель может уменьшиться до 1,8 млн человек (2,4%). По уже названному прогнозу Минэкономразвития предполагалось 3–3,1%, но этот тренд пошел ниже [Сценарные ..., 2024]. Численность зарегистрированных безработных, по нашей оценке, может уменьшиться до 0,3 млн человек, в результате чего уровень зарегистрированной безработицы снизится до 0,4%. Практически для экономики и рынка труда с такими параметрами, как в России, это можно рассматривать в качестве «обнуления» (в макроэкономическом смысле) безработицы на большей части территории страны. Статистически, разумеется, безработица не бывает нулевой по определению, но она может быть значительно ниже гипотетического «естественного уровня», что и наблюдается в настоящее время.

Как показано на рис. 1, география уровней безработицы в РФ в июне 2024 г. выглядела довольно хаотично: регионы с высокой и низкой безработицей произвольно распределяются по территории страны. Можно было бы предположить, что безработица растет по мере удаления от Центра, но ряд крупных регионов Сибири и Дальнего Востока опровергают это правило. В Европейской части РФ и в Сибири безработица увеличивается с севера на юг. Однако эта закономерность носит не географический характер, а определяется этническим составом населения и его демографическими характеристиками, а также – опосредованно – распределением инвестиций.

Рис 1. Уровень безработицы по Обследованиям рабочей силы (ОПС) Росстата, в июне 2024 г., процентов

Источник: рассчитано автором по данным [Социально-экономическое ... , 2024].

«Полюсом» безработицы в РФ традиционно на протяжении многих десятилетий являются республики Северного Кавказа. Самый высокий уровень, согласно выборочным Обследованиям рабочей силы (ОПС) Росстата, наблюдается в Республике Ингушетия – 26,7% (против 2,6% по РФ в целом), дальше следуют республики: Дагестан (10,8%), Северная Осетия – Алания (9,5%) и Чеченская (9%) [Труд и занятость ...].

В Южном федеральном округе (ФО) высокая безработица сохраняется в Республике Калмыкия (5,3%), в Сибирском ФО – в Республиках Алтай (7,9%) и Тыва (5,1%), в Дальневосточном ФО – в Республиках Бурятия и Саха (Якутия) (по 5,2%), а также в Забайкальском крае (4,6%). Среди экономически сильных (за счет добычи природных ресурсов) регионов Севера относительно более высокий уровень безработицы наблюдается в Ненецком АО (5,5%), что может быть связано с определенной контрастностью освоения территории: существованием наряду с территориями ускоренного развития вокруг нефтегазовых месторождений других территорий с традиционной экономикой и более низким уровнем развития.

Лидерами российского рынка труда являются столичные города. Однако на почве быстрого экономического роста здесь развился масштабный дефицит кадров, особенно в IT сфере, обрабатывающей промышленности, торговле и на транспорте. Безработица на этих территориях стала чисто номинальной: она охватывает только небольшое число людей, по ка-

ким-то причинам задержавшихся с поиском работы (фрикционная безработица). Уровень безработицы по обследованиям составляет в Москве 1%, в Санкт-Петербурге 1,5%. Близко к ним по уровню безработицы стоят Нижегородская область (1,3%), Республика Башкортостан (1,5%), а также регионы – основные добывчики энергоносителей – Ханты-Мансийский АО (1,4%) и Ямало-Ненецкий АО (1,4%) [Труд и занятость ...].

Экономика РФ фактически возвращается к состоянию, наблюдавшемуся в РСФСР до 1991 г. – макроэкономическому (системному) дефициту кадров. Заявленная предприятиями и организациями в службу занятости потребность в работниках (численность вакансий) в середине 2024 г. составила около 2 миллионов. Нагрузка незанятого населения на одну зарегистрированную вакансию, которая в 2020 г. составляла 1,7, к середине 2024 г. снизилась до 0,2. На каждые пять зарегистрированных вакансий в середине 2024 г. приходился примерно один безработный [Социально-экономическое ..., 2024].

Отраслевая структура отечественного рынка труда в последние десятилетия в целом менялась в сторону увеличения уровня постиндустриальной занятости (сфера услуг). Однако экспансия оборонных расходов после 2022 г. вызвала своего рода реиндустриализацию, привела к массовому перетоку кадров в оборонную промышленность, инфраструктуру и Вооруженные силы. По данным Правительства РФ, «на предприятиях ОПК не хватает примерно 160 тыс. специалистов, несмотря на сильный переток кадров из гражданских отраслей в последние полтора года... за этот период привлекли 520 тыс. человек» [Мантуров ..., 2024]. Superjob сообщает, что в 2023 г. основной прирост спроса на труд наблюдался «в обрабатывающей промышленности, строительстве и на транспорте». Одновременно, согласно этому источнику, в 2023 г. «темп прироста зарплатных предложений работодателей в Москве составил: в IT +8,1%; в строительстве +6,9%; в сфере маркетинга, рекламы, PR +6,6%; в кадровой сфере +6,5%; в банковской сфере +6,2%» [Рынок ..., 2023]. То есть по оценке служб трудоустройства рост заработной платы находится в прямой связи с дефицитом кадров по отраслям и сферам занятости. По другим экспертным оценкам, опубликованным РБК, «в 2024 г. самыми востребованными на рынке труда будут рабочие... работодатели будут конкурировать за менеджеров по продажам... компании будут остро нуждаться в инженерах. Айтишники... на четвертом месте» [Кадровый ..., 2024].

Заработная плата в России и ее территориальная дифференциация

В соответствии с ситуацией на рынке труда, среднемесячная nominalная начисленная заработная плата (СННЗП) работников организаций в последние годы увеличила темп своего прироста до 14–15% годовых [Труд и занятость в России ...], а в 2024 г. может возрасти примерно

до 20%. Хотя инфляция также высока, что приводит к повышению ключевой ставки ЦБ, а это, в свою очередь, тормозит экономический рост.

Темп прироста очищенной от инфляционной компоненты реальной начисленной заработной платы в России в 2024 г. тоже ускорился и может приблизиться к 10%. Согласно нашим расчетам, к концу 2024 г. реальная заработка плата в стране ожидалась на уровне 190–195% по отношению к 1991 г. В целом за 2020–2024 гг. прирост реальной заработной платы по отношению к 2019 г. мог достичь 25–27%.

Соотношение годовой СННЗП и ВВП на одного занятого (т. е. производительность труда) – чрезвычайно важное соотношение, значение которого до сих пор недооценивается экспертным и научным сообществами. Между тем оно позволяет анализировать заработную плату в терминах «занизения-затяжения», «справедливости-несправедливости», «равновесия-неравновесия» и обозначать, должна ли в данной ситуации заработная плата расти быстрее или медленнее производительности труда [Кашевов, 2022]. Это соотношение в 2021–2023 гг. было ниже, чем в 2020 г., и только в 2024 г. имеет шанс подняться выше и достигнуть 44–45%. Однако, несмотря на впечатляющий рост заработной платы в пятилетнем периоде и в 2024 г., пока нет оснований считать, что она преодолела хроническое занижение, которое складывалось на протяжении предшествующих десятилетий. Рост заработной платы в принципе рассматривается как нежелательное явление бизнесом и чиновниками по многим причинам. С точки зрения бизнеса, он повышает себестоимость продукции, снижает ее рентабельность и в конечном счете конкурентоспособность. С точки зрения чиновников, он повышает нагрузку на государственный бюджет, в том числе и потому, что государство в РФ является крупнейшим работодателем и держателем самого большого фонда оплаты труда. Тем не менее в условиях, когда заработная плата, взвешенная по производительности труда, в стране и регионах диагностируется как заниженная против экономически обоснованного (международно-сопоставимого) уровня, возражения против ее повышения оборачиваются против их авторов, позволяя предъявить им претензии по поводу эффективности и качества руководства бизнесом или государственного регулирования экономики.

Территориальная дифференциация заработной платы по состоянию на июнь 2024 г. показана на рис. 2.

Среди лидеров в июне 2024 г. были Чукотский АО с показателем 187,8 тыс. руб., Ямало-Ненецкий АО (161,5 тыс. руб.), Магаданская область (151,2 тыс. руб.) и ряд других северных территорий [Социально-экономическое ..., 2024]. Перечисленные регионы – «доноры» федерального бюджета, имеющие высокий ВРП на одного занятого в экономике. Соотношение зарплаты и ВРП у них самое низкое по сравнению с другими субъектами РФ. Однако суммарная численность населения, получающего высокую заработную плату, в этих регионах невелика, особенно по сравнению с Москвой, Санкт-

Рис 2. Среднемесячная номинальная начисленная заработка плата работников (СННЗП) в субъектах РФ в июне 2024 г., тыс. рублей

Источник: рассчитано автором по данным Росстата
[Социально-экономическое ... , 2024].

Петербургом и столичными областями. Так, в Чукотском АО по состоянию на середину 2024 г. было 30,1 тыс. занятых, в Ямало-Ненецком АО – 296 тыс. и в Магаданской области 76,3 тыс. человек.

Фактические «полюса» высокой заработной платы в стране – столичные Москва и Санкт-Петербург. В Москве СННЗП в июне 2024 г. составила 156,4 тыс. руб., а в Санкт-Петербурге – 112,6 тыс. Причины таких территориальных различий достаточно хорошо известны – столичные города в стране, а областные центры в своих регионах концентрируют экономическую жизнь вообще и финансовые потоки в частности.

Региональная дифференциация заработной платы складывается под воздействием различных факторов, в том числе особенностей экономико-географического положения субъектов РФ: местонахождения крупнейших предприятий, транспортных путей, месторождений природных ресурсов, границ, рек, морей и океанов, природных и агроклиматических зон. Корректирующее воздействие на географию заработной платы оказывают институты государственного регулирования оплаты труда, в том числе нормативные акты по регулированию минимального размера оплаты труда (МРОТ) и районному регулированию оплаты труда. Последние включают комплекс нормативных актов по применению районных коэффициентов и надбавок в целях оплаты труда. Порядок районного регули-

рования устанавливаются статьями 146–148 Трудового кодекса РФ [Трудовой … , 2024], законом «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» [Закон … , 2024] и другими нормативными документами.

Примерно соответствует средней по РФ величине заработная плата в промышленно-аграрных субъектах Севера, Урала и Сибири. Как правило, эти регионы сочетают обрабатывающую и добывающую промышленность, полностью или частично входят в зону регулируемых государством северных надбавок к заработной плате. Примерами могут служить Республика Коми, в которой средняя зарплата составляет 85 390 руб. (против 83 582 руб. по стране в целом), Архангельская область (83 800 руб.), Иркутская область (89 834 руб.) и Красноярский край (90 759 руб.) [Социально-экономическое … , 2024].

Как видно на рис. 2, большинство густонаселенных промышленных регионов РФ имеют заработную плату ниже средней по стране. Например, такие экономически мощные регионы, как Нижегородская область (62 004 руб.), республики Башкортостан (63 822 руб.) и Татарстан (69 432 руб.), Самарская область (64 590 руб.) и другие [Социально-экономическое … , 2024]. Большинство из них по указанному выше критерию в сопоставлении с производительностью труда характеризуются относительно заниженным уровнем зарплаты. Происходящее в последние годы его повышение применительно к работающим в этих регионах людям является преодолением экономической несправедливости.

В нижней части российского зарплатного рейтинга находятся республики Северо-Кавказского и Южного ФО, имеющие низкий показатель ВРП на одного занятого и являющиеся, в терминах бюджетной системы, «дотационными». К их числу относятся республики: Калмыкия (47 411 руб.), Дагестан (43 400 руб.) и Чеченская (41 104 руб.). Завершает рейтинг Республика Ингушетия, которая, как было указано выше, имеет самый высокий в стране уровень безработицы. Средняя заработная плата здесь в июне 2024 г. составляла 40 469 руб., или 48,4% от средней по стране [Социально-экономическое … , 2024].

Оценка показателей, влияющих на заработную плату в регионах

Для проведения статистического анализа были выбраны 26 показателей (рядов данных) из сборников Росстата «Регионы России» [Регионы … , 2023] и бюллетеней «Социально-экономическое положение России» [Социально-экономическое … , 2024] (табл. 1). Два ряда, предназначенных для идентификации положения региона в пространстве, сформированы посредством запросов в поисковой системе «Яндекс»: показатель X8 (расстояние столицы региона от Москвы – условно говоря, «периферий-

ность» или «восточность»¹) и X9 (отклонение средней температуры по региону от российской – «северность»). Корреляционный анализ производился в программе Stadia А.П. Кулаичева [Кулаичев, 1999].

Для матрицы из 85 строк (субъектов РФ) и 26 столбцов (показателей) Stadia выработала следующие критерии значимости коэффициентов корреляции: «критическое значение с учетом поправки Бонферрони на множественные сравнения = 0,429». Поскольку представить в статье матрицу 85*26 не представляется возможным, в таблице 1 названы все использованные статистические показатели и перечислены коэффициенты корреляции между ними, превышающие значение 0,429.

Показатели Х1–Х7 можно условно считать результатирующими по отношению к остальным, так как они отражают абсолютные и относительные уровни заработной платы и ее динамику. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (СННЗП) в этом расчете используется за май 2024 г., так как на момент производства расчетов более поздние данные еще не были опубликованы. Поскольку для математико-статистических расчетов предпочтительно использовать относительные показатели, приведенные к одинаковому виду, то в Х1 СННЗП по каждому региону выражена в долях от средней по РФ. Она демонстрирует положительную корреляционную взаимосвязь с Х8 – т. е. заработная плата зависит от местонахождения в смысле удаленности от Центра. Показатель величины заработной платы Х1 положительно статистически связан с Х14 (ВРП на одного занятого – производительность труда), Х16 (фондооруженность), Х18–Х19 (инвестиции), Х26 (уровень урбанизации). Показатель абсолютного уровня заработной платы отрицательно связан со средней температурой (Х9), т. е. чем южнее регион, тем ниже заработная плата. Он отрицательно связан с уровнем занятости в обрабатывающей промышленности (Х12), т. е. большие вложения последних лет в оборонное производство на эту статистику пока не повлияли. И наконец, он отрицательно связан с динамикой численности занятых (Х22).

Аналогичную картину своих статистических связей демонстрирует показатель Х4, при расчете которого СННЗП за май 2024 г. была взвешена по региональным значениям прожиточного минимума в этом году. То есть был рассчитан показатель, который учитывал влияние инфляции в потребительском секторе на уровень заработной платы.

Зарплатный показатель Х5 (СННЗП, взвешенная по производительности труда) помимо ожидаемой связи с уровнем урбанизации оказался связан с отклонением температуры от средней (Х9). То есть чем южнее находится субъект РФ, тем большую долю его ВРП получает занятое население через заработную плату. Х5, которую можно условно считать «индексом справедливости» уровня заработной платы отрицательно связана

---

¹ Поскольку наиболее удаленные от Центра регионы в основном находятся за Уралом, то Х8 можно также трактовать как «восточность».

с удельным ВРП (Х14) и с уровнем безработицы (Х24), т. е. чем слабее экономика региона и выше в нем безработица, тем большая часть произведенного в нем продукта поступает населению в виде заработной платы.

Такая зависимость может быть объяснена тем, что в рамках политики бюджетного федерализма часть ВРП северных ресурсодобывающих регионов (доноров бюджетной системы) перераспределяется в пользу южных регионов в виде дотаций и субвенций. Республики Северного Кавказа и Южной Сибири характеризуются более низким удельным ВРП, и зарплата их населения должна бы быть значительно меньше, чем в автономных округах Севера. Однако Правительство РФ дотирует бюджеты южных республик и тем самым частично нивелирует их отставание в сфере заработной платы.

Расчеты показывают, что рост реальной заработной платы в российских регионах в 2019–2023 гг. коррелирует с динамикой численности рабочей силы (Х21) и безработных (Х23), а также с уровнем безработицы Х24 (данные Обследований Росстата).

Обратную связь заработной платы с безработицей и прямую – с численностью занятых, т. е. спросом на труд, – проведенные расчеты не подтвердили. Из других не подтвержденных предположений отметим, что уровень и динамика заработной платы Х1 – Х7 не продемонстрировали значимых корреляционных связей с показателями структуры экономики и качества происходящих в ней изменений (Х11, Х13), а также с темпом роста ВРП (Х15).

Латентные взаимосвязи статистических показателей помогает выявить факторный анализ. Факторный анализ как статистический метод – это не о «факторах» в экономическом смысле, т. е. социально-экономических процессах, которые являются причинами, детерминантами, регуляторами других процессов. Факторный анализ в статистике пытается обнаружить неочевидные группировки показателей (рядов данных), обнаружить их групповую вариацию. Методологически он является надстройкой над корреляционным анализом. При этом наименование (интерпретация) выявленных латентных группировок является субъективным делом исследователя. В рамках данного исследования факторный анализ проводился в системе Stadia с вращением «варимакс» в пространстве 26 показателей. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Первый фактор, объясняющий почти 23 % суммарной вариации 26 социально-экономических показателей, объединяет зарплатные показатели Х1 и Х4, показатели ВРП на одного занятого (Х14), фондооруженности (Х16) и инвестиций на душу населения (Х18). Этот фактор можно назвать «экономическая мощь и уровень заработной платы». Можно также предположить, что «уровень заработной платы» является частью «экономической мощи» региона.

Таблица 1

**Показатели
социально-экономического развития субъектов РФ
и корреляционные связи между ними**

Названия показателей		Положительная значимая корреляционная взаимосвязь	Отрицательная значимая корреляционная взаимосвязь
1	2	3	4
Среднемесячная номинальная начисленная заработка плата (СННЗП) в мае 2024 г., в долях от средней по РФ	x1	x4, x8, x14, x16, x18, x19, x26	x5, x9, x12, x22
СННЗП в мае 2024 г., в разах к январю 2020 г.	x2	x3, x6, x7	нет
СННЗП в мае 2024 г., в разах к январю 2023 г.	x3	x2	нет
СННЗП в мае 2024 г., в разах к региональному прожиточному минимуму 2024 г.	x4	x1, x14, x16, x18, x26	x5, x9, x22
СННЗП 2022 г., взвешенная по производительности труда (ВРП на одного занятого в экономике) в соотнесении со средним уровнем по РФ, раз	x5	x9, x26	x1, x4, x14, x16, x24
Реальная заработка плата (РЗП) 2020–2023 гг., в разах к 2019 г.	x6	x21, x23, x24	x2, x7
Реальная заработка плата в 2023 г., в разах к 2022 г.	x7	x2, x6, x12	нет
Расстояние столицы региона от Москвы, км (согласно Яндексу)	x8	x1, x19	x9, x12
Отклонение средней температуры по региону от средней по РФ, градусов (Яндекс)	x9	x5, x22	x1, x4, x8, x16, x18
Уровень занятости в прогрессивных отраслях в 2022 г., долей единицы	x10	x12	нет
Уровень занятости в сфере услуг в 2022 г., долей единицы	x11	нет	нет
Уровень занятости в обрабатывающих производствах в 2022 г., долей единицы	x12	x7, x10	x1, x8, x14, x18

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Среднее арифметическое значение Индекса качества структурных сдвигов (ИКС) за 2018–2022 гг., раз	x13	нет	нет
Валовой региональный продукт (ВРП) на одного занятого в 2022 г., тыс. руб.	x14	x1, x4, x16, x18	x5, x9, x12, x22
Индекс физического объема ВРП за 2019–2022 гг., раз	x15	нет	нет
Стоймость основных фондов на одного занятого в 2022 г., тыс. руб.	x16	x1, x4, x14, x18	x5, x9, x22
Изменение стоимости основных фондов, дефлированное по индексу потребительских цен за 2018–2022 гг., раз	x17	x25	нет
Инвестиции в основной капитал на душу населения в 2022 г., тыс. руб.	x18	x1, x4, x14, x16	x5, x9, x22
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал за 2018–2022 гг., раз	x19	x1, x8	нет
Изменение численности населения в 2018–2022 гг., раз	x20	x21, x25	нет
Изменение численности рабочей силы 2018–2022 гг., раз	x21	x20, x23, x25	нет
Изменение численности занятых в 2020–2024 гг., раз	x22	x9	x1, x4, x14, x16
Изменение численности безработных в 2020–2024 гг., раз	x23	x21, x24	нет
Уровень безработицы по обследованиям Росстата (OPC), 2024 г., %	x24	x5, x23	x6, x26
Коэффициент миграционного прироста, человек на 10 000 населения в 2022 г.	x25	x17, x20, x21, x22	нет
Удельный вес городского населения в общей численности населения в 2022 г., долей единицы	x26	x1, x4	x5, x24

Рассчитано автором на основе данных [Российский … , 2023; Социально-экономическое … , 2024; Труд … , 2023; Регионы России … , 2023].

Таблица 2

**Результаты факторного анализа показателей
социально-экономического развития субъектов РФ**

	Факторы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Дисперсия показателей Х1 – Х26, объясняемая фактором, %	22,98	11,31	12,23	8,36	8,07	7,71	5,47	4,23	4,24	3,23
	Накопленная дисперсия, %	22,98	34,29	46,52	54,88	62,95	70,66	76,13	80,36	84,60	87,83
Возможная интерпретация факторов (наименование) в экономических терминах											
Показатели	Экономическая мощь и уровень зарплаты	Реальная зароботная плата	Динамика численности населения, рабочей силы и внешней миграции	Периферийность (расстояние от столицы)	Структурная регрессивность (расстояние от аграрной зоны)	Замедлитель средней зарплаты	Уровень занятости в аграрно-индустриальной сфере	Ускоритель роста ВРП	Замедлитель структурного развития	Замедлитель роста безработицы	
X1	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (СННЗП) в мае 2024 г., в долях от средней по РФ	0,809									
X2	СННЗП в мае 2024 г., в разах к январю 2020 г.							-0,830			

		Продолжение табл. 2									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
x3	СННЗП в мае 2024 г., в разах к январю 2023 г.						-0,912				
x4	СННЗП в мае 2024 г., в разах к региональному прожиточному минимуму 2024 г.	0,806									
x5	СННЗП 2022 г., взвешенная по производительности труда (ВРП на одного занятого в экономике) в соотнесении со средним уровнем по РФ, раз	-0,744									
x6	Реальная заработка плата (РЗП) 2020–2023 гг., в разах к 2019 г.	0,806									
x7	Реальная заработка плата в 2023 г., в разах к 2022 г.	0,700									
x8	Расстояние столицы региона от Москвы, км (согласно Яндексу)						0,729				

		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
x9	Отклонение средней температуры по региону от средней по РФ, градусов (Индекс)	-0,625									
x10	Уровень занятости в прогрессивных отраслях в 2022 г., долей единицы					-0,771					
x11	Уровень занятости в сфере услуг в 2022 г., долей единицы						-0,907				
x12	Уровень занятости в обрабатывающих производствах в 2022 г., долей единицы					-0,610					
x13	Среднее арифметическое значение Индекса качества структурных сдвигов (ИКС) за 2018–2022 гг., раз									-0,898	
x14	Валовой региональный продукт (ВРП) на 1 занятого в 2022, тыс. рублей	0,958									

Продолжение табл. 2

		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
x15	Индекс физического объема ВРП за 2019–2022 гг., раз								-0,926		
x16	Стоймость основных фондов на одного занятого в 2022 г, тыс. рублей	0,943									
x17	Изменение стоимости основных фондов, дефлектированное по индексу потребительских цен за 2018–2022 гг., раз		0,613								
x18	Инвестиции в основной капитал на душу населения в 2022 г., тыс. руб.		0,888								
x19	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал за 2018–2022 гг., раз			0,882							
x20	Изменение численности населения в 2018–2022 гг., раз				0,870						

Продолжение табл. 2

		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
x21	Изменение численности рабочей силы 2018–2022 гг., раз			0,784							
x22	Изменение численности занятых в 2020–2024 гг., раз	-0,670	0,546								0,696
x23	Изменение численности безработных в 2020–2024 гг., раз										
x24	Уровень безработицы по обследованиям Росстата (OPC), 2024 г., %		-0,804								
x25	Коэффициент миграционного прироста, человек на 10 000 населения в 2022 г.		0,865								
x26	Удельный вес городского населения в общей численности населения в 2022 г., долей единицы				-0,703						

Рассчитано автором на основе данных [Российский ..., 2023; Социально-экономическое ..., 2024; Труд ..., 2023; Регионы России ..., 2023].

Второй фактор объясняет 11,3% дисперсии рассмотренных показателей и называется «реальная заработная плата». Он в основном связан с показателями X5 – X6.

Третий фактор объясняет 12,2% дисперсии показателей и связан с изменениями численности населения, рабочей силы, занятых и внешней миграцией (X20 – X22, X25).

Четвертый фактор, объясняющий 8,36% общей дисперсии, «отвечает» за расстояние региона от столицы и индекс физического объема инвестиций в основной капитал. Тем самым подтверждается, что статистически значимые инвестиции вкладываются в отдаленные, т. е. восточные регионы РФ.

Пятый фактор, который объясняет 8,07% дисперсии, можно назвать «структурная регressiveность», так как он отрицательно связан с показателями уровня занятости в прогрессивных отраслях (в том числе оборонной промышленности) и с уровнем урбанизации.

Шестой фактор с вкладом в дисперсию 7,71% отрицательно связан с динамикой реальной заработной платы X2 и X3. Поэтому его можно назвать «снижение (замедление роста) средней заработной платы», или, к примеру, «замедлитель, тормоз зарплаты».

Седьмой фактор, объясняющий 5,47% дисперсии, отрицательно связан с уровнем занятости населения в сфере услуг X11. Поскольку «антиподом» высокой занятости в сфере услуг является высокая занятость в аграрной сфере и промышленности, его можно назвать «уровень занятости в аграрно-индустриальной сфере».

Восьмой фактор, с вкладом в общую дисперсию 4,23% связан с показателем X15 и может называться «ускоритель роста ВРП».

Девятый фактор, объясняющий 4,24% общей дисперсии системы показателей, отрицательно связан с X13. Поэтому может быть интерпретирован как «замедлитель структурного развития».

Десятый фактор, на долю которого приходится 3,23% дисперсии, связан с X23, и его можно считать «ростом безработицы».

Каждый фактор с седьмого по десятый связан только с одним из используемых показателей, и вместе они объясняют только 17,17% общей дисперсии всех 26 показателей. Поэтому в дальнейшем исследовании ими можно пренебречь и работать только с первыми пятью-шестью латентными объединениями.

Типология регионов

Для разработки типологии субъектов РФ по социально-экономическим показателям была использована методика кластерного анализа, реализованная в системе Stadia [Кулаичев, 1999]. Было апробировано несколько метрик исчисления различий между объектами (эвклида, манхэттенская и др.), в каждом расчете задавалось различное количество кластеров. Цель была в том, чтобы программа распределила регионы более или менее рав-

номерно по нескольким кластерам, и не было группировок, состоящих только из одного объекта. Решить проблему полностью не удалось, в каждом расчете в разные кластеры Stadia помещала неравное количество объектов. В качестве лучшей для данной системы из 26 показателей была выбрана метрика вычисления статистических расстояний Брея-Кертиса, дивизионная (разделительная) стратегия с распределением на 5 кластеров. Один из кластеров включил только две единицы – Москву и Санкт-Петербург. Авторским решением в кластер со столичными мегаполисами были добавлены области Московская и Ленинградская, других корректировок автоматической классификации не производилось.

Как показано в таблице 3 и на рис. 3, субъекты РФ были разбиты на 5 типов. Тип 1 включил высокоэффективные в экономическом смысле автономные округа, расположенные в зоне Севера и ориентированные на производство энергоносителей – Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. Численность населения этой группы регионов составляет 1,6% от страновой, а численность занятых в июне 2024 г. – 1,7% (табл. 4). Однако здесь производят 9,1% всего ВРП страны. Имея 9% всех основных фондов, они в 4,2 раза превосходят среднюю фондобеспеченность российской экономики и в 4,3 раза – средние по стране инвестиции в основной капитал в 2022 г. Благодаря этому они имеют самую высокую заработную плату среди региональных групп – в 1,56 раз выше средней по стране в июне 2024 г. Здесь также самый высокий среди регионов РФ уровень урбанизации – 90,4%, – потому что население и экономика сосредоточены в городах и поселках городского типа (а сельских населенных пунктов мало).

Тип 2 – это автономные республики Северного Кавказа и Южной Сибири с пониженным экономическим и высоким демографическим потенциалом, аграрно-промышленной специализацией хозяйства. В республиках сосредоточено 6,9% населения страны и 6,3% рабочей силы, но производится только 2,2% российского ВРП. В городах проживает менее половины населения регионов, а часть быстро растущих трудовых ресурсов остается избыточной, и безработица достигает 8,9%, что значительно выше среднего по стране. Заработная плата составляет 52,8 тыс. рублей, что также значительно ниже среднего по стране. Однако она растет быстрее, чем в других группах регионов: в 2022–2024 гг. ее увеличение составило 1,45 раза.

Тип 3 – основная масса субъектов РФ (55 регионов), в основном промышленно-аграрной ориентации, как правило со специализацией на обрабатывающей промышленности. Регионы 3 типа концентрировали в начале 2024 г. 62,2% населения страны (90,9 млн человек) и имели уровень урбанизации 71,9%. Они производили 43,5% ВРП России, т. е. формально эффективность их экономики была несколько ниже, чем в регионах 1 и 5 типов. Уровень безработицы в июне 2024 г. был здесь 2,3%, т. е. тоже меньше среднего по стране. СННЗП в июне 2024 г. составляла 68,6 тыс. руб. – ниже средней по стране при том, что темп роста заработной платы в 2022–2024 гг. был почти таким же высоким, как в республиках, относящихся ко 2 типу.

Рис. 3. Типология субъектов Российской Федерации по социально-экономическим показателям

Источник: рассчитано автором по данным [Российский … , 2023; Социально-экономическое … , 2024; Труд … , 2023; Регионы России … , 2023].

К типу 4 относятся промышленно-аграрные регионы Сибири и Дальнего Востока с высокими долями как добывающей, так и обрабатывающей промышленности (табл. 4). Эти субъекты РФ концентрируют 9,3% населения и 9,2% занятых в стране, но производят 10,4% ВРП и имеют производительность труда на уровне 112% от российского уровня. Также выше среднего здесь фондооборуженность и инвестиции на одного занятого. СННЗП в июне 2024 г. здесь составляет 95,6 тыс. руб., что выше среднего и выше, чем в регионах 2 и 3 типов, а по темпам роста заработков субъекты этого типа опережают 1 и 5 типы.

«Столичный» 5 тип составили постиндустриальные городские агломерации с высокой эффективностью экономики и высокой долей сферы услуг, науки, цифрового сектора, высокотехнологичной промышленности – Москва и Санкт-Петербург с соответствующими областями. Потоки рабочей силы, финансовых ресурсов, информации, транспорта, в том числе ежедневные (маятниковые) трудовые миграции, строятся здесь таким образом, что в экономическом смысле это не четыре, а практически две больших экономических системы. Данные субъекты РФ концентрируют 20,1% населения страны и имеют уровень урбанизации 91,3%. Здесь сосредоточено 21,6% занятых в экономике, которые производят больше трети всего ВРП страны – 34,9%. По удельным показателям ВРП, основных фондов и инвестиций они уступают только регионам 1 типа. СННЗП здесь также уступает только регионам 1 типа и в июне 2024 г. составляла 126,5 тыс. руб., в том числе в Москве – 153,4 тыс. руб. В то же время, поскольку число получателей

лей заработной платы в этих субъектах РФ более чем в 10 раз превышает их число в регионах 1 типа, то, конечно, столичные мегаполисы и городские агломерации представляют собой центры концентрации основной массы высоких заработных плат в стране.

Таблица 3
Типология субъектов Российской Федерации

	Число регионов
Российская Федерация	85
Регионы 1 типа: Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский АО – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ	3
Регионы 2 типа: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Республика Алтай, Республика Тыва, Алтайский край	9
Регионы 3 типа: Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Калужская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область без АО, Вологодская область, Калининградская область, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Крым, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область,	55
г. Севастополь, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Пермский край, Кировская область, Нижегородская область, Оренбургская область, Пензенская область, Самарская область, Саратовская область, Ульяновская область, Курганская область, Свердловская область, Тюменская область без АО, Челябинская область, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область	
Регионы 4 типа: Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская область, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ	14
Регионы 5 типа: Московская область, г. Москва, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург	4

*Рассчитано автором на основе данных [Социально-экономическое … , 2024;
Регионы России, 2023].*

Таблица 4

**Социально-экономические показатели
субъектов Российской Федерации по типам**

Регионы	Число регионов	Численность населения на 1.01.2024, тыс. человек	Численность населения в трудоспособном возрасте на 1.01.2024, тыс. человек	Численность городского населения на 1.01.2024, тыс. человек	Урбанизация (доля городского населения), %	Численность рабочей силы в июне 2024 г., тыс. человек	Численность занятых в июне 2024 г., тыс. человек
	1	2	3	4	5	6	
Российская Федерация	85	146 150,8	84 711,5	109 526,9	74,9	76 123,5	74 181,3
1 тип:	3	2317,6	1441,4	2095,7	90,4	1256,9	1238,1
В % от РФ	3,5	1,6	1,7	1,9	120,7	1,7	1,7
2 тип:	9	10 028,6	5941,4	4954,1	49,4	4796,4	4370
В % от РФ	10,6	6,9	7,0	4,5		6,3	5,9
3 тип:	55	90 888,9	51 953,8	65 364,9	71,9	46 776,5	45 702,7
В % от РФ	64,7	62,2	61,3	59,7		61,4	61,6
4 тип:	14	13 571,2	7991,9	10 245,0	75,5	7010,1	6824,1
В % от РФ	16,5	9,3	9,4	9,4		9,2	9,2
5 тип:	4	29 434,6	17 382,9	26 867,6	91,3	16 284,6	16 047,3
В % от РФ	4,7	20,1	20,5	24,5		21,4	21,6

Продолжение табл. 4

Регионы	Число регионов	Численность занятых в 2022 г., тыс. человек	Занято в сфере услуг в 2022 г., тыс. человек	Уровень занятости в сфере услуг в 2022 г., в % от рабочей силы	Численность безработных в июне 2024 г., тыс. человек	Уровень безработицы, в % от рабочей силы	Валовой региональный продукт (ВРП) в 2022 г., млн. руб.
	7	8	9	10	11	12	
Российская Федерация	85	71216,9	46735,0	65,6	1942,2	2,6	140670816,5
1 тип:	3	1518,2	824,3	54,3	18,8	1,5	12732578,8
B % от РФ	3,5	2,1	1,8		1,0		9,1
2 тип:	9	4021,3	2449,8	60,9	426,4	8,9	3055597,5
B % от РФ	10,6	5,6	5,2		22,0		2,2
3 тип:	55	43035,6	27356,4	63,6	1073,8	2,3	61149525,5
B % от РФ	64,7	60,4	58,5		55,3		43,5
4 тип:	14	6638,5	4293,1	64,7	186,0	2,7	14680556,7
B % от РФ	16,5	9,3	9,2		9,6		10,4
5 тип:	4	16003,2	11650,2	72,8	237,3	1,5	49052558,0
B % от РФ	4,7	22,5	24,9		12,2		34,9

Продолжение табл. 4

Регионы	ВРП на одного занятого (производительность труда) в 2022 г., тыс. руб.	Основные фонды в 2022 г., млн. руб.	Основные фонды на одного занятого в 2022 г., тыс. руб.	Инвестиции в основной капитал в 2022 г., млн. руб.	Инвестиции в основной капитал на одного занятого в 2022 г., тыс. руб.	Среднемесячная номинальная начисленная заработка (СННЗП) в 2022 г., тыс. руб.
	13	14	15	16	17	18
Российская Федерация	85	1975,2	427401347,0	6001,4	34036000,3	47,9
1 тип:	3	8386,6	38515911,0	25369,5	3 113 291,9	2050,6
В % от РФ	3,5	424,6	9,0	422,7	9,1	429,1
2 тип:	9	759,9	7 548 997,0	1877,3	932 014,8	231,8
В % от РФ	10,6	38,5	1,8	31,3	2,7	48,5
3 тип:	55	1420,9	195480143,0	4542,3	13 655 512,2	317,3
В % от РФ	64,7	71,9	45,7	75,7	40,1	66,4
4 тип:	14	2211,4	40 387 513,0	6083,8	52 899 57,6	796,9
В % от РФ	16,5	112,0	9,4	101,4	15,5	166,7
5 тип:	4	3065,2	145468783,0	9090,0	10 231 959,4	639,4
В % от РФ	4,7	155,2	34,0	151,5	30,1	133,8
						156,2

Продолжение табл. 4

Регионы	Число регионов	Годовая зарплата (СННЗП) одного работника в 2022 г., тыс. руб.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (СННЗП) в июне 2024 г., тыс. руб.	СННЗП в июне 2024 г. в условном пересчете на год, тыс. руб.	Динамика СННЗП с 2022 по июнь 2024 г., раз	Условный региональный фонд заработной платы (УРФОТ) в 2022 г.	Условный региональный фонд заработной платы (УРФОТ) в 2024 г.	Соотношение УРФОТ к ВРП в 2022 г., долей единицы
		19	20	21	22	23	24	25
Российская Федерация	85	770,4	89,1	1069,7	1,39	54865,5	79354,7	0,390
1 тип:	3	1282,7	138,8	1666,2	1,30	1947,5	2062,9	0,153
B % от РФ	3,5	166,5	155,8	155,8		3,5	2,6	
2 тип:	9	436,5	52,8	634,2	1,45	1755,4	2771,3	0,574
B % от РФ	10,6	56,7	59,3	59,3		3,2	3,5	
3 тип:	55	574,3	68,6	823,0	1,43	24716,9	37613,2	0,404
B % от РФ	64,7	74,6	76,9	76,9		45,0	47,4	
4 тип:	14	841,0	95,5	1146,6	1,36	5583,2	7824,5	0,380
B % от РФ	16,5	109,2	107,2	107,2		10,2	9,9	
5 тип:	4	1203,3	126,5	1517,8	1,26	19257,2	24356,4	0,393
B % от РФ	4,7	156,2	141,9	141,9		35,1	30,7	

Рассчитано автором на основе данных [Социально-экономическое ..., 2024; Регионы России, 2023].

Заключение

С методической точки зрения сочетание табличных и математико-статистических методов позволяет проводить адекватный анализ экономики, рынка труда и его оплаты по РФ и ее регионам, переходя от изучения общих вопросов к исследованию территориальной дифференциации происходящих процессов и в конечном счете к построению типологии регионов. В свою очередь, типология регионов может быть полезна как для мониторинга, так и для целей прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического положения.

Полученные результаты анализа текущей ситуации позволяют подчеркнуть, что рекордный по темпам с начала 2010-х годов экономический рост 2023–2024 гг. в России, обусловленный увеличением государственных расходов на СВО, заработной платы военных и работников оборонной промышленности, решая одни проблемы, может породить другие. В частности, снижение остроты безработицы и уменьшение ее уровня в большинстве регионов страны оборачивается общим (системным) дефицитом кадров. В результате создается препятствие дальнейшему экономическому росту.

Многократное превышение числа вакансий над предложением труда вызывает ужесточение конкуренции отраслей, предприятий и регионов за рабочую силу. Эта конкуренция стимулирует рост заработной платы в стране. Государство и бизнес вынуждены увеличивать хронически заниженную в предшествующие годы долю ВНП-ВРП, которая поступает наемным работникам в виде заработной платы. Таким образом не только повышается благосостояние населения России, но и формируется более справедливое распределение национального дохода.

Наиболее высокая заработка плата складывается в северных и восточных районах страны, особенно в тех, которые производят топливно-энергетические ресурсы, а также в столичных городах, в которых сходятся финансовые потоки и в которых функционируют основные рычаги управления обществом. Социально-экономическое пространство страны отчетливо делится на ряд дифференцированных друг от друга типов, среди которых выделяются высокой экономической эффективностью и заработной платой кластер «северных» регионов (добывающих топливно-экономические ресурсы для экспорта) и кластер «столичных» городских агломераций. Средние позиции занимают традиционно-промышленные регионы центральной России, по ряду показателей им уступают республики Северного Кавказа и Южной Сибири. Такая резкая дифференциация субъектов РФ по критически важным социально-экономическим показателям обуславливает необходимость проведения взвешенной государственной политики, направленной на смягчение фиксируемых диспропорций.

Список литературы

1. Закон РФ от 19.02.1993 № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» // КонсультантПлюс. – 2023. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1786/ (дата обращения 01.09.2024).
2. Заработка плата в России. Эволюция и дифференциация / под редакцией В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капельюшникова. – Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008.–575 с.
3. Зубаревич Н.В. Региональная дифференциация основных показателей социального развития // География. – 1998. – № 33 – С. 3–5.
4. Кадровый голод и рост зарплат: как поменялся рынок труда и что его ждет // РБК. – 2024. – 05.01. – URL: https://www.rbc.ru/economics/05/01/2024/6589738d9a794798dc106898?from=materials_on_subject (дата обращения 01.09.2024).
5. Капельюшников Р.И. Экспансия вакансий на российском рынке труда: динамика, структура, триггеры // Вопросы экономики. – 2024. – № 7. – С. 81–111.
6. Кашепов А.В., Трубин В.В., Утинова С.С. Рынок труда в России: проблемы формирования и регулирования / под ред. К.И. Микульского. – Москва: Наука, 1995. – 95 с.
7. Кашепов А.В. Структура занятости в экономике по видам деятельности и основным профессиональным группам // Социально-трудовые исследования. – 2020. – № 1. – С. 19–30.
8. Кашепов А.В. Между справедливым и обоснованным уровнями заработной платы: макроэкономические сопоставления по странам и регионам // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 4. – С. 197–205.
9. Кулаичев А.П. Методы и средства анализа данных в среде Windows Stadia. – Москва: Информатика и компьютеры, 1999.–340 с.
10. Мантуров рассказал, сколько сотрудников не хватает оборонным предприятиям // РБК. – 2024. – 07.06. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/06/2024/6662c05f9a7947b6bcad6605?ysclid=m0hscsqyym464167163> (дата обращения 01.09. 2024).
11. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2005–2023 гг. // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> 1.02.2024 (дата обращения 1.02.2024).
12. Российский статистический ежегодник 2023 / Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 2023. – 704 с.
13. Рынок труда в 2023: тенденции и прогнозы SuperJob // Интернет-портал SuperJob. – 2023. – 04.12. – URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114374/rynok-truda-v-2023/> (дата обращения 21.07.2024).
14. Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / И.И. Беленькая, С.М. Бородкин, Т.И. Заславская [и др.]; под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. – Москва: Статистика, 1980. – 343 с.
15. Социально-экономическое положение России 2020–2024 гг. // Росстат. Статистические бюллетени [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения 10.09.2024).
16. Сценарные условия функционирования экономики Российской Федерации, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и прогнозируемые изменения цен (тарифов) на товары, услуги хозяйствующих субъектов // Росстат. Статистические бюллетени [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения 10.09.2024).

- тов, осуществляющих регулируемые виды деятельности в инфраструктурном секторе, на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 годов [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития России. – 2024. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/9b5be59d09bd494dcbeafedcf460c2a8/scenarnye_usloviya_funkcionirovaniya_ekonomiki_rf_2024.pdf (дата обращения 10.09.2024).
17. Труд и занятость в России 2005–2023 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения 01.08.2024).
  18. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс. – 2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 01.09.2024).
  19. Федоров Г.М. Геодемографическая типология / под ред. Н.Т. Агафонова. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1985. – 152 с.

Статья поступила: 11.09.2024

Одобрена к публикации: 22.09.2024.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Проблемы стран и регионов

УДК: 330.34:[331.101.262:314.74](510+571.6)
DOI: 10.31249/espr/2024.04.03

В.В. Петушкива*

СОСЕДСТВО С КИТАЕМ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Аннотация. История развития Дальнего Востока России тесно связана с Китаем. Начиная с середины XIX в. на этой территории существовала китайская диаспора. Китайские трудовые мигранты были задействованы в промышленности, строительстве и торговле, сыграв важную роль в экономическом становлении региона. Приграничная российско-китайская торговля внесла вклад в развитие экономики Дальнего Востока, как и северо-восточных районов КНР. По мнению специалистов, сотрудничество с КНР и в настоящее время обеспечивает Дальневосточному федеральному округу определенные преимущества, способствуя раскрытию его потенциала. В период ужесточения антироссийских санкций регион продолжает опираться на значимые и исторически присущие ему направления, в число которых входит взаимодействие с Китаем.

Ключевые слова: Россия; Китай; Дальневосточный федеральный округ; китайские мигранты; экономическое развитие; стратегия «поворот на Восток».

Для цитирования: Петушкива В.В. Соседство с Китаем как фактор социально-экономического развития Дальнего Востока России // Экономические и социальные проблемы России. – Москва. – 2024. – № 4. – С. 63 – 79.

---

* **Петушкива Влада Валерьевна**, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия). vladapetushkova@yandex.ru.

Petushkova V.V. – PhD (Econ. Sci.), Senior researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). vladapetushkova@yandex.ru.

V.V. Petushkova

**The neighborhood with China as a factor
in the socio-economic development
of the Russian far East**

Abstract. The history of the development of the Far Eastern region of Russia is closely connected with China. Since the middle of the 19th century, there has been a Chinese diaspora in this territory. Chinese migrant workers were involved in industry, construction and trade, playing an important role in the economic development of the region. Cross-border Russian-Chinese trade has contributed to the development of the economy of the Far East, as well as the northeastern regions of the People's Republic of China. According to experts, cooperation with the People's Republic of China currently provides the Far Eastern Federal District with certain advantages, contributing to the disclosure of its potential. During the period of tightening anti-Russian sanctions, the region continues to rely on significant and historically inherent areas, including cooperation with China.

Keywords: Russia; China; Far Eastern Federal District; Chinese migrants; development; Russia's strategy «turn to the East».

For citation: Petushkova V. V. The neighborhood with China as a factor in the socio-economic development of the Russian Far East // Economic and Social Problems of Russia. – Moscow, 2024. – N 4. – P. 64–79.

Введение

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) является самым большим по площади макрорегионом России, в состав которого входит одиннадцать субъектов РФ¹. Он занимает 40,6% территории страны, и его по размерам часто сравнивают с Австралией². При этом большая часть ДФО отличается суровым и сложным климатом, а благоприятными для проживания и земледелия признаются только южные области [Анализ состояния, распределения … , 2023].

Население ДФО в 2024 г. составляло всего 7,873 млн человек, или 5,38% от общей численности населения России [Дальневосточный федеральный округ, 2024]. Крупнейшими городами федерального округа являются Владивосток (587 тыс. человек) и Хабаровск (579 тыс. человек), при этом города-миллионники в нем отсутствуют [Population of Cities in Russia, 2024]. ДФО весьма разнообразен в географическом отношении

---

¹ Приморский край, Хабаровский край, Забайкальский край, Амурская область, Сахалинская область, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Еврейская автономная область, Магаданская область, Чукотский автономный округ.

² Площадь ДФО составляет 6952,6 тыс. км² [Дальневосточный федеральный округ … , 2024].

и имеет протяженную морскую береговую линию, располагает значительными земельными, водными и лесными ресурсами, многочисленными месторождениями полезных ископаемых¹.

Отличительной чертой региона, во многом определяющей его развитие (помимо удаленности от центральных районов страны, низкой плотности населения и ряда других), служит наличие границы с КНР, протяженностью более 4 тыс. км [Бакланов, Ларин, 2023]. Цель настоящей статьи – проследить взаимодействие с Китаем как специфический фактор в развитии Дальнего Востока России на разных исторических этапах вплоть до последних лет, когда на первый план вышла задача преодоления санкционных ограничений. Обсуждается также ведущая роль государства в истории, современности и перспективах ДФО.

Этапы развития российского Дальнего Востока и роль китайских мигрантов

При всем богатстве и разнообразии Дальний Восток всегда находился на периферии Российской империи, СССР, а затем и Российской Федерации. Отсчет современной истории российского Дальнего Востока начинается в середине XIX в., когда факты «стремительного и блестящего присоединения к России» ранее входивших в состав Цинской империи Приамурья (1858) и впоследствии Приморья (1860) «застали врасплох русское общество» [Демьяненко, 2017]. Воспользоваться всеми достоинствами новых земель при существовавших в то время транспортных и технических возможностях было сложно.

Дореволюционный период. Во второй половине XIX в. на Дальнем Востоке появились китайские трудовые мигранты. В связи с острой нехваткой трудовых ресурсов государственные и частные предприятия охотно принимали на работу китайских «отходников»², которые довольствовались намного более низкой зарплатой, чем русские рабочие. Мигранты из Китая приезжали как по набору через российские представительства, так и стихийно в одиночку. Они отправлялись в Россию без семей, сроком на несколько лет, а состав их постоянно менялся. В 1897 г., согласно результатам переписи, в Амурской области китайцев (ханьцев) насчитывалось уже 13,2% от численности населения, а в Приморской

---

¹ Доля ДФО в запасах России оценивается следующим образом: 81% алмазов, около 92% олова, 40% золота и 14% угля. Суммарные прогнозные ресурсы нефти и газа Дальнего Востока и Забайкалья достигают 20% от общероссийских ресурсов: 18 млрд т и 25 млрд м³ соответственно [Бойко, Прилуков, 2007; Минерально-сырьевые ресурсы, 2024].

² «Отходники» – так в Российской империи называли крестьян, покидавших места своего постоянного проживания для заработка (временных или сезонных).

области доля китайцев среди горожан превысила $\frac{1}{4}$, составив 29,6% [Скоркина, 2008].

В начале XX в. приток китайских мигрантов в регион значительно возрос. К 1910 г. китайское мужское население Приморья превысило 61 тыс. человек, что вызвало нарастающую тревогу местной администрации. В 1910 г. был издан закон, запрещавший прием иноземцев на государственные предприятия и нацеленный, прежде всего, на сокращение масштабов китайской миграции на Дальний Восток России в последующие годы [Скоркина, 2008].

К 1903 г. было завершено строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), что явилось важной вехой в экономической истории как Дальнего Востока, так и северо-восточного Китая [Демьяненко, 2017, с. 10.]. Активно развивалась и приграничная торговля. Как отмечают исследователи, во время и после Русско-японской войны (1904–1905 гг.) наблюдался заметный рост поставок в Амурскую область китайских сельскохозяйственных товаров, в особенности дешевого зерна из цинской Маньчжурии. Северный Китай служил основным поставщиком хлеба для Дальнего Востока, хотя поставки осуществлялись также из Забайкалья и европейской части России. Вместе с тем расширение земледелия и увеличение мощности мукомольной промышленности Приамурья, а также протекционистские меры, направленные на поддержку российских производителей, способствовали постепенному снижению величины этого импорта¹ [Юкимура, 2008, с. 101].

В начале XX в. китайская диаспора в регионе состояла из людей, занимавшихся различными видами деятельности, как работающих на предприятиях практически во всех отраслях промышленности, в строительстве, в сфере розничной торговли и услуг, так и мелких и средних предпринимателей. Дешевая рабочая сила китайских мигрантов была важным фактором развития экономики российского Дальнего Востока. В то же время китайские предприниматели составляли серьезную конкуренцию отечественным, вытесняя последних с регионального рынка. По сумме оборота в 1910 г. русский экспорт (910 млн руб.) значительно превосходил китайский импорт (14,6 млн руб.). Однако по количеству торговых компаний китайские предприниматели занимали ведущие позиции в регионе (табл. 1). В Приморской области в 1913 г. китайцам принадлежало 100% прачечных, 86% ателье, 84% часовых и ювелирных мастерских, 75% слесарных и кузнечных, 71% плотницких и столярных [Чжоу Тяньхэ, 2019].

---

¹ Согласно историческим документам, «рост земледелия в области наблюдается очень быстрый. Уменьшение ввоза зерна и муки из Маньчжурии происходило совершенно самостоятельно, на это влияли не меры экономической политики, а только увеличение собираемых урожаев» (цит. по: [Юкимура, 2008, с. 101]).

Таблица 1

**Количественное соотношение магазинов,
принадлежащих китайским и отечественным
предпринимателям во Владивостоке, единиц**

Магазины	1890-е годы	1909 г.	1910 г.
Принадлежащие отечественным предпринимателям	23	99	181
Принадлежащие китайским предпринимателям	127	447	625

Источник: [Чжоу Тяньхэ, 2019].

Китайские мигранты расселялись на территории Дальнего Востока неравномерно и, как правило, предпочитали общаться в своей среде, сводя к минимуму взаимодействие с местным населением. В городах они образовывали отдельные кварталы. Такие обособленные китайские кварталы существовали во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске и Николаевске [Владивостокская Хитровка ..., 2016]. В тайге же создавались поселки, практически независимые от российских властей. Среди мигрантов заметную часть составляли лица, нелегально находящиеся на территории Российской империи ввиду сложности и дороговизны оформления официальных документов. Многие из них, проживая в стране по несколько лет, так и не овладевали русским языком. Факты указывают на то, что китайские мигранты, за редким исключением, не стремились обосноваться в России навсегда [Скоркина, 2008].

Советский этап. В конце 1920-х – середине 1930-х годов советско-китайские отношения ухудшились, нарастала также военная угроза со стороны Японии, что отразилось на положении китайских мигрантов на Дальнем Востоке. Регион остро нуждался в рабочей силе, но политические интересы возобладали над экономическими. В результате проведения масштабных депортаций и депортации, численность китайских мигрантов на советском Дальнем Востоке значительно уменьшилась и составляла не более 4 тыс. человек. 17 апреля 1936 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о ликвидации Китайского квартала во Владивостоке, после чего китайская диаспора перестала играть значимую роль в развитии Дальнего Востока [Залесская, 2008].

В начале 1950-х годов двусторонние отношения СССР с Китаем были восстановлены. Возобновилась также торговля в приграничных районах, что способствовало развитию их экономики. Однако уже в начале 1960-х годов после изменения политической обстановки советско-китайское сотрудничество было вновь полностью свернуто [Фролов, 2007, с. 22–26]. Заметное улучшение двусторонних отношений началось только в конце 1970-х годов.

Постсоветский период. После распада СССР, в 1990-х – начале 2000-х годов российско-китайское взаимодействие в дальневосточной приграничной зоне характеризовалось быстрым стихийным ростом и было обусловлено спросом населения на дешевые китайские промышленные и продовольственные товары. Наблюдался расцвет членчной торговли, объем которой, по оценкам, превышал 10 млрд долл. в год [Вороненко, Грейзик, 2020].

Приезжавшие на российский Дальний Восток в 1990-е годы китайские предприниматели занимались наиболее прибыльной оптовой и розничной торговлей. Как правило, они привозили потребительские товары: одежду, обувь, электроприборы, продукты питания. Торговля велась на специально оборудованных рынках в приграничной полосе в рамках установленных квот. По отзывам китайских бизнесменов, Россия была для них буквально золотым прииском: «приехав сюда даже с коробкой жевательной резинки, можно было заработать несколько тысяч юаней» [Чжоу Тяньхэ, 2019].

В регионе снова появились китайские трудовые мигранты. Демографические тенденции в двух соседствующих странах остаются противоположными: если в КНР в целом и в приграничных провинциях в частности отмечается перенаселение, следствием которого является масштабная безработица, то в Дальневосточном регионе России происходит отток населения [Чжоу Тяньхэ, 2019]. Решение проблемы дефицита трудовых ресурсов на Дальнем Востоке страны вновь стало связываться с привлечением китайской рабочей силы. Так, к 1990 г. на предприятиях Хабаровского края было занято свыше 14,5 тыс. иностранных рабочих, при этом большинство мигрантов прибыло из Китая.

В настоящее время для Дальневосточного региона торговля с КНР остается важным источником продовольственных и промышленных товаров, а численность китайской диаспоры значительно увеличилась. Причем модель поведения ее представителей мало отличается от существовавшей в начале XX в. В то же время интерес к культурным традициям Китая со стороны российских граждан, во многом связанный с притоком мигрантов и расширением контактов с бизнесменами из Китая.

«Имперская» модель развития Дальнего Востока и ее кризис

Первоначально Дальний Восток рассматривался правительством Российской империи исключительно как военная или земледельческая колония. До конца XIX в. единая государственная экономическая политика в отношении региона отсутствовала. Положение заселяемой и осваиваемой дальневосточной окраины России всецело соответствовало геостратегической задаче военно-политического присутствия на Тихом океане. Государство способствовало переселению крестьян на Дальний Восток, нередко действуя методами их принудительного перемещения. Отмена крепостного права (1861 г.) и начало буржуазных реформ активизировали добровольную миграцию населения и дви-

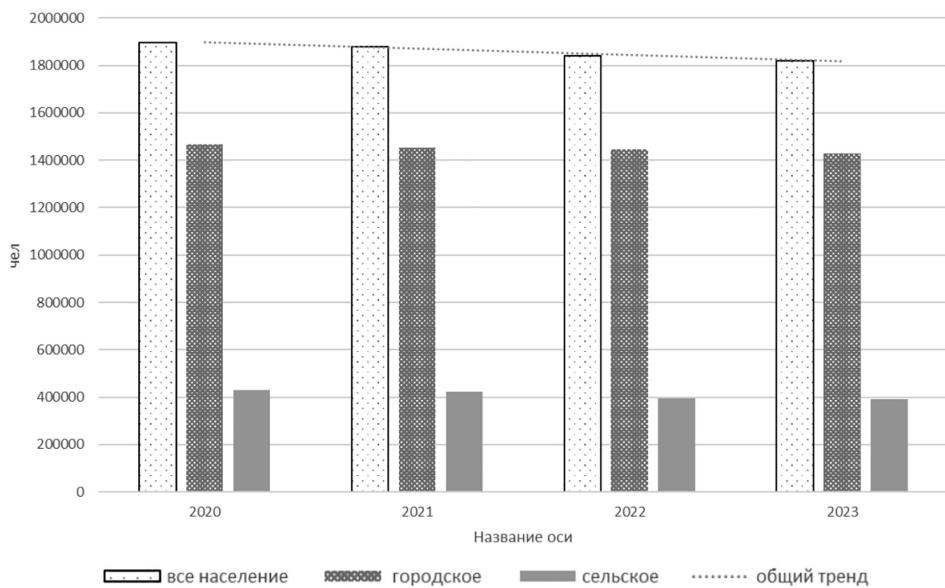
жение капитала из центральных районов страны на Дальний Восток, а также развитие промышленности на этой территории (в частности, добычи золота). После Русско-японской войны ориентиры государственной политики России на Дальнем Востоке изменились. В качестве ее цели было признано полноценное экономическое развитие региона, основанное на его ресурсном потенциале и использовании преимуществ геостратегического положения.

Специалисты указывают на доминирующую роль государственного сектора в экономике российского Дальнего Востока и называют модель его индустриального развития, сложившуюся в конце XIX – начале XX в., имперской [Маклюков, 2022, с. 96]. Регион характеризовался более высокими темпами промышленного роста, чем Российской империя в целом, но оставался поставщиком сырья на общероссийский рынок, а также сильно зависел от государственных инвестиций (заказов) и поставок. Региональная экономика была значительно деформирована подчинением военным приоритетам, с одной стороны, и отсталостью методов эксплуатации природных ресурсов – с другой. Одновременно сформировался ряд негативных особенностей территории, сохранившихся в дальнейшем: слишком неравномерное размещение промышленных предприятий, недостаток квалифицированных кадров и капитала, отставание в развитии инфраструктуры, высокая стоимость рабочей силы, товаров и услуг [Маклюков, 2022, с. 96–97]. Можно утверждать, что даже несмотря на последующую смену в стране общественно-политических формаций, данная модель с незначительными изменениями продолжает существовать и в настоящее время.

Имперская и продолжавшая ее советская модели индустриального развития Дальнего Востока основывались на сильном государственном участии в этом процессе. Результаты их реализации достаточно впечатляющи: валовая продукция крупной промышленности региона за 1913–1940 гг. увеличилась в 18 раз. В годы индустриализации на Дальнем Востоке ускоренными темпами развивался прежде всего оборонный сектор. Особая роль отводилась также добывающим отраслям (угольная, горнорудная и нефтедобывающая промышленность, цветная металлургия), производившим продукцию, которую потребляли в других регионах страны. На основе существующей в регионе сырьевой базы были созданы рыбная и лесная промышленность, производство строительных материалов [Маклюков, 2022, с. 101].

В 1990-е годы в связи с сокращением государственных инвестиций и государственного сектора в экономике в регионе произошел тяжелый социально-экономический кризис, повлекший за собой отток населения. Только за 1993–2008 гг. в результате внутренней миграции число жителей ДФО сократилось на 1,5 млн человек, что сопоставимо с населением всего Хабаровского края [Авдеев, 2008]. Регион покидали преимущественно люди трудоспособного возраста, высокого социального и профессионального уровня.

Сохраняющийся отток населения считается главным показателем социально-экономической нестабильности ДФО в настоящее время. По данным

Рис. 1. Изменение численности населения Приморского края в 2020–2023 гг.

Источник: [Приморский край в цифрах … , 2023, с. 4].

Росстата, за 2020–2023 гг. численность населения наиболее развитого Приморского края сократилась на 80 тыс. человек, причем городские и сельские районы потеряли примерно равное число жителей (рис. 1). Таким образом, речь идет не столько о миграции сельских жителей в города, сколько о переселении дальневосточников в соседние области и европейскую часть России.

Как считают китайские политологи Фэн Шаолей и Цуй Хэн, «российский Дальний Восток не смог реализовать свою геополитическую значимость и экономическую ценность, несмотря на огромные территории и обильные природные ресурсы». После распада СССР и ликвидации плановой экономической системы регион лишился привычной поддержки государства, не обрел способности к саморазвитию и самовосстановлению, и как следствие – увеличил давление на федеральный бюджет [Фэн Шаолей, Цуй Хэн, 2019].

ДФО и стратегия России «поворот на Восток»

С 2012 г. во внешней политике России появилась стратегия «поворот на Восток», одной из провозглашенных целей которой стало стремление «поймать китайский ветер в паруса российской экономики». В рамках данной концепции развитие Сибири и Дальнего Востока было объявлено

важнейшим социально-экономическим приоритетом России в XXI в. Роль ДФО базируется как на его природных ресурсах, так и на близости к Азиатско-Тихоокеанскому региону [Макаров, 2018]. Во многом подготовленный предшествующим развитием «поворот на Восток» стал жизненно необходим в период антироссийских санкций, когда Китай превратился в главного торгового партнера России (обратное, однако, неверно). Значимость планов, связанных с ДФО, стремительно возрастает.

Меры, направленные на ускорение развития ДФО, принесли определенные результаты, в частности увеличился приток инвестиций. Тем не менее достигнутые результаты свидетельствуют лишь о попытках преодоления кризиса, а не о реальных переменах в социально-экономической жизни макрорегиона [Макаров, 2018].

К сожалению, многие жители Дальневосточного региона достаточно скептически относятся к стратегии «поворот на Восток». Они не принимают личного участия в связанных с ней действиях, не видят собственной перспективы и своего места в новой системе ценностей и цивилизационных координат. По мнению специалистов, стратегия будет «пробуждаться», пока не будет выработана грамотная социальная политика, направленная на создание стабильных условий для населения. Ведь именно жители Дальнего Востока должны стать главными проводниками и движущей силой прогрессивных изменений, включая выстраивание деловых и культурных взаимоотношений с соседними странами АТР и прежде всего – с Китаем [Караганов, Лихачева 2020].

В 2012 г. в России создано Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики (Минвостокразвития), в задачу которого входит в том числе создание условий для привлечения иностранных инвесторов и организация для них качественной инфраструктуры [Министерство Российской Федерации ..., 2024]. В рамках стратегии «поворота на Восток» в ДФО создаются территории опережающего развития (ТОР). Они во многом повторяют опыт китайских Особых экономических зон (ОЭЗ) – «визитной карточки» китайских реформ, без которых теперь сложно представить успехи, достигнутые китайской экономикой. Напомним, что в КНР, начиная с 1980 г., создавались ориентированные на внешний рынок ОЭЗ, экономическая политика на территории которых включала налоговые льготы, снижение таможенных пошлин, снижение цен на землю и повышение гибкости законодательства при заключении трудовых и финансовых контрактов. Важно отметить, что ТОР (ОЭЗ) являются для китайских инвесторов привычной формой экономической деятельности и уже поэтому для них притягательны.

С 2014 г. на Дальнем Востоке созданы 20 ТОР, предусматривающих значительные налоговые льготы для их резидентов. Режимы ТОР рассчитаны на бизнес любой величины, для чего специально установлен низкий «порог входа» резидентам (0,5 млн руб.) и обсуждался даже вопрос о его упразднении. В течение первых пяти лет налог на прибыль не взимается, на последующие пять лет он устанавливается в размере 10%, предусмотрены также

налоговые льготы на землю и имущество организаций [Территории опережающего развития … , 2024]. В рамках договоренностей с высшим руководством Китая рассматривается возможность распространения режима ТОР на всю территорию ДФО. ТОР позиционируется как инструмент развития ДФО, ориентированный на глобальную конкурентоспособность и движение в сторону сотрудничества со странами АТР [Комраков, 2022].

Китай занимает лидирующие позиции среди иностранных инвесторов по количеству проектов в ТОР. К концу 2021 г. в ДФО в качестве резидентов ТОР работали 13 китайских компаний, семь компаний из Японии, три компании из Южной Кореи, по две из Нидерландов и Новой Зеландии и по одной из Австралии, Вьетнама, Индии, Сингапура, и Турции. За прошедшее время многое могло измениться, тем не менее приведенные цифры показательны. По словам экспертов, интерес китайских инвесторов заключается в том, чтобы наладить выгодную производственную деятельность, используя льготы ТОР. После того, как в результате ужесточения санкций выбыли западные, японские и южнокорейские участники ТОР, Китай оказался в исключительной позиции [Комраков, 2022].

Среди резидентов ТОР, свободного порта Владивосток и Арктической зоны РФ зарегистрировано 90 проектов с иностранным участием. Причем из числа зарубежных инвесторов наибольшую активность проявляют китайцы, именно на их долю приходится 61% проектов. По словам министра по развитию Дальнего Востока и Арктики А. Чекункова, общий объем китайских инвестиций в крупные проекты Дальнего Востока превысил 1,2 трлн руб. Китайские подрядчики участвуют на территориях опережающего развития и свободного порта Владивосток в 49 проектах объемом более 812 млрд руб. Одной из наиболее перспективных областей для сотрудничества министром назван туризм. По его словам, Россия предложит китайским инвесторам возможности для развития туристической инфраструктуры в различных регионах Дальнего Востока [Глава Минвостокразвития … , 2023].

С участием китайских инвесторов в настоящее время рядом с г. Свободный строится крупнейший в мир Амурский газохимический комплекс (АГХК). Это совместное предприятие ПАО «СИБУР Холдинг» (его доля 60%) и ведущей китайской энергетической и химической компании China Petroleum & Chemical Corporation (Sinopec) с долей в 40%. Мощности Амурского ГХК составят 2,7 млн т продукции в год, из них 2,3 млн т полизтилена и 400 тыс. т полипропилена [СИБУР и SINOPEC создали … , 2024]. На пике строительства завода будет задействовано 25 тыс. специалистов. По итогам 2024 г. степень готовности проекта должна приблизиться к 60% [Амурский газохимический … , 2024]. В части экспортных продаж АГХК ориентируется на рынок АТР ввиду его географической близости, в первую очередь на КНР, а также Вьетнам, Индонезию и Малайзию, рассматриваются также поставки в Индию.

Китайских инвесторов также привлекают проекты в сельском хозяйстве, деревообработке, автомобилестроении. В частности, с их участием ра-

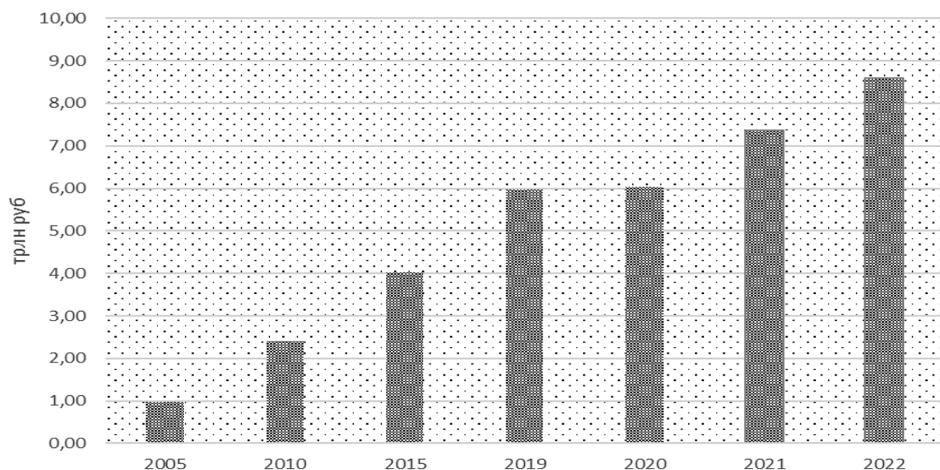
ботают компании «Легендагро Приморье» и «Легендагро логистика Амур», а «ДИК «Цяосин» создала комплекс для выращивания сои и кукурузы. В Приморье «Юбо-Сумотори» наладила производство грузовой техники китайской марки Faw, а «И Сэнь» открыла деревоперерабатывающую фабрику. Дальневосточные ТОР позволяют инвестировать и в другие представляющие интерес для китайских компаний отрасли – марикультуру, туризм и образование. Например, на ТОР «Приморье» компания «Лунмэй» создает образовательный центр, в котором будут готовить абитуриентов из Китая к поступлению в российские вузы [Форин, 2024].

Однако реализация режима ТОР уже столкнулась с рядом трудностей, ставящих под сомнение его стратегическую эффективность: дальневосточная территория значительно оторвана от развитой части страны и обладает слаборазвитой инфраструктурой для целей развития ТОР, характеризуется низкой долей высококвалифицированных трудовых ресурсов и высокой стоимостью электроэнергии. Обращает на себя внимание и пониженная емкость дальневосточного рынка: ввиду высоких темпов миграционного оттока активного населения и снижения реальных доходов граждан, спрос на продукцию, произведенную на ТОР, не соответствует ожиданиям инвесторов. Логистические расходы перевозки продукции в центральную часть страны делают ее низкорентабельной. Наконец, рынки стран АТР заинтересованы не в самой продукции ТОР и не в развитии российских дальневосточных территорий, а в ресурсах, которыми богата территория ДФО. По мнению экспертов, территории опережающего развития хорошо себя зарекомендовали, но подобные локальные проекты не способны изменить экономическую ситуацию в регионе в целом [Кулагина, Серова, 2024].

Проект распространения режима ТОР на весь ДФО поддерживается далеко не всеми российскими экономистами. Как считает заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН К. Янков, идея может столкнуться с рядом проблем, таких как сложность и дороговизна осуществления финансового контроля над участниками ТОР. Также может возникнуть своего рода конкуренция между макрорегионами: после ДФО и другие приграничные регионы (республики Северного Кавказа, Крым, Калининградская область) могут подать заявку на распространение режима ТОР на всю территорию [Комраков, 2022].

Российско-китайское сотрудничество в период коронакризиса и санкций

На рис. 2 показана динамика прироста ВРП ДФО в период 2005–2022 гг. Очевидно, что замедление темпов экономического роста в 2019–2020 гг. обусловлено пандемией COVID-19. Во время пандемии в регионе нарушилась вся экономическая деятельность: торговые, человеческие и финансовые потоки, – в особенности при взаимодействии с КНР.

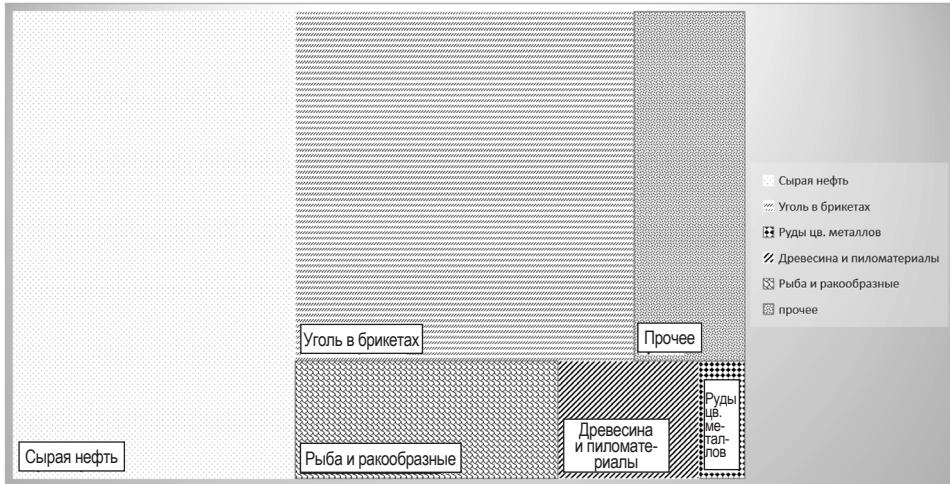
Рис. 2. Динамика прироста ВРП ДФО 2005–2022 гг., трлн руб.

Источники: [Регионы России … , 2023].

Вместе с тем ДФО меньше пострадал от антироссийских санкций, чем другие регионы России ввиду того, что во многом ориентируется на дружественный Китай. Как сообщил полномочный представитель президента РФ в ДФО Ю. Трутнев, санкции не остановили и даже не затормозили экономическое развитие регионов Дальнего Востока [Юрий Трутнев: Санкции не остановили … , 2023]. Действительно, в рассматриваемый период ужесточения западных антироссийских санкций (2021–2022) замедления темпов прироста ВРП ДФО не отмечается (рис. 2).

Для экономики ДФО в целом последствия санкций компенсируются расширением торговли и сотрудничества с Китаем, а также ростом оборонных заказов (при том, что оборонные производства – традиционная отрасль для Дальнего Востока). Так, за 2013–2023 гг. товарооборот КНР и ДФО удвоился, и в 2023 г. он достиг 2 трлн руб. [Товарооборот Дальнего Востока … , 2024]. В то же время индекс региональной экономической активности (РЭА) Дальневосточного округа к середине 2023 г. снизился до 49,1% (самый слабый результат среди округов РФ). По мнению экспертов, это может быть связано с возникновением вызванных санкциями сложностей у экспортеров нефтегазового и угольного секторов [«Известия»: в РФ снизился … , 2024]. Продолжается и миграционный отток населения, что уменьшает количество трудовых ресурсов, величину потребительского спроса и объем соответствующих рынков.

Во внешнеторговых отношениях ДФО с Китаем, несмотря на их всестороннее, казалось бы, развитие в последние годы, отмечаются значи-

Рис. 3. Соотношение статей экспорта ДФО в Китай, янв. 2022 года, %

Источник: [Far East Federal District ... , 2024].

тельные диспропорции, а именно – отчетливая сырьевая направленность российского экспорта в КНР (рис. 3). В аналогичной ситуации находится не только Россия, но и многие другие страны, намного раньше и успешнее присоединившиеся к китайскому «экономическому чуду» – например, ресурсные гиганты Бразилия, Канада и Австралия, и даже США. Названные государства также поставляют в Китай сырье и комплектующие или выступают в роли получателей инвестиций¹.

Российское правительство надеется на дальнейшие поступления китайских инвестиций на Дальний Восток. В середине 2022 г. премьер-министр России М. Мишустин выдвинул предложение о финансировании китайскими партнерами 79 проектов на сумму около 165 млрд долл. в энергетическом, горнодобывающем и сельскохозяйственном секторах. Детали проектов не были публично раскрыты даже после того, как председатель КНР Си Цзиньпин и президент России В. В. Путин подписали совместную декларацию об укреплении дипломатических и экономических связей. Китай и Россия договорились об укреплении сотрудничества, но порядок поступления китайских инвестиций в Дальневосточный регион еще в точности не определен [Рао, 2023].

¹ По меткому высказыванию эксперта Андрея Корнеева, с таким дисбалансом во внешней торговле – ресурсной ориентацией, – сталкивается сегодня не только Россия, а практически весь мир: «Китай давно превратился в мировую фабрику, поэтому попробуйте найти высокотехнологичный товар, которого в Китае нет и который туда можно поставлять» [Мазин, 2024].

Российская сторона выражала надежду, что китайские компании заменят европейские, которые покинули Россию в рамках политики санкций. При этом план развития Дальнего Востока России будет включать совместные металлургические, машиностроительные и трубопроводные проекты. Однако, хотя государственные СМИ КНР подчеркивают заинтересованность в сотрудничестве с российским Дальним Востоком, многие китайские частные комментаторы предупреждают об инвестиционных рисках в России и призывают воздержаться от инвестиций в «малоразвитый российский регион» до стабилизации политической обстановки. Эта позиция отражает общий настрой, существующий в Китае: китайские инвесторы сейчас заняли выжидательную позицию [Pao, 2023].

Соответственно, нельзя не отметить такое последствие антироссийских санкций, как ухудшение в стране инвестиционного климата для предпринимателей, в том числе – китайских. Невозможно исключить этот фактор как главное препятствие для расширения иностранного участия в развитии дальневосточных ТОР.

Тем не менее в настоящее время идет речь о создании международной территории опережающего развития на Дальнем Востоке (МТОР), которая будет ориентирована в первую очередь на китайских предпринимателей. Проект вступит в действие в 2025 г. и рассчитан на длительную перспективу (до 2039 г.). По предварительной договоренности в число резидентов МТОР войдут 20 компаний, а общий объем инвестиций составит 30 млрд руб. В рамках МТОР ожидается трехстороннее сотрудничество России, Китая и Белоруссии (которая также приглашена к участию в проекте). Определены и четыре возможные площадки для размещения МТОР, максимально приближенные к приграничной инфраструктуре, в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области и Еврейской автономной области. В интересах зарубежных предпринимателей списки участников МТОР разглашаться не будут, и реестры будут закрытыми.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что взаимодействие России и Китая на территории Дальневосточного региона на разных исторических этапах характеризовалось взаимными интересами и несомненной обюдной выгодой. На российском Дальнем Востоке широко использовались китайские трудовые ресурсы и капитал, заметную роль в двусторонних отношениях стран играла развивавшаяся в разных формах и направлениях приграничная торговля. В настоящее время, на фоне ужесточения антироссийских санкций, ДФО также опирается на традиционные направления взаимодействия с Китаем.

В рамках стратегии «поворот на Восток» и в свете санкционной политики Запада, приведшей к переориентации России на АТР во внешней политике и торговле, исторический опыт ДФО по взаимодействию с Китаем

имеет большое значение. В связи с этим представляется целесообразным продолжить исследовательскую работу в области развития отношений ДФО с КНР, отмечая актуальность постановки научной задачи.

С учетом всех обсуждавшихся особенностей развития российского Дальнего Востока, в заключении имеет смысл привести мнение упомянутых выше китайских специалистов. Фэн Шаолей и Цуй Хэн считают, что «России необходимо найти баланс между усилением роли государства и сохранением жизнеспособности рынка. В этой связи совместные усилия Китая и России позволят достичь нового исторического прорыва на этом «последнем рубеже» – последней целине на планете, которая ожидает освоения» [Фэн Шаолей, Цуй Хэн, 2019]. Ввиду отмеченного в настоящей работе успешного опыта создания ТОР на российском Дальнем Востоке имеет смысл сделать следующее дополнение к высказанному суждению. Для поступательного развития ДФО в XXI в. видится необходимым усиление роли государства не просто «при сохранении жизнеспособности рынка», а при совершенствовании и дальнейшем развитии рыночных механизмов.

Список литературы

1. Авдеев Ю.А. Проблемы национальной безопасности России в свете демографической и миграционной ситуации в ДВФО // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2008. – № 3(44) – С. 76–87.
2. Амурский газохимический комплекс построен на 55% // ИТАР ТАСС. – 2024. – 06.09. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/21790617> (дата обращения 20.09.2024).
3. Анализ состояния, распределения и использования земель сельскохозяйственного назначения в ДФО / Ивашина Н., Кочева Е., Матев Н., Нестерова О., Олейник Е., Тюрина Е. // Известия ДВФУ. – 2023. – № 1. – С. 101–119.
4. Бакланов П.Я., Ларин В.Л. Дальневосточные районы РФ в современном российско-китайском взаимодействии // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 6. – С. 5–16.
5. Бойко А.В., Прилуков А.Н. Минерально-сырьевой потенциал российского Дальнего Востока. Динамика и перспективы его освоения // Горный информационно-аналитический бюллетень. Отдельный выпуск. Дальний Восток. – 2007. – № 9. – С. 143–154. – URL: <https://www.gornaya-kniga.ru/catalog/716> (дата обращения 12.08.2024).
6. В международную ТОР на Дальнем Востоке предварительно вложат 30 млрд рублей // ИТАР ТАСС. – 2024. – 19.09. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/21903163> (дата обращения 20.09.2024).
7. Владивостокская Хитровка: история «Миллионки» и ее обитателей // ИТАР ТАСС. – 2016. – 03.11. – URL: <https://tass.ru/v-strane/3755960> (дата обращения 12.08.2024).
8. Вороненко А.Л., Грейзик С.В. История и перспектива развития российско-китайского межрегионального приграничного сотрудничества на Дальнем Востоке // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2020. – № 3(104). – С. 22–33.
9. ВРП России в 2022 году увеличился на 15% и составил 140,6 трлн рублей // ИТАР ТАСС. – 2023. – 06.03. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/20175029> (дата обращения 20.09.2024).

10. Глава Минвостокразвития раскрыл объем китайских инвестиций в проекты Дальнего Востока // Газета. ги. – 2023. – 12.09. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/09/12/21272888.shtml> (дата обращения 12.08.2024).
11. Дальневосточный федеральный округ, 2024 // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – 2024. – URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10483/> (дата обращения 12.08.2024).
12. Демьяненко А.Н. Российский Дальний Восток: становление экономического макрорегиона // Регионалистика. – 2017. – Т. 4. – № 5 – С. 5–19.
13. Залесская О.В. Китайские мигранты в условиях политической ситуации на Дальнем Востоке в конце 1920-х – середине 1930-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 86. – С. 52–62.
14. «Известия»: в РФ снизился индекс региональной экономической активности // ИТАР ТАСС. – 2024. – 28.08. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/21703205> (дата обращения 20.09.2024).
15. Караганов С., Лихачева А. Почему буксует «поворот на Восток» и как это исправить? // Россия в глобальной политике. – 2020. – 16.10. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-buksuet-povorot/> (дата обращения 12.08.2024).
16. Комраков А. Половина России станет ориентированной на Китай особой зоной // Независимая газета. – 2022. – 11.12. – URL: https://www.ng.ru/economics/2022-12-11/1_8612_russia.html (дата обращения 12.08.2024).
17. Кулагина О.В., Серова И.И. Актуальные вопросы функционирования территорий опережающего развития в Дальневосточном федеральном округе // Власть и управление на Востоке России. – 2024. – № 1(106). – С. 47–57.
18. Мазин Е. Бизнес по-соседски: помогает ли экономике Дальнего Востока близость Китая // ИТАР ТАСС. – 2024. – 15.01. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/19716973> (дата обращения 12.08.2024).
19. Макаров И. Куда идет Дальний Восток? Как обеспечить ускоренное экономическое развитие азиатской части России? // Россия в глобальной политике. – 2018. – № 5. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kuda-idet-dalnij-vostok/> (дата обращения 12.08.2024).
20. Маклюков А.В. Особенности модернизации российского Дальнего Востока: имперская и советская модели индустриального освоения // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 92–108.
21. Минерально-сырьевые ресурсы // Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье» (МАДВиЗ). – 2024. – URL: <https://madviz.ru/regions/information/natural-resource-potential/mineral> (дата обращения 12.08.2024).
22. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики (Минвостокразвития) // Официальный сайт. – 2024. – URL: <https://minvr.gov.ru/> (дата обращения 12.08.2024).
23. Определены четыре площадки для международной ТОР на Дальнем Востоке // РИА Новости. – 2023. – 20.12. – URL: <https://ria.ru/20231220/mtor-1916853558.html> (дата обращения 20.09.2024).
24. Приморский край в цифрах. Краткий статистический сборник. – Владивосток: Приморскстат, 2023. – 70 с.

25. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. / Росстат. – Москва, 2023. – 1126 с.
26. СИБУР и SINOPEC создали совместное предприятие на базе Амурского газохимического комплекса // ПАО «СИБУР Холдинг». – 2024. – URL: <https://www.sibur.ru/ru/press-center/news-and-press/SIBUR-i-SINOPEC-sozdali-sovmestnoe-predpriyatie-na-baze-Amurskogo-gazokhimicheskogo-kompleksa/> (дата обращения 20.09.2024).
27. Скоркина Н.В. К вопросу об истории иммиграции китайцев на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX вв.) // Общество и право. – 2008. – № 2(20). – С. 45–47.
28. Территории опережающего развития // Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики. – 2024. – URL: <https://minvr.gov.ru/activity/territorii-operezhayushchego-razvitiya/> (дата обращения 12.08.2024).
29. Товарооборот Дальнего Востока и Китая за десять лет вырос в два раза // РИА Новости. – 2024. – 09.07. – URL: <https://ria.ru/20240709/tovarooborot-1958399299.html> (дата обращения 20.09.2024).
30. Форин А. Возможности и перспективы // RG.RU. – 2024. – 04.09. – URL: <https://rg.ru/2024/09/04/reg-dfo/vozmozhnosti-i-perspektiv.html> (дата обращения 20.09.2024).
31. Фролов А.В. Развитие советско-китайских приграничных отношений на Дальнем Востоке (1949–1969 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет. – Комсомольск-на-Амуре, 2007. – URL: <https://www.dissertcat.com/content/razvitie-sovetsko-kitaiskikh-prigranichnykh-otnoshenii-na-dalnem-vostoke-sssr-1949-1969-gg/read> (дата обращения 12.08.2024).
32. Фэн Шаолей, Цуй Хэн. Развитие Дальнего Востока и китайско-российские отношения: новое видение и новые подходы // Россия в глобальной политике. – 2019. – 30.09. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/razvitie-dalnego-vostoka-i-kitajsko-rossijskie-otnosheniya-novoe-videnie-i-novye-podhody/> (дата обращения 12.08.2024).
33. Чжоу Тяньхэ. Хозяйственная деятельность китайских предпринимателей на Дальнем Востоке России в 90-е гг. XX в. // Россия и АТР. – 2019. – № 3. – С. 110–124.
34. Юкимура С. Российско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке до 1917 г. // Ойкумена. – 2008. – № 2. – С. 97–108.
35. Юрий Трутнев: санкции не остановили и даже не затормозили развитие Дальнего Востока // МК. ru. Хабаровск. – 2023. – 27.01. – URL <https://hab.mk.ru/politics/2023/01/27/yuriy-trutnev-sankcii-ne-ostanovili-i-dazhe-ne-zatormozili-razvitie-dalnego-vostoka.html> (дата обращения 20.09.2024).
36. Far East Federal District. Exports to China (2021) // OEC.WORLD. – 2024. – URL: https://oec.world/en/profile/subnational_rus/far-east-federal-district (дата обращения 12.08.2024).
37. Far East Federal District. The Observatory of Economic Complexity // OEC.WORLD. – 2024. – URL: https://oec.world/en/profile/subnational_rus/far-east-federal-district (дата обращения 12.08.2024).
38. Pao J. China eyes Russia's Far East resources, 'patriots' want more // AsiaTimes.com. – 2023. – 25.04. – URL: <https://asiatimes.com/2023/03/china-eyes-russias-far-east-resources-patriots-want-more/> (дата обращения 12.08.2024).
39. Population of Cities in Russia 2024 // World population review. – 2024. – URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/cities/russia> (дата обращения 12.08.2024).

Статья поступила: 27.08.2024

Одобрена к публикации: 27.09.2024.

УДК 332.14:314.7(048.8)
DOI: 10.31249/espr/2024.04.04

О.Н. Пряжникова*

**РАЗВИТИЕ УДАЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ ЕВРОПЕЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ
(ОБЗОР)**

Аннотация. В обзоре представлены результаты исследований, проведенных европейскими специалистами и затрагивающих проблемы развития удаленных, сельских и горных, территорий. Подчеркивается необходимость раскрытия уникального потенциала удаленных территорий путем выстраивания региональной политики, которая предусматривает цели роста инклюзии и поддержки социальных инноваций. Особое внимание уделяется роли внутренней и внешней миграции в устойчивом развитии сельских и горных районов.

Ключевые слова: удаленные территории; европейские исследования; горные районы; сельские районы; миграция; местные сообщества.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Развитие удаленных территорий: новые подходы европейских специалистов (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – № 4. – С. 80–89.

**O.N. Pryazhnikova
The development of remote territories:
new approaches of European specialists
(Review)**

Abstract. The review presents the results of research conducted by European experts and affecting the development of remote, rural and mountainous territories. The need to unlock the unique potential of remote territories by

---

* Пряжникова Ольга Николаевна, научный сотрудник Отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия), olga.priazhnikova@inion.ru

Pryazhnikova Olga, Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), olga.priazhnikova@inion.ru.

building a regional policy that provides for the goals of increasing inclusion and supporting social innovation is emphasized. Special attention is paid to the role of internal and external migration in the sustainable development of rural and mountainous areas.

Keywords: remote territories; European studies; mountain regions; rural areas; migration; local communities.

For citation: Pryazhnikova O.N. The development of remote territories: the approach of European specialists (Review) // Economic and Social Problems of Russia. – 2024. – N 4. – P. 80–89.

Введение

Реагируя на вызовы, порождаемые глобализацией, урбанизацией и старением населения, а также стремясь расширить возможности «зелено-го» и цифрового перехода, ЕС делает, помимо прочего, ставку на улучшение территориального баланса и преодоление территориального неравенства. В рамках этого направления особое место занимают удаленные¹ сельские и горные территории.

В ЕС 37 млн, или 9% жителей, живут в удаленных сельских районах, которые составляют 32% всех европейских муниципалитетов. Более половины (54%) удаленных районов Европы представляют собой отсталые с точки зрения социально-экономического развития территории. Проживающие в этих районах почти 17 млн европейцев сталкиваются с такими проблемами, как сокращение и старение населения, плохо развитая цифровая связь², удаленность от мест доступа к значимым социальным услугам (образование, здравоохранение), более низкий уровень доходов домохозяйств и деловой активности [Opportunities … , 2024, р. 1]. Это приводит к оттоку населения из удаленных областей, ухудшению человеческого капитала последних, дефициту кадров на рынке труда и сокращению спроса, что обостряет, в свою очередь, проблемы поддержания инфраструктуры услуг и транспорта и еще больше способствует оттоку населения [ESCAPE … , 2020, р. 5].

Подходы к решению проблем удаленных территорий в ЕС сформулированы в «Плане действий в сельских районах» (EU Rural Action Plan, 2021), который содержит меры по развитию удаленных сельских и горных территорий. Они направлены на расширение прав и возможностей местных

---

¹ Имеются в виду удаленные от городов территории, подверженные процессам маргинализации и социально-экономической изоляции. Удаленность определяется европейскими исследователями расположением более, чем в 45 мин. езды от ближайшего города. Это главным образом сельские районы, часто включающие в себя горную местность [Opportunities … , 2024, р. 2].

² В 2020 г. 8,5% сельских домохозяйств еще не имели постоянной широкополосной интернет-связи, а 40% не имели доступа к высокоскоростному (более 100 мб/сек) широкополосному доступу в Интернет [Opportunities … , 2024, р. 4].

сообществ путем улучшения доступа к услугам и содействия социальным инновациям; на повышение транспортной доступности районов и расширение цифрового покрытия; на сохранение природных ресурсов и экологизацию сельскохозяйственной деятельности, увеличение возможностей трудоустройства местных жителей и т. д. [Long-term vision … , 2021].

Актуальность проблематики развития удаленных территорий отражена и в ряде современных европейских исследований, цель которых – привлечь внимание общественности и инициировать научную дискуссию на различных уровнях с учетом текущих вызовов регионального развития. В качестве основных тем для обсуждения специалисты предлагают: поддержку территориального равенства, инвестиции в развитие маргинальных территорий, инновационное осмысление местного культурного наследия, активное вовлечение в возрождение местных сообществ новых жителей (мигрантов), оценку влияния миграции на развитие сельских и горных регионов и т. д. В данном обзоре представлены результаты исследований и рекомендации специалистов, опубликованные за последние несколько лет, в том числе по итогам проекта MATILDE¹ (международной междисциплинарной сети европейского научного проекта «Horizon 2020») [The Renaissance … , 2022] и изыскания, проведенного при поддержке исследовательской сети «LabEx ITEM–Innovation & Territoires de Montagne»² [Corrado, Durbiano, 2018], а также в экспертных тематических докладах Европейской ассоциации горных районов Euromontana³ (European Association of Mountain Areas) и Европейской сети исследований горных районов NEMOR⁴ (Network for European Mountain Research) [Research priorities … , 2024; Towards … , 2020].

---

¹ MATILDE (Migration Impact Assessment to Enhance Integration and Local Development in European Rural and Mountain Regions) – трехлетний (2020–2023 гг.) исследовательский проект «Оценка воздействия миграции для поддержки интеграции и местного развития в европейских сельских и горных регионах», направленный на изучение и переосмысление связи между миграцией и местным развитием. Исследования проводились в удаленных местностях Норвегии, Швеции, Финляндии, Испании, Турции, Болгарии, Германии, Италии, Австрии, Великобритании (<https://matilde-migration.eu/scientific-policy-results/>).

² LabEx ITEM – исследовательская сеть в области гуманитарных и социальных наук, задача которой состоит в аналитической поддержке решения экономических, демографических, культурных, климатических и др. проблем горных территорий Европы (<https://archive.labexittem.fr/en>).

³ В состав Euromontana входят около 65 участников из 16 европейских стран, которые представлены в виде местных или региональных органов власти, социальных и экономических организаций, агентств по охране окружающей среды, лесного хозяйства или по развитию территорий, научно-исследовательские институты, школы, учебные центры (<https://www.euromontana.org/our-members/>).

⁴ Созданная в 2017 г. сеть государственных и частных исследовательских учреждений, проводящих исследования в горных районах, которые содействуют устойчивому развитию этих территорий. В основе NEMOR лежит согласованное сотрудничество между исследователями разных дисциплин из различных европейских стран (<https://nemor.creaf.cat/about/>).

Переосмысление удаленных территорий как уникального ресурса

Специалисты определяют удаленность как наличие физической и символической дистанции между сельскими/горными и городскими районами и их населением. Это амбивалентный процесс взаимного (культурного и физического) удаления потенциально приводит как к социальному недовольству и изоляции, так и к новым возможностям с точки зрения местного развития, инноваций и образа жизни [The Renaissance ... , 2022, p. 19]. Предлагается также отличать понятие «удаленные территории» от понятия «периферия» (которое имеет негативные коннотации), так как первые несут инаковость в культурном плане, возникающую лишь в сравнении с мегаполисами. Хотя удаленные районы могут быть маргинализированными территориями, их отличительной особенностью является не маргинализация/периферийность сама по себе, а именно пространственная удаленность. Благодаря новому осмыслиению темы удаленности, переносу акцента на культурное наследие и укорененные в опыте местных сообществ ценности, можно избежать возвращения к пагубному, по мнению исследователей, европоцентристскому нарративу развития. При этом необходимо поставить во главу угла территориальное равенство и солидарность [The Renaissance ... , 2022, p. 23–24].

В этой связи подчеркивается значение сельских районов для перехода к экологически безопасной экономике, сохранения окружающей среды и развития активов для устойчивого развития. В сельской местности создается сырье для производства продуктов питания, строительства и энергетики. Удаленные местности могут стать и становятся рекреационными зонами. Эти ресурсы создаются жителями удаленных территорий, и их роль в будущем будет расти. При этом недостаточная инфраструктура, например ограниченный доступ к медицинским и образовательным услугам, слабое развитие общественного транспорта и проблемы с широкополосной интернет-связью, приводят к снижению благосостояния и росту неудовлетворенности жителей удаленных районов качеством жизни [The Renaissance ... , 2022, p. 32].

Социально-экономическое развитие, привлекательность и коллективное благополучие удаленных, сельских и горных регионов увязывается некоторыми европейскими экспертами с поддержкой так называемой базовой экономики¹. Кооперативное объединение членов местных сообществ в рамках базовой экономики может стать основой для развития этих территорий

---

¹ Под базовой экономикой (*foundational economy*) в данном случае подразумеваются все аспекты экономической деятельности, направленные на удовлетворение повседневных потребностей людей – от предоставления социальных услуг (таких как здравоохранение и образование) и инфраструктуры (дороги, сети связи и т. д.) до создания и распределения товаров и услуг для повседневного жизнеобеспечения.

[Research priorities … , 2024, p. 3]. Такие объединения открывают для членов территориально ограниченных сообществ возможности совместного использования местных ресурсов в целях улучшения качества своей жизни, включая управление общими ресурсами, т. е. используемых в режиме коллективной собственности. Участвуя в управлении ресурсами, коренные жители сообщества и вновь прибывающие мигранты создают общий образ будущего и работают над его реализацией [The Renaissance … , 2022, p. 88–89].

Одной из серьезнейших проблем, с которой сегодня сталкиваются европейские сельские и горные регионы, является сокращение и старение населения. В сложившейся ситуации признается необходимость поддержки так называемого демографического «пополнения», в том числе за счет миграции. Считается важным развивать так называемый территориальный маркетинг для привлечения новых жителей в удаленные, сельские и горные районы. Такой маркетинг должен быть адаптирован к конкретным условиям региона. Этого можно добиться путем развития института послов территорий¹, расширения информирования о культурном наследии и природных особенностях территорий, а также о доступных рабочих местах [Towards … , 2020, p. 7]. Улучшение имиджа территорий должно сопровождаться повышением качества жизни: ростом возможностей местного населения получать определенные социальные услуги (прежде всего, образования и здравоохранения) и доступ к разнообразным товарам и коммерческим услугам, проходить обучение актуальным трудовым навыкам и т. д.

Предлагается также формировать новые нарративы с учетом местной специфики и с их помощью менять восприятие соответствующих территорий, а также разрабатывать региональные стратегии развития. Обновленные нарративы следует, по мнению специалистов, выстраивать по следующим тематическим направлениям:

1. Раскрытие потенциала и привлекательности образа жизни на данной территории.
2. Демонстрация перспектив роста возможностей жителей и расширения их участия в развитии территорий.
3. Поддержка видения удаленных территорий как взаимосвязанных с городским контекстом, а также восприятие взаимовлияния деревни и города как постепенного обмена различными функциями [The Renaissance … , 2022, p. 41].

Европейские исследователи отмечают важность для успеха региональной политики выстраивания взаимовыгодных отношений между деревней и городом, например путем включения удаленных горных районов

---

¹ Послы территорий – это представители малых и средних сообществ, которые имеют непосредственный опыт интеграции вновь прибывающих жителей в сельских и горных районах. Они применяют передовой опыт приема и интеграции мигрантов на местном, региональном, национальном и европейском уровнях (<https://www.share-network.eu/articles-and-resources/tag/Rural+Ambassadors>).

в метропольные города, являющиеся по сути территориальными образованиями, включающими в свой состав коммуны (муниципалитеты), как это происходит в Италии¹. Предлагаемый некоторыми экспертами подход к оптимизации территориального развития позволяет по-новому оценить роль сельскохозяйственных горных районов и сформировать устойчивые социально-демографические связи между крупными городами и удаленными территориями [The Renaissance … , 2022, p. 82]. Это особенно актуально в настоящее время, поскольку, по мнению итальянских исследователей Ф. Коррадо и Э. Дурбiano, горные территории в Европе динамично развиваются в экономическом плане. Укрепление их связей с крупными городами предоставляет возможность переосмыслить местные культурные ценности. Выстраивание новых физических и функциональных связей служит основой для создания сетей, включающих города и горные районы, в результате чего возникает плюрализованная территория [Corrado, Durbiano, 2018].

По результатам исследования, проведенного при поддержке LabEx ITEM² в итальянских Альпах, были сформулированы следующие принципы развития метропольного города и муниципалитетов на горных территориях, призванные помочь преодолеть традиционную дихотомию города и горной местности [Corrado, Durbiano, 2018].

1. Изменение типа местных отношений – переход к отношениям, основанным на взаимной выгоде. Это предполагает учет потребностей жителей всех местностей, входящих в территориальное образование, включая представительство их интересов при распределении ресурсов и создание площадок для презентации разных проектов местных акторов, которые направлены на расширение отношений между горными территориями и городами.

2. Планирование создания метропольной агломерации с включением в ее состав муниципалитетов, находящихся на горных территориях, в которой идея центрального города и пригорода заменяется полисентрическим видением, а городская и горная (сельская) среды взаимодействуют и становятся стабильной системой. Таким образом, выстраиваются взаимные и равные, а не иерархические отношения между городскими и горными тер-

---

¹ Статус метропольного города был введен в Италии после принятия 7 апреля 2014 г. Закона № 56 «Положения о столичных городах, провинциях, союзах и объединениях муниципалитетов» (LEGGE 7 aprile 2014, N 56 «Disposizioni sulle città Metropolitane, sulle Provincia, sulle Unioni e fusioni di Comuni»). Метропольные города представляют собой обширные территориальные образования, включающие большой город и небольшие близлежащие города, а их органы управления выполняют в том числе функцию планирования местного развития.

² LabEx ITEM-INNOVATION ET TERRITOIRE DE MONTAGNE (Инновации и горные территории). Исследовательская лаборатория, финансированная в рамках конкурса проектов «Laboratory of Excellence» («Лаборатория передового опыта») на 2011–2019 гг. в рамках программы «Инвестиции в будущее». Находилась в ведении Университета Гренобль-Альпы (Франция) и объединяла более 100 исследователей из семи различных лабораторий. См. <https://archive.labexittem.fr/en/innovation-and-mountain-territories-presentation> (дата обращения 16.10.2024).

риториями, на основе которых возникает новый баланс функционирования экосистемы.

Межтерриториальный характер взаимодействий как инструмент построения единого пространства (городского и сельского) позволяет сформировать в его рамках идентичность, предполагающую, что люди все больше и больше живут «между территориями», а не внутри них. Авторы исследования приводят пример выездных воркшопов, проводимых в разных точках той или иной территории. Подобные мероприятия создают условия для выявления потребностей населения, а также возможности для интерактивного и инклузивного опыта совместных действий, направленных на создание новых пространств, обмена знаниями и т. д. Таким образом, по мнению Ф. Коррадо и Э. Дурбиано, формируются сети мультитерриториального и мультиуровневого сотрудничества [Corrado, Durbiano, 2018].

Миграция как фактор возрождения и устойчивого развития удаленных территорий

Миграция обычно предполагает пересечение социальных групп, одна из которых мобильная (мигранты), а вторая оседлая (местное население). Культурные ценности представителей каждой из этих групп во многом определяются районом их происхождения. С одной стороны, это может вызвать конфликт между ними, но с другой – дать принимающему региону новые знания и возможности. Мигранты могут конкурировать с местными жителями за рабочие места, социальные услуги, пространство и влияние, что бросает вызов существующей иерархии. Данные утверждения особенно справедливы для удаленных (сельских и горных) районов с относительно небольшой численностью населения, в которых взаимозависимость и социальный контроль во много раз выше, а надежность и доверие между членами сообщества важнее, чем в крупных городах [Perlak, Membretti, 2018, р. 252].

Признается, что интеграция мигрантов в местное сообщество носит многоуровневый и многоаспектный характер. Специалисты проекта MATILDE представляют инклузию мигрантов как нелинейный процесс, в котором мигранты и принимающие сообщества не только должны принимать активное участие, но и быть готовыми к изменениям, чтобы разделяющие их социальные границы стирались. В этой связи предлагается искать новое понимание «локальности» и «принадлежности» через инклузию и взаимное признание, что требует ведения постоянных «переговоров» между социальными группами. Специалисты полагают, что такие практики стимулируют социальные инновации, а также смену парадигмы интеграции и ассимиляции на парадигму совместного создания новых транскультурных пространств, рост экономической активности и развитие сообществ в целом. Таким образом, предлагается сместить акцент в политике приема мигрантов с традиционной концепции интеграции на инклузию, вовлечен-

ность и формирование чувства принадлежности к местному сообществу [The Renaissance … , 2022, р. 65].

В контексте приема мигрантов важную роль играют организации гражданского общества, оказывающие поддержку прибывающим мигрантам и создающие атмосферу доброжелательного отношения к ним в сообществах. Анализ опыта некоторых европейских стран показал, что участие гражданского общества в привлечении мигрантов может компенсировать так называемую инертность административного управления, выраженную, например, в отсутствии возможностей трудоустройства для вынужденных мигрантов в условиях роста миграционных потоков [The Renaissance … , 2022, р. 41].

Вместе с тем европейские исследователи рассматривают международную миграцию лишь как одну из форм мобильности населения, актуальную для удаленных территорий. Не меньшее значение имеет внутренняя миграция в сельские и горные районы, которая включает студенческую и трудовую миграцию (т. е. молодых людей, переезжающих в поисках новых возможностей и работы, сохраняя при этом связи с местом своего прохождения, а также опытных профессионалов, перестраивающих свою жизнь и трудовую деятельность), сезонную рабочую силу в сфере сельского хозяйства и туризма; перемещения пожилых людей с целью вложения своих сбережений или повышения уровня и качества жизни в более благоприятных природно-климатических зонах (amenity/lifestyle migration)¹, наконец, семейную миграцию [Perlak, Membretti, 2018]. Таким образом, акторы, влияющие на социально-демографические изменения в сельских и горных районах, не ограничены иностранными мигрантами.

Для миграции в удаленные районы часто характерны комплексные виды мобильности, которые приводят к временной или постоянной связи мигранта с тем или иным населенным пунктом. Новые жители нередко приезжают из городов и обычно хорошо образованы. Они приобретают недвижимость в пригородных или горных районах и используют эти дома наряду с другими местами жительства [The Renaissance … , 2022, р. 106].

В 2020 г. под влиянием пандемии в Европе наблюдалось увеличение числа людей, переехавших из городов в сельскую местность. Приток новых жителей увеличил доходы розничных магазинов в сельских и горных районах [The Renaissance … , 2022, р. 96]. Кроме того, коронакризис значительно ускорил такую мегатенденцию, как цифровизация, и, соответственно, привел к росту объемов удаленной работы. Данный процесс создал условия для большего пространственного равновесия между городскими и удаленными районами и положительно повлиял на региональное развитие [The Renaissance … , 2022, р. 98].

---

¹ В данный вид мобильности также принято включать тех, кто приобретает недвижимость для использования в выходные дни, в качестве второго дома или постоянного места жительства [The Renaissance … , 2022, р. 72].

Вместе с тем эксперты подчеркивают, что, будучи заинтересованными в привлечении и удержании новых членов, сообщества на удаленных территориях должны целенаправленно формировать среду, которая мотивирует людей оставаться в сельских и горных районах не на краткосрочной основе, а на длительные сроки [The Renaissance ..., 2022, p. 74]. Успешная политика по устойчивой интеграции вновь прибывающих жителей подразумевает меры, охватывающие все аспекты повседневной жизни. В частности, рекомендуется: 1) поощрять инициативы, связывающие различных местных работодателей, для координации их производственных циклов в целях преодоления сезонных колебаний спроса на рабочую силу, особенно в секторах туризма и сельского хозяйства; 2) минимизировать административные барьеры, связанные с доступом к различным рабочим местам (страхование, лицензирование, разрешения на работу и т. д.); 3) расширять возможности удаленной работы для облегчения доступности квалифицированных рабочих мест в удаленных районах, инвестируя в повышение качества интернет-инфраструктуры [Towards ..., 2020, p. 8].

Совершенствование цифровых коммуникаций особенно актуально для удаленных территорий. Использование цифровых технологий создает условия для получения качественных услуг образования в сельской и горной местностях даже при небольшом количестве учеников в школах и открывает доступ к телемедицине. В целом это способствует повышению качества жизни местного населения и росту привлекательности регионов для мигрантов.

Заключение

Европейские исследователи, предлагая новые подходы к развитию удаленных территорий, с одной стороны, делают ставку на создание условий для прогресса местных автономий, представляя «удаленность» как их конкурентное преимущество и потенциальный источник инноваций. С другой стороны, они подчеркивают положительную роль миграции для расширения прав и возможностей сообществ в контексте переосмыслиния приоритетов развития и привлечения новых ресурсов, роста экономики удаленных районов и формирования привлекательного образа небольших поселений.

Следует отметить, что представленные в обзоре результаты оживляют научную дискуссию благодаря новому видению данной проблематики. В нем объединены аспекты взаимосвязи различных территорий, притока мигрантов и новых возможностей трансформации и преобразования удаленных территорий (например, через выстраивание устойчивых взаимо выгодных связей между городом и деревней). Тот факт, что исследование особенностей удаленных территорий и перспектив их развития проведен в разных (с точки зрения социального и культурно-исторического опыта) европейских странах создает условия для универсального восприятия рассматриваемой тематики и формирования базы для разработки соответствующих стратегий развития на региональном и национальном уровне. Вместе

с тем неоспорима как важность учета ценностных установок и идентичности местных жителей, так и применение инклюзивного подхода, вовлекающего вновь прибывающих, внутренних и внешних мигрантов, которые способны внести свой вклад в создание привлекательного образа территории.

В рамках затронутых в обзоре тем представляется актуальным дальнейшее изучение вопросов интеграции мигрантов в сообщество удаленных территорий, с точки зрения влияния привносимых ими знаний и культурного опыта; проанализировать изменения социокультурных практик, а также мотивацию мигрантов к тому, чтобы стать активными социальными акторами и принимать участие в развитии принимающего сообщества в долгосрочной перспективе. Необходим также анализ происходящих структурных изменений местной хозяйственной деятельности в условиях притока мигрантов, в том числе для формирования адекватной политики развития удаленных территорий.

Список литературы

- 1 Corrado F., Durbiano E. La Città Metropolitana in Italia: nuovi spazi di dialogo e relazione tra città e montagna // J. of Alpine research/Rev. de géographie alpine [En ligne]. – 2018. – N 2. – URL: <https://journals.openedition.org/rga/4299> (дата обращения 16.10.2024).
- 2 ESCAPE – European Shrinking Rural Areas: Challenges, Actions and Perspectives for Territorial Governance. Applied Research Synthesis Report / ESPON. – Luxembourg, 2020. – 9 p.
- 3 Long-term vision for rural areas: for stronger, connected, resilient, prosperous EU rural areas / European Commission. – Brussels, 2021. – 30.06. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/ip_21_3162/IP_21_3162_EN.pdf (дата обращения 16.10.2024).
- 4 Opportunities and challenges for remote rural areas in the European Union / Perpiña Castillo C., Jacobs-Crisioni C., Barranco R., Curtale R., Kompil M., Vallecillo S., Auteri D., Dijkstra L.; European Commission. – 2023. – 6 p. – URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC135398> (дата обращения 16.10.2024).
- 5 Perlik M., Membretti A. Migration by necessity and by force to mountain areas: an opportunity for social innovation // Mountain Research and Development. – 2018. – Vol. 38, N 3. – P. 250–264.
- 6 The Renaissance of Remote Places. MATILDE Manifesto / A. Membretti, T. Dax, A. Krasteva (Eds.). – Oxon; New York: Routledge, 2022. – xii, 143 p.
- 7 Research priorities for European mountain areas / Euromontana (European Association of Mountain Areas), NEMOR (Network for European Mountain Research). – 2024. – 10 p. – URL: https://nemor.creaf.cat/wp-content/uploads/2024/02/2024_Priorities-for-mountain-research-1.pdf (дата обращения 16.10.2024).
- 8 Towards a long-term vision for mountains' rural areas / Euromontana (European Association of Mountain Areas). – 2020. – 11 p. – URL: <https://www.euromontana.org/towards-a-long-term-vision-for-mountains-rural-areas/> (дата обращения 16.10.2024).

Обзор получен: 22.08.2024

Одобрена к публикации: 01.09.2024

**О.А. Балабейкина, А.П. Вишняков,
К.С. Гаврилова, П.А. Таланцева***

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТОВО-КУЛЬТУРНОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ
ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация. Глобальные вызовы последних лет создали дополнительный импульс для развития внутреннего туризма в Российской Федерации. Туристские продукты формируются в каждом регионе, исходя из существующих здесь условий и потенциала. Объекты православной культово-культурной инфраструктуры, по количеству которых Вологодская область занимает девятое место среди всех субъектов Российской Федерации, бесспорно, привлекают

***Балабейкина Ольга Александровна**, канд. геогр. наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия); olga8011@yandex.ru

Balabeikina Olga, PhD (Geogr. Sci.), Associate Professor of the Department of Regional Economics and Nature Management, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia); olga8011@yandex.ru

Вишняков Андрей Павлович (игумен Иоасаф), магистр богословия, аспирант Санкт-Петербургской Духовной Академии, старший преподаватель Вологодской духовной семинарии, игумен Богородице-Рождественского Ферапонтова монастыря, благочинный монастырей и монастырских подворий Вологодской митрополии (Вологда, Россия); asaf_2010@mail.ru

Vishnyakov Andrei (hegumen Joasaph), Master of Theology, postgraduate student of the St. Petersburg Theological Academy, senior lecturer of the Vologda Theological Seminary, Abbot of the Nativity of the Theotokos-Ferapontov Monastery, Dean of the Monasteries and Monastery Farmsteads of the Vologda Metropolitanate (Vologda, Russia); asaf_2010@mail.ru

Гаврилова Каринэ Саввевовна, старший преподаватель кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия); ksgavrilova.spb@gmail.com

Gavrilova Karine, Senior Lecturer of the Department of Regional Economics and Nature Management, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia); ksgavrilova.spb@gmail.com

Таланцева Полина Алексеевна, студентка направления «Зарубежное регионоведение», Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия); talanceva02@inbox.ru

Talatseva Polina, student of the program «Foreign Regional Studies», Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia); talanceva02@inbox.ru

повешенное внимание путешественников. Тем не менее религиозный и паломнический туризм не получает должного развития и поддержки со стороны органов власти. Авторы поставили перед собой задачу проиллюстрировать возможности, которыми обладает регион в этом отношении. А также обозначили ключевые проблемы, решение которых позволит расширить направления развития туристского сектора экономики Вологодской области.

Ключевые слова: Россия; Вологодская область; религиозный туризм; православная культово-культурная инфраструктура.

Для цитирования: Использование культово-культурной инфраструктуры в целях развития внутреннего туризма (на примере Вологодской области)/Балабейкина О.А., Вишняков А.П., Гаврилова К.С., Таланцева П.А. // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – № 4. – С. 90–105.

**O.A. Balabeikina, A.P. Vishnyakov,
K.S. Gavrilova, P.A. Talantseva**

**The economic importance of the Orthodox infrastructure
in the tourism sector (the example of the Vologda region)**

Abstract. Global challenges of recent years have created an additional impetus for the development of domestic tourism in the Russian Federation. Tourism products are formed in each region based on existing competitive advantages. Objects of Orthodox religious and cultural infrastructure undoubtedly belong to this category. The Vologda Region ranks ninth among all such subjects in the Russian Federation in terms of their number and they attract the increased attention of travelers. Nevertheless, religious and pilgrimage tourism does not receive due development and support from government authorities. The authors set themselves the task of illustrating the opportunities that the region has in this regard. And also identified key problems, the solution of which will allow expanding the areas of development of the tourism sector of the Vologda Region economy.

Keywords: Russia; Vologda region; religious tourism; Orthodoxy; religious and cultural infrastructure.

For citation: Balabeikina O. A., Vishnyakov A. P., Gavrilova K. S., Talantseva P. A. The use of religious and cultural infrastructure for the development of domestic tourism (the case of Vologda region) // Economical and Social Problems of Russia. – 2024. – № 4. – P. 90–105.

Введение

Социально-экономические и геополитические вызовы начала 2020-х годов обернулись необходимостью экстренно прибегнуть к поискам решения проблем, резко обозначившихся во многих отраслях экономики России. Среди прочих затруднений, связанных с хозяйственным функционированием сферы услуг, в современных реалиях особенно остро обнаружилась уязвимость туристско-рекреационной отрасли. В первую очередь речь идет

об ограничениях свободы передвижения населения в силу усложнения визового режима и возможности пересечения государственных границ российскими гражданами.

Начиная с периода пандемии многие фирмы, специализирующиеся на организации экскурсионно-познавательных и иных турсов в страны зарубежной Европы, были вынуждены переориентироваться на маршруты по российским регионам. Преимущественно это произошло за счет расширения тематики путешествий и ареала, в пределах которого они осуществляются.

Стимулирование и поддержание потребительского спроса на готовые комплексные турпакеты и пользование различными услугами в ходе индивидуальных неорганизованных путешествий требует очень серьезного подхода к выявлению и максимальному использованию потенциала региона с помощью любого доступного инструментария [Агрба, 2024]. Заметную роль в формировании этого потенциала играет культово-культурная инфраструктура, вызывающая у туристов стабильно высокий интерес в качестве объектов экскурсионного осмотра даже в случаях, когда здания и сооружения находятся в разрушенном или полуразрушенном состоянии [Хадиева, Семенюк, 2017].

Монастырские комплексы, храмы, часовни, оборудованные источники святой воды и т. п. в настоящее время являются не только основой паломнических маршрутов, главная цель которых заключается в участии путешественников в богослужебной деятельности и религиозных обрядах. Во многих случаях культово-культурные объекты выступают в качестве основы экскурсионно-познавательных турсов или образуют их существенную часть [Оборин, 2020].

Последнее касается многих регионов России, характеризующихся многовековой монастырской колонизацией, обладающих выдающимися историко-культурными и архитектурными памятниками храмового зодчества, а кроме того, в высокой мере обеспеченных транспортной, гостиничной, досугово-развлекательной инфраструктурой и предприятиями общественного питания.

Одним из административно-территориальных субъектов РФ, соответствующих перечисленным выше характеристикам, выступает Вологодская область, выбранная в качестве полигона представленного исследования. Цель статьи – выявить степень значимости объектов православной культово-культурной инфраструктуры для развития внутреннего туризма и расширения импортозамещения в туристско-рекреационной сфере.

Обзор литературы

Научные издания, составляющие теоретико-методологическую базу данного исследования, можно условно разделить на несколько предметных групп. В первую очередь, это работы, связанные с экономикой туризма. В содержании многих из них уделяется внимание региональной дифференциации туристского рейтинга [Кондратьева, 2022], а также предлагает-

ся оценка последствий пандемии COVID-19 для туристско-рекреационной сферы [Leonidova, 2021; Шпырня, Хажева, 2021] и влияния на ее функционирование санкционных мер на фоне обострившейся геополитической ситуации [Редькина, 2022; Розанова, 2022]. Эти вопросы рассматривают как отечественные авторы, так и зарубежные [Deb, 2020; Zaika, 2024].

Значимую часть задействованных в качестве теоретической базы трудов составляют те, объектно-предметной областью которых выступает туризм религиозной направленности с концентрацией на его экономическом значении для отдельных административно-территориальных субъектов РФ – Архангельской области [Балабейкина, Гаврилова, Кузнецова, 2021], Липецкой области [Стрельникова, 2023], Тверской области [Балабейкина, Гаврилова, Власова, 2021] и др. Такие исследования цепны эмпирическим опытом и являются собой модель с разработанным алгоритмом исследования на заявленную тему.

Важные фактические сведения, касающиеся объектов культово-культурной инфраструктуры Вологодской области в контексте развития туризма в ее пределах, представлены в ряде трудов [История православных храмов ..., 2014; Чебыкина, Баженова, 2017; Грушенко, 2022]. Однако в результате обзора научной литературы по выбранной для исследования теме можно прийти к выводу, что роль монастырей и храмов в рамках туристско-рекреационного потенциала Вологодской области учеными специально не освещалась, хотя косвенно затрагивалась. Между тем в условиях, когда невозможны популярные до пандемии и последующих геополитических осложнений организованные поездки на Новый Валаам (Финляндия) или в Богородице-Успенский Пюхтицкий монастырь (Эстония), а также в целом происходит смещение акцента на внутренний туризм, ценность Вологодской области, обладающей немалыми ресурсами для развития познавательных маршрутов религиозной направленности, существенно возрастает.

Материалы и методы

Для обращения к ретроспективе в представленной статье были задействованы фонды Архива Вологодского епархиального управления. Основная информация, содержащая актуальные исходные количественные и фактические сведения о храмах и монастырях Вологодской области, получена с официального тематического электронного сайта «Соборы. ру. Народный каталог православной архитектуры» [Вологодская область, полный список ..., 2024]. Данные о стоимости, структуре, содержании, дополнительном перечне услуг тематических турпакетов, а также регулярности проведения организованных туров были заимствованы на интернет-порталах туристских компаний, реализующих их на внутреннем рынке.

Полученная информация была обработана с помощью методов анализа и синтеза. Кроме того, применялся расчетный инструментарий, принятый в регионально-экономических исследованиях: функция распределения

М.О. Лоренца (кривая Лоренца), коэффициент географической концентрации, SWOT-анализ. Также был задействован метод включенного наблюдения, поскольку авторы неоднократно принимали личное целенаправленное участие в организованных и самостоятельных тематических маршрутах по Вологодской области.

Результаты исследования

Несмотря на оптимистичные темпы роста всех показателей, иллюстрирующих развитие туристской отрасли Вологодской области, регион не входит в число лидеров среди субъектов Российской Федерации по привлекательности данной сферы. Об этом свидетельствуют ежегодные расчеты соответствующего интегрального показателя и результаты Национального туристического рейтинга. Методика формирования последнего была впервые апробирована в 2015 г. экспертами Центра информационных коммуникаций «Рейтинг» и журнала «Отдых в России». Согласно этой оценке, Вологодская область заняла 34 позицию в перечне субъектов РФ. В 2023 г. регион сместился в рейтинге вниз на четыре пункта, оказавшись на 38 месте [Национальный туристический рейтинг … , 2015; Национальный туристический рейтинг … , 2024].

Хотя туристская отрасль и необходимая для ее развития инфраструктура в Вологодской области характеризуются нарастанием количественных показателей. Данные, представленные Федеральной службой государственной статистики, свидетельствуют о том, что с 2005 г. общее число коллективных средств размещения выросло почти в 3 раза. Тем не менее количество постояльцев за обозначенный временной период увеличилось не столь существенно – в 1,5 раза. Следует отметить, что общий рост наблюдался ежегодно (за исключением 2020 г., что связано с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой и соответствующими ограничениями). Однако вклад туристской отрасли в формирование валового регионального продукта (с учетом мультиплекативного эффекта) остается на уровне 4% [Вологодская область. Туризм в цифрах … , 2019].

Доработанный в 2023 г. проект Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года нацелен на дальнейшее совершенствование туристского сектора экономики. В частности, в число направлений, которые необходимо реализовать, входит «приоритетное развитие въездного, внутреннего, культурно-познавательного, усадебного, событийного, социального, детского, самодеятельного, водного, активного, сельского, экологического, охотничье, лечебно-оздоровительного, спортивного, делового туризма» [Проект Стратегии … , 2023]. Несмотря на то что религиозный (паломнический) туризм в данном разделе не выделен обособленно, его можно отнести сразу к некоторым из перечисленных выше видов туризма, в частности к культурно-познавательному и событийному. Из 3500 объектов культурного наследия, расположенных на тер-

ритории Вологодской области, существенная часть относится к категории культовых православных. Ярким примером тому служит Ферапонтов монастырь с расположенным в его стенах уникальным Музеем фресок Дионисия (рубеж XV–XVI вв.), включенный в 2000 г. в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Культово-культурная инфраструктура православия в пределах современной Вологодской области имеет давнюю историю распространения. Первые иноческие обители в регионе были основаны еще в XI в., а на вторую половину XIV–XVII в. приходится расцвет монастырского строительства. В ходе секулярной реформы 1764 г. многие из них подверглись упразднению, а храмы, составляющие их ансамбли, преобразованы в приходские. Однако с начала XIX в. на фоне общего воссоздания ранее закрытых монастырей, в Вологодской губернии вновь открывались некоторые иноческие обители. Многие из них агиографически связаны с личностями основателей или иных членов монастырской братии, канонизированных Русской православной церковью. Всего насчитывается 118 имен православных святых [Чебыкина, Баженова, 2017, с. 376], отмеченных священническим или иным служением в Вологодской епархии – от прославившегося в XII в. прп. Герасима до новомучеников, пострадавших в начале XX в. Как отличительную особенность Вологодской области можно отметить, что именно здесь фиксируются самые первые в современной истории России случаи возвращения Церкви мощей святых, изъятых в 1920-е годы (моши св. Феодосия Тотемского в 1988 г. и св. Евфросина Синоезерского в 1991 г.) [Переписка с хозяйственным управлением ..., 1991].

Агиографический потенциал территории очень важен, поскольку наличие в храме или монастыре доступных для религиозного поклонения мощей канонизированных святых служит стимулом для совершения паломничества и фактором, повышающим интерес к объектам экскурсионного показа на маршрутах религиозно-познавательной направленности.

Если рассматривать данный аспект, то в выбранном для исследования регионе прослеживается существенная территориальная дифференциация: на Вологду, Грязовецкий, Великоустюгский, Кирилловский, Усть-Кубинский муниципальные районы приходится 65% прославленных святых (более 12 на каждое муниципальное образование). В Белозерском, Вологодском, Соколовском, Тотемском районах более пяти, в Череповце, Череповецком, Сямженском, Междуреченском, Устюженском районах – по два, и по одному в Тарногском, Харовском, Чагодощенском, Вытегорском, Кадуйском, Шекснинском районах [Чебыкина, Баженова, 2017, с. 377]. Агиографический потенциал оставшихся восьми муниципальных районов Вологодской области не раскрыт совсем, зато в этом плане явно положительно выделяются центр, юго-запад и северо-восток региона.

В Вологодской области представлены также не религиозные экскурсионно-музейные объекты, связанные с именами святых Русской православной церкви. Например, дворянская усадьба Брянчаниновых в с. Покровское

Грязовецкого района, в которой родился и провел детские годы Дмитрий Брянчанинов, впоследствии – епископ Кавказский и Черноморский Игнатьй, канонизированный в чине святителя. Она расположена в 20 км от Вологды, что является дополнительным преимуществом при включении названного объекта в тематические маршруты.

При значимости агиографического потенциала, а также наличия музеиных и иных объектов в пределах региона наибольшее значение для развития туризма религиозной направленности имеет культово-культурная инфраструктура. Согласно сведениям, размещенным на интернет-сайте «Соборы. ру. Народный каталог православной архитектуры», в Вологодской области действует 381 объект православной инфраструктуры (монастыри, храмы, часовни) [Вологодская область, полный список ..., 2024].

При оценке туристско-рекреационного потенциала территории в плане развития в ее пределах маршрутов религиозной направленности, следует учитывать, что далеко не все действующие культово-культурные объекты представляют интерес для путешественников. За редким исключением, не имеет смысла включать в маршрут посещение храмов, которые являются типовыми постройками конца XX – начала XXI в. Это же относится и к объектам, выстроенным в более ранние периоды, но не имеющим агиографической и историко-архитектурной ценности.

Наоборот, недействующие в настоящее время храмы, монастыри и часовни, в том числе нуждающиеся в проведении ремонтно-восстановительных работ, могут вызывать высокий и разнообразный интерес для посещения. Вологодская область в этом плане является очень ярким примером. Только в Великоустюгском районе насчитывается 14 объектов православной культово-культурной инфраструктуры, которые отреставрированы и привлекательны для туристов, но не переданы Русской православной церкви. На базе одного из них – бывшего Троице-Гледенского монастыря в с. Морозовица (в 4 км от Великого Устюга) функционирует Великоустюгский музей-заповедник.

Учитывая современные тренды, связанные с посещением (самостоятельным и организованным) удаленных и труднодоступных историко-культурных дестинаций, а также проведения фотосессий на фоне нестандартных объектов, отдельный интерес могут представлять и храмы, нуждающиеся в восстановлении. Например, к таковым можно отнести храмовый комплекс, состоящий из нескольких построек, в с. Ухтома Вашкинского района или церковь Рождества Христова в д. Никольское Сокольского района, построенную в первой четверти XIX в. и являющуюся ярким образчиком архитектурного классицизма. Подчеркнем, что подобных объектов, представляющих эстетический интерес для современных фотографов и одновременно относящихся к категории православных культово-культурных элементов инфраструктуры, достаточно много.

Важное значение для выстраивания многодневных и однодневных экскурсионных маршрутов религиозно-познавательной направленности

имеет расположение культово-культурных объектов на территории области. Для выявления степени равномерности их распределения были проделаны расчеты, позволяющие получить значение коэффициента географической концентрации (КГК) [Махновский, 2013, с. 33] по следующей формуле:

$$КГК = \sum_{i=1}^n (O_i : O - S_i : S),$$

где O_i – количественное значение изучаемого признака O по i -й территориальной единице;

O – суммарное количественное значение изучаемого признака O по всем территориальным единицам рассматриваемого региона;

S_i – площадь территории i – й территориальной единицы;

S – общая суммарная площадь территории всех территориальных единиц рассматриваемого региона;

n – общее количество территориальных единиц рассматриваемого региона.

За основу приняты исключительно действующие культово-культурные объекты. Результаты расчетов приведены в табл. 1.

Результативное значение КГК говорит о том, что православные культово-культурные объекты распределены по территории Вологодской области неравномерно, причем отдельные ареалы характеризуются высокой степенью концентрации рассматриваемых объектов. Дополнительные расчеты относительного среднеквадратического отклонения также подтвердили сделанный вывод. Полученное значение 82,45 свидетельствует о высокой степени неоднородности анализируемой статистической совокупности данных. Графически это можно проиллюстрировать с помощью построения кривой Лоренца. Авторы рассмотрели как общее количество православных культово-культурных объектов по муниципальным районам и городам Вологодской области (рис. 1), так и исключительно действующие (рис. 2).

Рисунки 1 и 2 свидетельствуют о высокой степени асимметрии в территориальном распределении православных объектов культово-культурной инфраструктуры. Некоторые муниципальные районы характеризуются значительным количеством недействующих храмов, которые нуждаются в реставрации. Ярким примером является Кирилловский район, на территории которого располагаются 49 недействующих храмов и часовен.

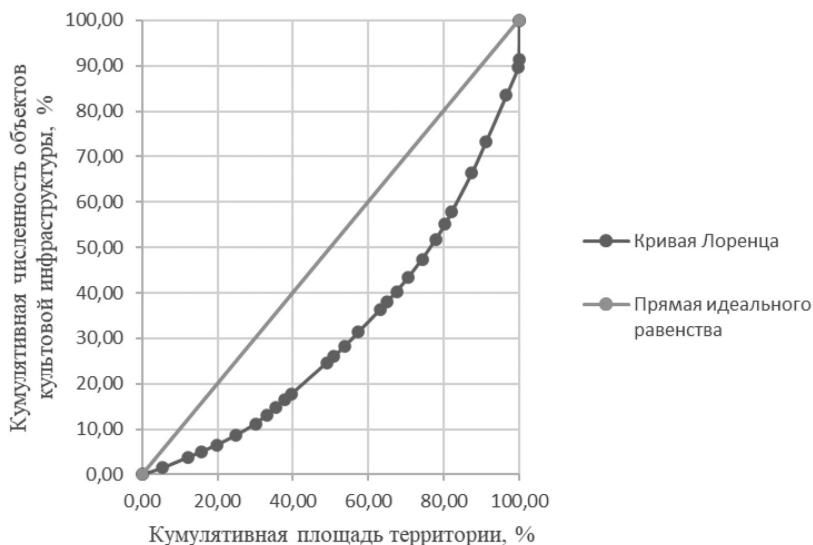
В качестве ядра для развития туризма религиозной направленности в регионе выделяются Вологда и Вологодский р-н, Великоустюгский, Кирилловский и Череповецкий районы. В их пределах расположены объекты, стабильно вызывающие высокий интерес для посещения с целью экскурсионного осмотра и совершения паломнических практик. К таким относятся Воскресенский и Софийский Успенский кафедральный собор г. Вологды, Спасо-Прилуцкий Димитриев мужской монастырь, Кирилло-Белозерский монастырь, Богородице-Рождественский Ферапонтов монастырь

Таблица 1

Степень равномерности распределения действующих объектов православной культово-культурной инфраструктуры в пределах Вологодской области

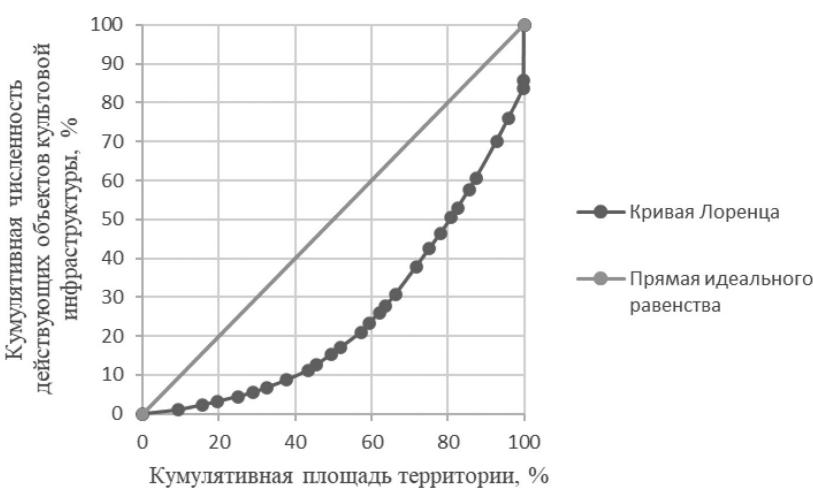
Территория	Объекты, шт. (действующие)	Площадь территории, тыс. кв. км	КГК
Бабаевский район	5	9,23	-0,05
Бабушкинский район	5	7,76	-0,04
Белозерский район	10	5,40	-0,01
Вашкинский район	5	2,88	-0,01
Великоустюгский район	36	7,59	0,04
Верховажский район	18	4,26	0,02
Вожегодский район	4	5,75	-0,03
Вологда, город	54	0,12	0,14
Вологодский район	23	4,54	0,03
Вытегорский район	4	13,08	-0,08
Грязовецкий район	18	5,03	0,01
Кадуйский район	9	3,26	0,00
Кирилловский район	29	5,39	0,04
Кичменгско-Городецкий район	7	7,06	-0,03
Междуреческий район	7	3,62	-0,01
Никольский район	15	7,48	-0,01
Нюксенский район	5	5,17	-0,02
Сокольский район	15	4,14	0,01
Сямженский район	15	3,95	0,01
Тарногский район	3	5,18	-0,03
Тотемский район	10	8,20	-0,03
Усть-Кубинский район	7	2,44	0,00
Устюженский район	11	3,56	0,00
Харовский район	10	3,56	0,00
Чагодощенский район	10	2,41	0,01
Череповец, город	8	0,12	0,02
Череповецкий район	27	7,64	0,02
Шекснинский район	11	2,53	0,01
<i>Итого</i>	381	141,351	0,361731

Источник: рассчитано авторами по [Вологодская область, полный список ... , 2024].

Рис. 1. Асимметрия в расположении православных культово-культурных объектов инфраструктуры по внутренним регионам Вологодской области.

Источник: рассчитано авторами по [Вологодская область, полный список … , 2024].

Рис. 2. Асимметрия в расположении действующих православных культово-культурных объектов инфраструктуры по внутренним регионам Вологодской области

Источник: рассчитано авторами по [Вологодская область, полный список … , 2024].

с расположенным в 1,5–2 км от него Ильинским храмом в д. Цыпино и др. В Великом Устюге, помимо десятков храмов, представляющих собой высокую историко-архитектурную ценность, находится не действующий, но сохранившийся в отличном для экскурсионного осмотра состоянии Михаило-Архангельский монастырь – старейшая обитель на Русском Севере. Вполне заслуживают включения в разнообразные тематические маршруты ряд других храмов и монастырей Вологодской области.

Раскрытию богатого туристско-рекреационного потенциала региона способствует сочетание объектов культово-культурной инфраструктуры и многочисленных музеев, так или иначе связанных с религиозной и близкой ей этнокультурной тематикой. Например, в маршрут религиозно-познавательной направленности по Вологодскому району органически вписывается посещение мемориального музея писателя В. Т. Шаламова (автора известных «Колымских рассказов» и сына вологодского священнослужителя) и Музея кружева в Вологде, а также архитектурно-этнографического комплекса «Семенково», в экспозицию которого, помимо жилых и бытовых построек, включены храмовые.

Благодаря количественным и качественным характеристикам объектов православной культово-культурной инфраструктуры в Вологодской области имеются многочисленные возможности для расширения числа тематических маршрутов, связанных с туризмом познавательной направленности и паломничеством. Один из вариантов, который можно рассмотреть в качестве нововведения – это экскурсионный маршрут, посвященный истории православных храмов, которые были открыты для богослужений в послевоенные годы и богослужения в них совершались в советское время. Всего таких вплоть до 1988 г., когда была зарегистрирована православная община в г. Тотьма [Щиркуляр архиепископа Вологодского … , 1988], было 17 [Отчет Вологодской епархии … , 1988]. Расположены они преимущественно в Вологодском, Череповецком, Кирилловском и сопредельных им районах, что делает возможной разработку автобусных однодневных и многодневных маршрутов.

Учитывая высокий потенциал Вологодской области, предложение маршрутов, базирующихся на объектах православной культово-культурной инфраструктуры, представлено широко и разнообразно.

В частности, одним из структурных подразделений Вологодской митрополии является Отдел по паломничеству и православному туризму [Паломническая служба … , 2022]. В рамках его работы осуществляется прием и размещение организованных паломнических групп из других регионов России, а также осуществляются инициативы на безвозмездной основе по проведению пешеходных тематических экскурсий. Последнее служит популяризации тематики, связанной с православной культово-культурной инфраструктурой, среди населения.

Аналогичное структурное подразделение действует и в Череповецкой епархии. Усилиями его сотрудников осуществляются паломнические и экс-

курсионно-познавательные маршруты по Вологодской области, ориентированные на жителей Череповецкого и прилегающего к нему районов, а также прием туристских и паломнических групп из других субъектов РФ.

Объекты культово-культурной инфраструктуры Вологодской области зачастую выступают в качестве основы для формирования тематических маршрутов, разработанных паломническими православными организациями, зарегистрированными в Москве и других городах России. Например, «Императорское Палестинское общество» [Паломничество в Вологодскую епархию … , 2024] в летний сезон 2024 г. реализовало двухдневный тур, включающий посещение храмов и монастырей в таких населенных пунктах как г. Вологда, с. Горицы, г. Кириллов, с. Ферапонтово, с. Покровское. Похожие предложения существуют в паломнических службах «Марфа и Мария» [Паломничество в Ферапонтово … , 2024], «Новоспасский паломник» [Паломническая служба … , 2024] и других туристских организациях такого рода.

Активно задействованы православные монастыри, храмы и часовни в организованных маршрутах, реализуемых независимыми туроператорами, специализирующимися на познавательных путешествиях и тематических автобусных турах. Примером служит трехдневный турпакет «Православные святыни земли Вологодской» по маршруту Вологда – Сизьма – Кириллов – Ферапонтово, заявленный независимым туроператором «Наито» Вологодской области [Православные святыни … , 2024]. Подобные поездки активно предлагают популярные турфирмы, зарегистрированные в Санкт-Петербурге [Вологодские монастыри … , 2024; Экскурсии в Вологду … , 2024].

Представление о преимуществах и уязвимых сторонах Вологодской области с точки зрения развития туризма религиозной направленности позволяет получить SWOT-анализ (табл. 2).

Таблица 2

Сильные стороны	Слабые стороны
1	2
1. Выгодное транспортно-географическое положение: регион граничит с Ленинградской областью; время в пути от Москвы на железнодорожном транспорте составляет 6–8 часов (наличие аэропорта, железнодорожного вокзала и автовокзала). 2. Большое количество объектов православной культово-культурной инфраструктуры; высокий агиографический потенциал территории; наличие музеев, посвященных тематике, близкой религиозной или сочетающейся с ней в рамках одного экскурсионно-познавательного маршрута.	1. Низкий уровень развития транспортной инфраструктуры, в том числе низкое качество дорожных покрытий, ведущих к значимым в развитии паломничества и религиозного туризма экскурсионно-познавательной направленности объектам. 2. Ограниченнная транспортная доступность отдельных населенных пунктов. 3. Низкий уровень развития туристской инфраструктуры в отдельных муниципальных районах области. 4. Несоответствие уровня цен и качества предоставляемых услуг. 5. Сложность с вовлечением большого числа объектов православной

Продолжение табл. 2

<p>3. Развитая и разнообразная сеть инфраструктуры размещения для ночлега (по данным на 2022 г. в регионе функционировало 268 коллективных средств размещения с общим числом мест 15,1 тыс.).</p> <p>4. Большое число туристских объектов, способствующих созданию разнообразного предложения в части досуговой и познавательной составляющей на маршрутах религиозной направленности (музейные комплексы, охраняемые природные зоны, 22 объекта лечебно-оздоровительно отдыха, дестинации для семейного, активного и гастрономического туризма).</p> <p>5. Расположение на территории области древних городов (Белозерск, Кириллов) и крупных внутренних водных коммуникаций</p>	<p>культово-культурной инфраструктуры в туристические маршруты по причине их рассредоточенности по территории области.</p> <p>6. Дефицит инфраструктуры для размещения в крупных дестинациях паломнического и экскурсионно-познавательного туризма религиозной направленности (например, в с. Ферапонтово).</p> <p>7. Низкая активность в сфере восстановительно-ремонтных работ и работ по благоустройству территорий населенных пунктов</p>
Возможности	Угрозы
<p>1. Развитие партнерских взаимоотношений с соседними регионами РФ в рамках трансрегиональных тематических маршрутов. Реализация проекта «Серебряное ожерелье России».</p> <p>2. Актуализация индивидуальных турв в удаленные районы области, вовлечение большего числа объектов культово-культурной инфраструктуры для расширения туристского предложения с учетом истории и культуры Вологодской области.</p> <p>3. Актуализация индивидуальных автомобильных маршрутов в труднодоступные места, а также фототуризма, велосипедного туризма, круизного и спортивного туризма в регионе. Включение в них объектов православной культово-культурной инфраструктуры.</p> <p>4. Формирование перечня задач по расширению туристской сферы в рамках Стратегии социально-экономического развития Вологодской области до 2030 г., предполагающее выделение ресурсов для их решения.</p>	<p>1. Высокая конкуренция со стороны расположенных в непосредственной или относительной близости регионов: Санкт-Петербург, Ленинградская и Архангельская области, также характеризующихся наличием уникальных в историко-культурном отношении храмов и монастырей.</p> <p>2. Выбытие некоторых объектов православной культово-культурной инфраструктуры из туристических маршрутов по причине отсутствия ремонтно-восстановительных работ.</p> <p>3. Возможное снижение спроса на туристские услуги после снятия санкционных ограничений.</p> <p>4. Популярность атеистических и секулярных взглядов в современном российском обществе.</p> <p>5. Поддержка отдельных популярных направлений со стороны органов власти, что способствует развитию наиболее крупных муниципальных районов и населенных пунктов Вологодской области, но усугубляет социально-экономическую асимметрию в регионе</p>

Источник: составлено авторами.

Заключение

Вологодская область относится к числу тех субъектов РФ, на территории которых находится большое количество уникальных исторических объектов культово-культурной инфраструктуры. Здесь расположены сотни православных храмов и монастырей, среди которых – объект всемирного наследия ЮНЕСКО и ряд памятников культуры федерального значения.

Древняя и богатая событиями история Вологодской области, а также ее агиографический потенциал послужили развитию всех выделяемых видов туризма религиозной направленности. Природные условия и историко-культурные ресурсы Вологодской области позволяют и дальше расширять тематику, содержание и направленность туристических маршрутов, ядром которых выступают объекты культово-культурной инфраструктуры.

Монастыри и храмы региона на данный момент играют существенную роль в его туристском брендинге. В связи с этим такое ориентированное на узкий контингент направление, как паломнический туризм, наряду с экскурсионно-познавательным туризмом, занимает существенную нишу в развитии рекреационного хозяйства и взаимосвязанных с ним ветвей региональной экономики. Так, объекты православной культово-культурной инфраструктуры, рассредоточенные по всей территории Вологодской области, позволяют формировать тематические однодневные и многодневные маршруты, проходящие по труднодоступным в транспортном отношении населенным пунктам. Это дает возможность местному населению реализовать инициативы, связанные с индивидуальным предпринимательством, тем самым способствуя повышению его благосостояния и снижая уровень социально-экономической асимметрии в регионе.

Хотя значение в экономике Вологодской области объектов православной культово-культурной инфраструктуры, как объектов туризма и паломничества, может возрасти при поддержке со стороны органов государственной власти раскрытия всех их возможностей. На сегодняшний день она представляется недостаточной, что подтверждается отсутствием соответствующих задач в рамках сформированной Стратегии социально-экономического развития области до 2030 года. Одновременно необходима работа по предотвращению и устранению угроз, лимитирующих развитие туризма в Вологодской области.

Список литературы

1. Агрба А.А. Легендирование как инструмент брендирования территорий // Сервис plus. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 97–115.
2. Балабейкина О.А., Гаврилова К.С., Кузнецова Ю.А. Религиозный туризм как составляющая брендинга Архангельской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2021. – Т. 24, № 3(73). – С. 118–128.
3. Балабейкина О.А., Власова М.А., Гаврилова К.С. Роль религиозного туризма в экономике Тверской области: опыт комплексного исследования // Вестник Тверского государственного университета. Серия Экономика и управление. – 2021. – № 3(55). – С. 109–120.

4. Вологодская область, полный список и карта храмов и монастырей // Соборы. ру. – 2024. – URL: <https://sobory.ru/geo/state/32> (дата обращения 12.08.2024).
5. Вологодская область. Туризм в цифрах // Система обмена туристской информацией. – 2019. – URL: <https://nbcrs.org/regions/vologodskaya-oblstat/statistics/#:~:text=%D0%94%D0%BE%D0%BB%D1%8F%20%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0%20%D0%B2%20%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B5%20%D0%92%D0%A0%D0%9F,%2C5%20%25%20%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%25> (дата обращения 15.08.2024).
6. Вологодские монастыри. Тур «Вологодские монастыри: государства в государстве» // Серебряное кольцо. – 2024. – URL: <https://www.silver-ring.ru/ru/trip/ru/turyposeverosapadu/vologodskimon/> (дата обращения 08.08.2024).
7. Грушенко Э.Б. Европейский Север России. Туристский потенциал, основные проблемы, виды туризма и туристские маршруты // География и туризм. – 2022. – № 1(9). – С. 47–52.
8. История православных храмов и монастырей Вологды / М.В. Васильева, Е.А. Виноградова, А.В. Камкин, Ф.Я. Коновалов, А.И. Меньшиков, И.В. Спасенкова, А.В. Суворов; гл. ред. А.В. Камкин. – Вологда: Древности Севера, 2014. – 208 с.
9. Кондратьева С.В. Национальный туристический рейтинг российских регионов: типологическое разнообразие // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия Экономика. – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 45–56.
10. Махновский Д.Е., Несена М.В. Практикум по курсам «Экономическая география Западной Европы» и «Экономическая география Северной Европы» / под ред. В.М. Разумовского.; М-во образования и науки Рос. Федерации, С.-Петербург. гос. экон. ун-т, Каф. регион. экономики и природопользования. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ. – 2013. – 120 с.
11. Национальный туристический рейтинг – 2023 // Национальный рейтинг. – 2024. – 22.01. – URL: <https://russia-rating.ru/info/22275.html> (дата обращения 15.08.2024).
12. Национальный туристический рейтинг (№ 1) // Национальный рейтинг. – 2015. – 07.12. – URL: <https://russia-rating.ru/info/9857.html> (дата обращения 15.08.2024).
13. Оборин М.С. Религиозный туризм как особый вид социально-культурной деятельности // Сервис в России и за рубежом. – 2020. – Т. 14, № 2(89). – С. 147–156.
14. Отчет Вологодской епархии за 1988 год. Приложение № 1 / Архив Вологодского епархиального управления. – Вологда, 1988.
15. Паломническая служба Новоспасского монастыря // Официальный сайт. – URL: <https://novospassky-palomnik.ru/> (дата обращения 08.08.2024).
16. Паломническая служба Череповецкой епархии организует поездки по святым местам России // Северная Фиваида: официальный сайт Вологодской митрополии. – 2022. – URL: <https://vologda-mitropolia.ru/news/palomnicheskaja-sluzhba-cherepoveckoj-eparhii-organizuet-poezdki-po-svyatym-mestam-rossii/?ysclid=lz09o3khwp388386619> (дата обращения 03.08.2024).
17. Паломничество в Вологодскую Епархию: июль 2024 // Императорское православное палестинское общество. – 2024. – 28.05. – URL: <https://www.ippo.ru/news/article/palomnichestvo-v-vologodskuyu-eparhiyu-iyul-2024-412747?ysclid=lmjbcw9ii59106713> (дата обращения 08.08.2024).
18. Паломничество в Ферапонтово, Кириллов, Вологду // Марфа и Мария: агентство православного паломничества. – 2024. – URL: <https://marfamaria.ru/tours/ferapontovo-goritsy-kirillov-i-kruzhevnyaya-vologda-2/?ysclid=lzmjurc9sb836860888> (дата обращения 08.08.2024).

19. Переписка с хозяйственным управлением Московской Патриархии (1966–1990) / Архив Вологодского епархиального управления. – Вологда, 1991. – № 1941 (01.07.).
20. Православные святыни земли Вологодской // Туристско-информационный центр Вологодской области. – 2024. – URL: <https://travel-vologda.ru/tours/pravoslavnye-svyatyni-zemli-vologodskoy> (дата обращения 07.08.2024).
21. Проект Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. Доработанные проекты стратегий. – 2023. – 06.10. – URL: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/dorobotannye_proekty_strategiy/proekt_strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_vologodskoy_oblasti_na_period_do_2030_goda.html (дата обращения 16.08.2024).
22. Редькина Е.М. Импортозамещение в туристской индустрии России: проблемы и перспективы // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 10(111). – С. 57–60.
23. Розанова Т.П. Антикризисные меры по снижению последствий влияния санкций на сферу туризма России // Управленческие науки. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 45–54.
24. Стрельникова М.А. Факторы развития религиозного туризма в Липецкой области // Вопросы отраслевой экономики. – 2023. – № 3(3). – С. 57–63.
25. Хадиева Р.Т., Семенюк Н.В. Паломничество как перспективное направление турииндустрии // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. – 2017. – Т. 2. – № 1. – С. 96–99.
26. Циркуляр архиепископа Вологодского и Великоустюгского Михаила (Мудьюгина) // Архив Вологодского епархиального управления. – Вологда, 1988. – 21.11.
27. Чебыкина А.В., Баженова О.В. Вологодские святыни и развитие религиозного туризма // Шестые Пюхтицкие чтения: материалы международной научно-практической конференции, Куремяэ, Эстония, 11–12 декабря 2017 года. – Куремяэ, Эстония: Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь, 2017. – С. 375–382.
28. Шпырня О.В., Хашева З.М. Развитие внутреннего туризма как фактор восстановления отрасли в условиях пандемии // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. – 2021. – Т. 31, № 3. – С. 345–348.
29. Экскурсии в Вологду из Санкт-Петербурга // Первые линии. – 2024. – URL: <https://1lines.ru/vologda> (дата обращения 08.08.2024).
30. Deb S.K., Nafi S.M. Impact of COVID-19 pandemic on tourism: Recovery proposal for future tourism // GeoJournal of Tourism and Geosites. – 2020. – № 33(4). – P. 1486–1492.
31. Leonidova E.G. Russian Tourism during the COVID-19: Assessing Effect of Stimulating Domestic Demand for the Country and Regions' Economy // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. – 2021. – Vol. 14, N 2. – P. 59–74.
32. Meyer D., Bruyn C., Meyer N. The importance of tourism in regional economic development: A time-series analysis // Journal of Environmental Management and Tourism. – 2017. – № 4(20). – P. 784–797.
33. Zaika S., Avriata A. Analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on the development of the international tourism market // International Science Journal of Management, Economics & Finance. – 2024. – Vol. 3, N 2. – P. 56–68.

Статья получена: 25.08.2024

Одобрена к публикации: 09.09.2024

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316.35:365.46:336.58(470.43)
DOI: 10.31249/espr/2024.04.06

Е.А. Рыжкова, О.А. Толпыгина*

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ БЛАГОУСТРОЙСТВА КАК СТИМУЛ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ

Аннотация. В статье представлены результаты изучения опыта реализации государственных программ благоустройства, основанных на принципах соучаствующего проектирования. Теоретической базой исследования служила концепция социального капитала. На основе эмпирических данных была предпринята попытка доказать гипотезу о том, что объединения людей, сформировавшиеся в ходе реализации проектов благоустройства, создают долгосрочный эффект, который выражается в развитии социального капитала жителей территории. В качестве инструмента анализа эмпирических данных и формирования выводов использована модель, предложенная В.В. Радаевым, которая сводит воедино виды и характеристики всех форм капиталов на основе теорий П. Бурдье, Дж. Коулмана, Р. Патнэма и М. Грановеттера.

Ключевые слова: Россия; Самара; программы благоустройства; соучаствующее проектирование; социальный капитал; местные сообщества.

Для цитирования: Рыжкова Е.А., Толпыгина О.А. Государственные программы благоустройства как стимул развития социального капитала жителей города на примере Самары // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – №4. – С. 106 –122.

---

* **Рыжкова Елена Александровна**, аспирант Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (г. Самара, Россия); ea.ryzhkova@ya.ru.

Ryzhkova Elena, Pn student of Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara, Russia); ea.ryzhkova@ya.ru.

Толпыгина Ольга Анатольевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических и региональных процессов Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (г. Самара, Россия); olga.antol@gmail.com.

Tolpygina Olga, PhD (Polit. Sci.), Associate Professor of the Department of Political and Regional Processes, Samara Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara, Russia); olga.antol@gmail.com.

Ryzhkova E.A., Tolpygina O.A.
**State improvement programs as a stimulus for the development
of social capital of city residents (the case of Samara city)**

Abstract. The article presents the results of studying the experience of implementing state improvement programs based on the principles of participatory design. The theoretical basis of the research was the concept of social capital. Based on empirical data, an attempt was made to prove the hypothesis that the associations of people formed during the implementation of landscaping projects create a long-term effect, which is expressed in the development of the social capital of the inhabitants of the territory. As a tool for analyzing empirical data and forming conclusions, the model proposed by V. V. Radaev is used, which brings together the types and characteristics of all forms of capital based on the theories of P. Bourdieu, J. Coleman, R. Putnam and M. Granovetter.

Keywords: Russia; Samara; improvement programs; participatory design; social capital; local communities.

For citation: Ryzhkova E.A., Tolpygina O.A. State improvement programs as a stimulus for the development of social capital of city residents (the case of Samara city district) // Economic and Social Problems of Russia. – 2024. – № 4. – С. 106–122.

Введение

Механизмы соучаствующего проектирования в целях преобразования городской среды в настоящее время широко применяются во всем мире. Хотя использование данных подходов в Европе, Америке, в странах Африки и Азии имеет свои особенности. В России же традиции соучаствующего проектирования достаточно молоды: реализация соответствующих проектов датируется началом XXI в.

Российские программы благоустройства предполагают участие горожан в процессах обновления общественных пространств – парков, скверов, прогулочных зон, дворов, детских и спортивных площадок. На принципах вовлечения жителей и продвижения их инициатив основан федеральный проект «Формирование комфортной городской среды», реализуемый с 2018 г. в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» (продлен до 2030 г.). Подобные программы запускаются и на региональном и муниципальном уровнях, они финансируются из областного и местного бюджетов соответственно. Зачастую в них закладываются принципы софинансирования со стороны муниципалитета, региона, коммерческого сектора и жителей (так называемое самообложение). Например, в Самаре вот уже несколько лет успешно действует программа «Содействие».

В мировой научной литературе можно найти большое количество публикаций о подходе соучаствующего проектирования, в которых освещаются разные взгляды и анализируются практики различных городов. В отече-

ственной научной литературе данная тема пока только начинает прорабатываться. Тем не менее в последние годы появляются публикации, в которых обсуждается опыт применения данного подхода в больших и малых городах России. Наработанные практики рассматриваются с точки зрения градостроительной политики и планирования развития территории, изучения местных сообществ, института соседства и др.

В российском научном дискурсе предпринимались попытки анализировать опыт применения партиципаторного подхода в обновлении городской среды через призму акторно-сетевой модели Бруно Латура [Почукаев, Кузнецов, 2022], теории сообществ и интегративных концепций П. Бурдье, Э. Гидденса [Чернега, 2020]. Предлагалось также посмотреть на него с позиции «лестницы гражданского участия» Ш. Арнштейн [Верещагина, 2021] и других парадигм. В настоящей статье сделана попытка взглянуть на один из долгосрочных эффектов от участия жителей в программах благоустройства – развитие их социального капитала. Представленные выводы опираются на результаты исследования, которое было проведено в течение 2023–2024 гг. в Самаре.

Методология исследования и примерный портрет активиста городского благоустройства

Основным лейтмотивом исследования, которое было сформулировано в самом начале и подтверждено в дальнейшем, стало предположение о том, что реализация жителями проектов благоустройства в рамках существующих программ является одной из ярких форм активности горожан.

Дизайн социологического исследования предполагал 2 этапа – количественное и качественное исследования.

Количественное исследование представляло собой анкетный опрос в онлайн-формате с открытыми и закрытыми вопросами (количество респондентов составило 643 человека). Анкета была разработана в Яндекс-формах и распространялась через сеть Интернет. Его целью было выявление отношения жителей к участию в программах благоустройства и формирование рекомендаций по их совершенствованию. Полученные эмпирические данные анализировались в теоретических рамках активистской социологии через модель «действие – структура», а итоги исследования были опубликованы [Толпигина, Рыжкова, 2023].

Результаты опроса показали, что самарцы в целом положительно относятся к программам благоустройства. Многие из них достаточно информированы и имеют опыт непосредственного участия в них (почти половина опрошенных участвовала в таких программах, третья часть – 2 и более раз; степень информированности превышает 80%).

Опрос также позволил определить примерный типаж тех жителей, которые принимали активное участие в программах благоустройства (т.е. более одного раза). Среди них значительна доля лиц, которые выполняют

обязанности старшего в многоквартирном доме (45,7%) или председателя ТОС (41,2%). Это говорит о том, что в основном проекты благоустройства дворов или других общественных пространств инициируют горожане, уже являющиеся лидерами местных сообществ. Предпосылками для этого становятся их уже выстроенные коммуникации с районными администрациями, которые ведут эти программы, а также опыт проведения собраний жильцов, формирования и реализации коллективных решений.

Отвечая на открытые вопросы предложенной в рамках количественного этапа исследования анкеты, жители высказывали критические замечания в адрес существующих механизмов реализации программ благоустройства и предложения по улучшению этих процедур. Опираясь на полученные ответы, можно отметить следующие важные моменты.

1. Органам местного самоуправления, реализующим программы на местах, необходимо повышать качество коммуникаций с жителями и уходить от формализма и излишних бюрократических процедур.

2. Жители призывают чиновников к упрощению процессов выдвижения проекта и формирования первоначального пакета документов, а также к большей открытости.

3. Горожане не хотят рассматривать благоустройство своего двора в отрыве от комплексной стратегии улучшения городской среды.

4. Для обеспечения качественного благоустройства необходимо привлекать архитекторов, урбанистов, социологов и других экспертов, проводить воркшопы и другие формы открытых обсуждений, чтобы каждый проект был не просто обновлением малых архитектурных форм, а «перезапуском» пространства с акцентом на историю этого места и его идентичность.

Полученные по итогам первого этапа исследования выводы составили основу для второго этапа – серии глубинных интервью с активистами, которые непосредственно реализовывали проекты и были лидерами инициативных групп жителей.

Качественный этап исследования позволил расширить границы концептуализации. В ходе бесед с информантами стало понятно, что сообщества, которые формируются в ходе работы над проектами благоустройства, и их лидеры представляют отдельный интерес. Люди, которые выступают инициаторами проектов, проделывают огромную работу, чтобы убедить других жителей выдвинуть инициативу от дома или нескольких домов, оформить документы, вложиться собственными средствами, согласовать концепцию и найти компромиссные решения по спорным вопросам. Важно, что, сформировавшись вокруг общей идеи и зачастую с большим трудом пройдя этот путь, сообщества продолжают жить и после завершения проекта, выходя на новый уровень общения и решения коллективных вопросов.

Целью качественного этапа исследования стало выявление системы мотивации городских активистов к участию в программах благоустройства и их мнения о программах для выработки дальнейших рекомендаций по совершенствованию последних. Также на этом этапе стояла задача подтвер-

дить или опровергнуть наметившуюся в ходе работы в поле гипотезу о том, что одним из основных пролонгированных эффектов от деятельности, в которую вовлекаются жители при участии со своими проектами в программах благоустройства, является развитие их социального капитала. В течение января – марта 2024 г. было проведено 11 глубинных интервью с жителями всех девяти районов Самары, которые имели опыт реализации проектов благоустройства по одной из существующих программ. Выдвинутая гипотеза многократно подтверждалась в ходе бесед с информантами.

Кроме того, качественный этап исследования подтвердил и позволил конкретизировать примерный «портрет» городского активиста, выдвигающего и доводящего до завершения свои проекты благоустройства.

Это уже состоявшиеся лидеры местных сообществ или люди, обладающие навыками организационной или общественной деятельности, зачастую имеющие творческое начало, склонность к обустройству дома и созданию уюта, тягу к работе по озеленению территории, а также разбирающиеся в простейших подходах ландшафтного дизайна. Многие из них имеют опыт организационной или руководящей работы. При этом в период реализации проектов они могут временно не работать, находиться в декретном отпуске, на пенсии или совмещать основную профессиональную деятельность с активистской.

Предпринимаемые ими действия по преобразованию городской среды реализуются скорее посредством поиска коллективного компромисса (по Патнэму [Патнэм, 1996]), а не в ходе конфликта (по Медведеву [Медведев, 2017]). Зачастую итогом реализации проекта становится не только обновленное пространство, наполненное новым функционалом и эстетикой, но и новые подходы самих жителей к его дальнейшему использованию. Таким образом, результаты преобразующей деятельности более чем осязаемы.

Теоретическая основа исследования

В настоящее время понятие социального капитала, введенное П. Бурдье, трактуется как «собрание всех доступных человеку или сообществу ресурсов, которые обусловлены включенностью в социальные связи или сети» [Рогозин, 2023, с. 14]. В первоисточнике определение звучит как «социальный капитал представляет собой совокупность реальных и потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью (durable networks) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [Бурдье, 2002, с. 66]. Р. Патнэм в своих подходах к теории демократии также уделял большое внимание социальному капиталу [Патнэм, 1996]. Он определял его как «...характеристики социальной жизни – сети, нормы и доверие, – которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей» [Радаев, 2002, с. 26].

В этом контексте вводятся два понятия – обязательство и доверие, которые взаимно друг друга уравновешивают. Как отмечает В. В. Радаев, ссы-

ляясь на Дж. Коулмана (еще одного классика теории социального капитала), отношения между людьми строятся на ожидании того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций. «Чем больше обязательств накоплено в данном сообществе, тем выше «вера в реицпрокность», или взаимность, и, следовательно, уровень социального капитала» [Радаев, 2002, с. 26; Coleman, 1988]. Другой теоретик социального капитала М. Грановеттер выделяет сильные и слабые связи, которые дают разный эффект своим обладателям [Granovetter, 1973; Рогозин, 2023, с. 17]. Например, для получения финансовых ресурсов нужны сильные связи – с близкими и друзьями, – тогда как для успешного трудоустройства и построения карьеры важнее разветвленная сеть слабых связей через дальние знакомства.

При этом П. Бурдье выделял три состояния социального капитала: инкорпорированное, объективированное и институционализированное [Радаев, 2002, с. 22]. *Инкорпорированное состояние* (*embodied state*) предполагает собственные усилия, инвестирование в себя, отсутствие возможности приобрести его через других (людей). *Объективированное состояние* (*the objectified state*) – это проявление капитала в материальных предметах и средствах, которые могут передаваться материально, но имеют ряд свойств, которые можно определить только в отношении его самого в инкорпорированной форме. *Институционализированное состояние* (*the institutionalized state*) заключается в признании капитала в качестве ресурса.

В. Радаев в своей статье «Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация» предложил единую методологическую рамку для проведения эмпирических исследований в русле концепции социального капитала, объединив подходы всех вышеперечисленных классиков [Радаев, 2002, с. 32]. Данная схемы была использована в настоящей работе для того, чтобы доказать выдвинутую гипотезу и структурировать составляющие эффекта от программ благоустройства как стимула развития социального капитала жителей города (таб. 1).

В отличие от других перечисленных в табл. 1 форм капитала, социальный капитал не принадлежит одному человеку. Его основу формируют сети социальных связей [Радаев, 2002, с. 26]. При этом социальный капитал конвертируется в другие виды капитала.

Ниже представлен анализ полученных в ходе исследования эмпирических данных посредством предложенной модели концептуализации.

Социальный капитал как долгосрочный эффект реализации проектов благоустройства

Как правило, успешно реализованное благоустройство в рамках той или иной программы резко повышает уровень доверия к лидерам проектов, пробуждает у жителей дома желание идти дальше и постепенно обустраивать другие территории, прилегающие к дому, а также заявляться в новые программы в новом сезоне. В программах, предусматривающих самообло-

Таблица 1
Методологическая рамка для проведения эмпирических исследований по различным формам капитала

		Формы капитала							
		Экономический	Культурный	Человеческий	Социальный	Административный	Политический	Символический	Физический
<i>Инкорпорированное состояние (диспозиции, способность)</i>	Производство прибыли. Максимальная ликвидность	Практическое знание. Навыки социализации	Профессиональные знания, умения, навыки	Соблюдение обязательств без санкций, доверие	Регулирование доступа к ресурсам и деятельности	Мобилизация коллективного действия, презентация интересов	Производство мнений, легитимная компетенция	Способность к труду	
<i>Объективированное состояние</i>	Средства производства, товары, деньги	Узнаваемые знаки, символы	Обучающие тексты и практики	Сетевые связи	Корпоративные организации	Партии, общественные движения	Программные, идеологические тексты	Физические и психические качества	
<i>Институциональное состояние</i>	Права собственности	Статусные группы	Дипломы, разряды, патенты, списки контактов	Социальные круги, списки контактов	Должностные структуры	Структуры лидерства	Авторитеты с правами номинации	Медицинские заключения	
<i>Стратификационные системы</i>	Классовая	Культурно-нормативная	Социальнопрофессиональная	Сетевая	Корпоративная	Политическая	Культурно-символическая	Физико-генетическая	
<i>Способы передачи</i>	Обмен, наследование	Воспитание	Образование	Знакомство	Назначение	Выдвижение	Объяснение	Генетика	
<i>Способы измерения</i>	Денежная оценка, физические единицы	Уровень престижа, среда и время социализации	Время, затраченное на образование	Включенность в сеть, их характеристики	Должностной уровень, масштаб корпорации	Включенность в коллегиальные движения, активность	Репутация, оценка публичного влияния	Уровень здоровья и трудоспособности	

Источник: [Радаев, 2002, с. 32].

жение, жители охотнее сдают деньги, если первый опыт прошел успешно. Но это приходит не сразу. Информанты отмечают, что в начале пути бывает сложно. Многие соседи со скепсисом относятся к предложенной инициативе, не хотят помогать или сдавать деньги, отказываются голосовать, чтобы поддержать общее решение. Лидеры групп сталкиваются с грубостью в свой адрес, с непониманием и подозрительностью.

Непременным качеством активистов, успешно реализовавших свои проекты, является готовность выстраивать коммуникации абсолютно со всеми жителями, даже имеющими негативный настрой.

«... лично мне нравится общаться с людьми... Доверие,...это все превращается в доверие. И у нас действительно в доме меняется что-то, и меняется к лучшему» (жительница Советского района Самары, активистка благоустройства).

Данное высказывание служит примером инкорпорированного состояния социального капитала, когда, пройдя период недоверия и неприятных высказываний в свой адрес, преодолев нежелание общаться в конструктивном ключе, люди, проделавшие эту работу в полном объеме, зачастую вознаграждаются сменой настроения недоверчивых соседей раз и навсегда, дальнейшей поддержкой и уважением. Здесь как раз тот случай, когда нельзя попросить другого пройти это испытание, человек должен сам пройти через его издергки и то, что станет результатом, остается его социальным багажом.

Во время работы над проектами лидеры инициативных групп создают чаты, в которые постепенно включается все больше и больше жителей. Как отмечают информанты, чаты активно используются и после завершения проекта, а степень доверия к активистам растет по мере выполнения ими обещаний и обязательств. Здесь мы наблюдаем объективированное – в данном случае в чате – состояние социального капитала, который продолжает работать на людей после завершения проекта.

Один из информантов, автор большого количества реализованных проектов, говорит о феномене «круги по воде», который возникает как эффект домино после успешной реализации проектов. Жители соседних дворов и микрорайонов начинают выражать желание сделать так же, активно интересуются механизмами программ и процедурами подачи заявок, создают свои инициативные группы, которые постепенно увеличиваются и по итогу включают в себя почти всех жителей дома или нескольких домов. Таким образом, в сетевых связях, которые строятся естественным образом при реализации программ благоустройства, наблюдается ярко выраженная положительная динамика развития социального капитала в его объективированном состоянии.

Желание и умение объединить людей ради создания общего уютного и комфортного пространства жизни – основная черта тех, кому удается реализовывать проекты благоустройства. Объединившись вокруг одной идеи, люди начинают сообща решать и другие вопросы по содержанию дома

и прилегающей территории, более охотно обсуждать варианты и принимать коллегиальные решения.

В табл. 2 приведен фрагмент анализа данных, полученных в ходе глубинных интервью, по матрице, предложенной В. Радаевым [Радаев, 2002, с. 32].

Таблица 2

**Развитие социального капитала жителей
в ходе участия в программах благоустройства
(согласно модели В. Радаева)**

Характеристики социального капитала	Объективизация характеристик социального капитала	Примеры высказываний информантов в ходе проведенного исследования
Инкорпорированное состояние (диспозиции, способности)	Соблюдение обязательств без санкций, доверие	«Но могу сказать, что кто-то воспринял это положительно: ой, наконец-то у нас будет чисто, дети придут чистые, они не будут с травмами. А кто-то сказал: «так, да зачем это нужно, я вам ни копейки не дам, шарлатаны» и все прочее. Очень много всякого разного было выслушано в свой адрес» (жительница Промышленного района, активистка благоустройства)
Объективированное состояние	Сетевые связи	«...он начал реализовывать свои программы благоустройства в 2017 г. Через бульвар Осипенко. Дальше в 2018 г. пошел во двор. И когда он начал, у него стали соседние дома вот этот круг расходиться. Вот этот круг шире, шире, шире, шире. И если взять его микрорайон, то мы можем посмотреть, что от Лесной до Ново-Садовой у него остался там 20-й дом, по-моему, и 22-й. Все. Все остальные дома участвовали и в КГС, и в «Содействии», и многие уже не один раз. И, понимая реальные результаты, видя, что это реально, да, это сложно, документы сложно собрать, но это реально. Вот от его дома пошел большой-большой-большой такой круг» (жительница Кировского района, активистка благоустройства)

Продолжение табл. 2

Институциональное состояние	Социальные круги, списки контактов	«Умение сплотить людей. Это очень сложно, но... очень нужно. В первую очередь для самих людей. Может быть, не все это понимают и принимают, но, согласитесь, лучше жить с соседями, с которыми ты нашла общий язык. В дружбе, в улыбке жить... намного лучше» (жительница Красноглинского района, активистка благоустройства)
Стратификационные системы	Сетевая	«Начали мы свою работу, обратившись к ТОСу, председателю нашего 13 микрорайона. Она, уже имея свой опыт, помогла нам выстроить конструктивное взаимодействие с администрацией, с профильным отделом по благоустройству. Соответственно, мы организовали встречу с инициативной группой жителей, с которыми мы в то же время создавали ТСН. Они к нам приехали, у них уже была вся разметка, где проходят инженерные коммуникации, чтобы у нас было понимание, что и где мы могли поставить. И когда мы это сделали, соответственно, они нам осмотрели этот проект, составили макет для благоустройства» (житель Кировского района, активист благоустройства)
Способы передачи	Знакомство	«Мы своей группой инициативной... каждый вечер с понедельника по пятницу с шести до девяти вечера стучимся в каждую..., подчеркиваю, квартиру, объясняем, кто мы такие, с какой целью... пришли... и объясняем, соответственно, те требования для того, чтобы у нас построилась эта площадка» (жительница Куйбышевского района, активистка благоустройства)
Способы измерения	Включенность в сети, их характеристики	«Но факт в том... что сейчас в нашем чате около 775 человек, а начиналось... с нашей... группы где-то семь-восемь человек» (жительница Куйбышевского района, активистка благоустройства)

Источник: составлено авторами.

Видно, что все характеристики социального капитала можно найти в тех категориях, которые используют информанты в своих нарративах. Так же прослеживается процесс трансформации социального капитала из одного состояния в другое по мере работы жителей над продвижением и реализацией своего проекта. Очевидны все компоненты, которые объективируют социальный капитал в повседневной жизни – это соблюдение обязательств без санкций и возникновение доверия, формирование сетевых связей, появление социальных кругов и списков контактов. Рассматриваемые случаи одновременно служат примером сетевого типа стратификационной системы, знакомства как основного способа передачи информации и степени включенности в сообщество как способа измерения.

Таким образом, в процессе выдвижения и реализации инициативы по благоустройству территории люди, объединяясь и коммуницируя, нарабатывают социальный капитал, который проходит все три состояния по Бурдье – инкорпорированное, объективированное и институциализированное. Инкорпорированное состояние социального капитала – это как инвестиции в будущее. Активист тратит душевые силы, проявляя терпение, и выполняет определенную работу, чтобы завоевать доверие соседей, убедить несогласных и склонить их на свою сторону. Это его личный вклад в создание социального капитала. Далее, формируя различные сети в процессе работы – ведомости учета сданных денег, чаты в мессенджерах, список контактов в телефоне, списки сторонников проекта – он объективирует для себя этот растущий социальный капитал. По ходу продвижения проекта социальный капитал участников инициативной группы институционализируется в результате ее превращения в сообщество, членов которого объединяет некая совокупность социальных связей. Чем успешнее опыт взаимодействия, тем выше уровень доверия к лидеру и внутри группы, тем больше социальный капитал сообщества и его потенциал для дальнейшего решения различных вопросов.

Система мотиваций городских активистов благоустройства

Одной из задач исследования было выявление системы мотиваций, которые побуждают людей добровольно заниматься вопросами благоустройства, становясь тем самым городскими активистами. Эти мотивы отчетливо проявились в ходе интервью с информантами.

Среди основных стимулов необходимо выделить, в первую очередь, желание улучшить среду, с которой человек сталкивается непосредственно – состояние двора, детской площадки, ближайшего к дому сквера и т. п. Причем имеется в виду забота не только о себе, но и о своей семье (детях, внуках) – и других жителях территории.

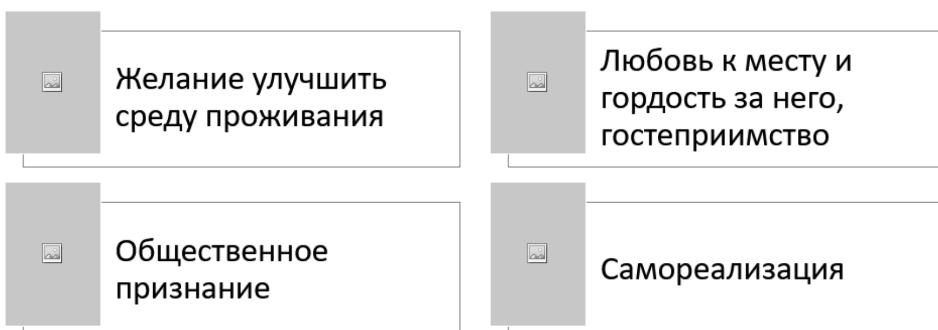
Желание улучшить среду зачастую вытекает не только из утилитарных потребностей использования пространства – т. е. чтобы было удобно

мне и моим детям. Как правило, за этим стоит еще любовь к месту, на котором человек живет. Желание преобразовать и обустраивать территорию, которую человек считает пространством своей жизни, дает мощный импульс для приложения сил с тем, чтобы потом ей гордиться и приглашать гостей.

Другой очевидной мотивацией является *общественное признание*, которое вдохновляет человека, делает его экспертом в теме благоустройства, позволяет ему позиционировать себя на уровне представителей власти перед другими жителями. В частности, некоторые информанты отмечали важность для них получения благодарственных писем и грамот из рук губернатора или других представителей власти. Это можно интерпретировать как пример социальных кругов в схеме В. Радаева, которые институционализируются в виде возможности активистов принадлежать к тому или иному сообществу и пользоваться его благами.

Наконец, существуют люди, которые рассматривают деятельность по благоустройству как дополнительную *возможность самореализации*, совмещенную ее с основной профессиональной деятельностью или используя свободное время, появившееся в результате выхода на пенсию.

Система мотиваций, выявлена в ходе общения с информантами, представлена на рисунке. Это те стимулы, которые побуждают городских активистов на работу с людьми и на преодоление трудностей, возникающих на пути к реализации задуманного. Можно сказать, что городская активность в данном случае является своеобразной разновидностью волонтерства. Однако нельзя исключить, что такого рода волонтеры имеют непосредственную выгоду от своей деятельности для себя и своей семьи, так как пользуются обновленными общественными пространствами.

Рис. Система мотиваций городских активистов, участвующих в программах благоустройства

Источник: сформирована автором на основе анализа эмпирических данных.

Важно также отметить, что те, кто успешно реализовал свои проекты благоустройства и собрал вокруг себя актив единомышленников, как правило, продолжают эту деятельность. Они заявляют свои работы на конкурсы, становятся лидерами общественного мнения по теме, ведут свои аккаунты в социальных сетях и по приглашению выступают спикерами на тематических форумах. Зачастую дальше их работа идет легче, так как уже достигнута определенная степень доверия сообщества, уже есть опыт составления необходимых документов и другие наработанные практики.

Заключение

Развитие социального капитала людей, включившихся в реализацию проекта благоустройства городских территорий по одной из программ соучаствующего проектирования, пожалуй, является главным долгосрочным эффектом таких программ (не считая их прямого назначения). Об этом говорят результаты двух этапов социологического исследования – количественного и качественного.

После благоустройства придомовые территории, как правило, попадают на содержание к жильцам, увеличивая их общедомовое имущество. Наработанные практики общения, опыт поиска компромиссов, сформировавшиеся домовые чаты помогают и в дальнейшем решать вопросы, касающиеся общего хозяйства. Лидеры сформировавшихся сообществ продолжают контролировать решение этих вопросов и коммуницировать с представителями власти, ресурсоснабжающими организациями, фондом капитального ремонта, подрядчиками.

Вместе с тем существует ряд проблем, с которыми сталкиваются как городские активисты, так и остальные жители. Об этом говорят и респонденты в открытых вопросах анкеты количественного этапа исследования, и информанты в интервью.

Первая и основная из них – все еще высокая степень бюрократизма процедур участия в программах благоустройства и недостаточный уровень коммуникации между населением и органами власти. Необходимо продолжить движение администраций муниципалитетов (которые являются операторами программ благоустройства на местах) в сторону большей открытости и отзывчивости по отношению к инициативам местных жителей. Горожане ожидают от администраторов программ благоустройства развития онлайн-сервисов. Давно назрело повсеместное признание практики проведения общих собраний жильцов в электронной форме, которая значительно повышает степень их участия и вовлеченности. Но пока такая практика распространена далеко не везде.

Второй явной проблемой является несоответствие масштаба финансирования программ благоустройства размерам территорий, которым оно требуется. Жители отмечают долгое ожидание в очереди с момента подачи заявок до получения финансирования. Как правило, это длится от нескольких месяцев до нескольких лет.

И эксперты, и жители отмечают необходимость привлечения к планированию благоустройства территорий специалистов – архитекторов, дизайнеров, социологов. Целесообразно создание базы успешных практик, которыми могли бы воспользоваться люди, приступая к планированию своего двора. Такие базы ведутся на федеральном и региональном уровнях, но на местах порой не хватает знаний и опыта в разработке проектов микротерриторий. Одновременно не следует увлекаться типовым планированием, нужно искать «изюминку» каждого пространства и подчеркивать его идентичность.

В ряде регионов уже созданы и продолжают открываться центры компетенций, призванные заниматься планированием благоустройства городов. Но эти подходы пока сложно реализовать на местах. В силу того, что часто лидерами проектов благоустройства дворов и придомовых территорий становятся пенсионерки и домохозяйки, необходимы центры компетенций на уровне района, куда они могли бы обратиться за помощью в составлении проекта или пакета документов.

Еще одной системной проблемой является последующее содержание благоустроенных территорий. Если парки и скверы содержатся муниципалитетами, то придомовые территории, в случае если они поставлены на кадастровый учет, содержатся за счет жильцов, что часто приводит к увеличению стоимости ежемесячной квартплаты. Если же придомовая территория не поставлена на кадастровый учет, то содержанием ее должна заниматься районная администрация в отсутствие источника целевого финансирования. Следствием последнего становится постепенное разрушение малых архитектурных форм, бесконтрольный вандализм, несвоевременный покос травы и т. п.

Большинство респондентов беспокоятся не только о благоустройстве своего двора или близлежащего пространства, но и задумываются о комплексном подходе к развитию городской среды. Запрос на единое пространственное проектирование территории города выражают большинство опрошенных жителей.

Подводя итог анализу информации, полученной от респондентов и информантов в рамках двухэтапного социологического исследования, необходимо отметить, что в целом программы благоустройства, основанные на подходах соучаствующего проектирования, в российских городах развиваются, и их потенциал еще значителен. Иногда благодаря, а где-то вопреки обстоятельствам люди объединяются в сообщества вокруг общей идеи сделать окружающую городскую среду лучше и удобнее для себя, своих детей и внуков. Путем поиска коллективного компромисса или в ходе конфликта рождаются решения, которые при получении бюджетного финансирования позволяют претворить эти идеи в жизнь. Хотя темпы происходящих изменений и их качество еще недостаточно высокие и требуют повышения. Представляется необходимым совершенствование механизмов реализации таких программ со стороны государственных органов.

Но при этом очевидно, что процессы формирования и развития социального капитала местных сообществ, которые идут во взаимосвязи с соучаствующим проектированием и независимо от существующих на сегодняшний день проблем в российских городах, приводят к новым социальным связям и обогащению людей социальными контактами. В рамках этих процессов социальный капитал проходит все три состояния по П. Бурдье – инкорпорированное, объективированное и институционализированное. И это прослеживается при анализе нарративов информантов в соответствии с методологической моделью В. Радаева.

Пройдя однажды порой непростой путь поиска коллективного решения, жители одного или нескольких домов обретают новое состояние – они становятся членами сообщества. Если сообщество до этого уже существовало, то сетевые связи укрепляются и социальные круги расширяются, а в случае удачной реализации проекта доверие внутри группы растет. Кто-то из этого сообщества безусловно выпадает, но то объединение людей, которое таким образом сформировалось, как показывает практика, продолжает жить и выходить на новый уровень решения вопросов. При этом перечень вопросов зачастую не ограничивается содержанием общедомового имущества или придомовой территории. Увеличение таким образом социального капитала членов сообщества, безусловно, положительно сказывается на качестве их жизни.

Список литературы

1. 25 вопросов об инициативном бюджетировании: учебное пособие / Вагин В.В., Тимохина Е.А. [и др.] – Москва, 2017. – 46 с.
2. Афанасьев К.С., Степанова Е.С. The Day After: жизнь и судьба проектов соучаствующего проектирования в городах России // Городские исследования и практики. – 2021. – Т. 6. – № 2. – С. 26–47.
3. Бурдье П. Практический смысл / пер. с франц. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; отв. ред. и автор предисл. Н.А. Шматко. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 562 с.
4. Бурдье П. Формы капитала / пер. с англ. М.С. Добряковой // Экономическая социология. – 2002. – № 3(5). – С. 60–74.
5. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. : пер. с нем. / сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
6. Верещагина Е.И. Соучаствующее проектирование: особенности подхода в России // Городские исследования и практики. – 2021. – Т. 6, № 2. – С. 7–25.
7. Вершинина И.А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. – 2018. – Т. 24, № 2. – С. 48–60.
8. Виноградова И.А., Иванова Е.В., Барсукова Е.М. Соучаствующее проектирование устойчивого городского будущего: как вовлечь молодых взрослых? // Городские исследования и практики. – 2021. – Т. 6, № 3. – С. 39–51.

9. Гимранова Г.А. Изменение городского пространства: российский и зарубежный опыт // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2020. – № 1(4). – С. 289–301.
10. Гуськова Н.Д., Клюева А.П. Современные теории социального капитала // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2. – С. 152–160.
11. Джейкобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов: пер. с англ. – Москва: Новое издательство, 2011. – 460 с.
12. Дюргейм Э. Правила социологического метода. – Москва: АСТ, 2021. – 384 с.
13. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
14. Лefевр А. Производство пространства: пер. с фр. – Москва: Strelka Press, 2015. – 432 с.
15. Медведев И.Р. Разрешение городских конфликтов. – Москва: Инфотропик Медиа, 2017. – 372 с.
16. Методические рекомендации по подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации / Министерство финансов Российской Федерации (в ред. от 22.12.2021). – Москва, 2021. – 148 с.
17. Парсонс Т. О структуре социального действия. – Москва: Академический Проект, 2000. – 880 с.
18. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии : пер. с англ. – Москва: Изд. фирма «Ad Marginem», 1996. – 287 с.
19. Полищук Л. Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния // Городское управление. – 2011. – № 6. – С. 83–90.
20. Почукаев Д., Кузнецов А. От регулирования к медиации: экология нормативностей городского партнципаторного проекта // Городские исследования и практики. – 2022. – Т. 7, № 3. – С. 15–38.
21. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. – 2002. – Том 3, № 4. – С. 20–32.
22. Рогозин Д.М. Перспективы развития теории социального капитала // Экономическая социология. – 2023. – Т. 24, № 4. – С. 12–31.
23. Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов ; пер. с англ. / ред.: Н. Снигирева, Д. Смирнов. – Вологда: Проектная группа 8, 2015. – 170 с.
24. Создание доверительной среды при проектировании и развитии общественных пространств / Пупенцова С.В., Ливинцова М.Г., Измайлова М.К., Пупенцова В.В. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2022. – № 4. – С. 24–30.
25. Сорокин П.С., Зыкова А.В. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 5. – С. 216–241.
26. Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Проблема «структура / действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. – 2020. – № 7. – С. 27–36.

27. Стрельникова Л.В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 33–41.
28. Толпигина О.А., Рыжкова Е.А. Трансформирующая агентность в контексте реализации программ благоустройства // Семиотические исследования. Semiotic studies. – 2023. – Т. 3, № 2. – С. 66–74.
29. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – Москва: Научный мир, 1998.–204 с.
30. Уржа О.А. Социальная инженерия как методология управленческой деятельности // Социологические исследования. – 2017. – № 10. – С. 87–96.
31. Чернега А.А. «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – № 23(3). – С. 51–77.
32. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. – 2001. – № 9. – С. 3–13.
33. Щербина Е.Ю., Клочкова Е.Р. Соучаствующее проектирование как инструмент развития городской среды // Управленческое консультирование.–2021. – № 7. – С. 68–79.
34. Setiawan Andi, Dunn Nick, Cruickshank Leon. Geographical Context Influence on Co-design Practice Between Indonesia and the UK Context // The Design Journal. – 2019. – № 22. – P. 763–776.
35. Arnstein Sherry R. A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Institute of Planners. – 1969. – Vol. 35, N 4. – P. 216–224.
36. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. – 1988. – № 94 (Supplement). – P. 95–120.
37. Finding Common Ground: The Importance of Place Attachment to Community Participation and Planning / Lynne C. Manzo and Douglas D. Perkins // Journal of Planning Literature. – 2006. – № 4. – P. 335–350.
38. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. – 1973. – № 6(76). – P. 1360–1380.
39. Granovetter M.S. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. – 1985. – № 3(91). – P. 481–510.
40. Setiawan A., Dunn N., Cruickshank L. Geographical Context Influence on Co-design Practice Between Indonesia and the UK Context // The Design Journal. – 2019. – № 1(22). – P. 763–776.
41. Schultz T.W. The value of the ability to deal with disequilibria // Journal of economic literature. – 1975. – Vol. 13, N 3. – P. 827–846.
42. Touraine A. Sociologie de l'action. – Paris: Les Éditions du Seuil, 1965. – 507 p.

Статья получена: 26.06.2024

Одобрена к публикации: 19.08.2024

Н.А. Коровникова*

**ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНОГО
ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ВУЗОВ:
ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ
(Обзор)**

Аннотация. В свете растущего значения вузов в качестве источников нововведений и новаторских идей встает вопрос о необходимости оценки их инновационного влияния на региональное развитие. С целью дальнейшей операционализации применительно к российским реалиям в настоящей работе приводятся европейская методика оценки регионального инновационного воздействия университетов, а также модель индийских специалистов, отражающая инновационную роль вуза для развивающихся стран и регионов. Кроме того, представлены некоторые результаты отечественных исследований региональных аспектов инновационной деятельности вузов. Для иллюстрации практических мер поддержки инновационных возможностей университетов Российской Федерации рассматривается пример программы «Приоритет 2030». На основании проведенного исследования делается вывод о необходимости дальнейшего поиска оптимальных способов анализа и мониторинга влияния вузов на инновационное развитие российских регионов в меняющихся условиях современности.

Ключевые слова: инновационный потенциал университетов; оценка инновационного воздействия; региональная инновационная система; программа «Приоритет 2030».

Для цитирования: Коровникова Н.А. Оценка регионального инновационного потенциала вузов: зарубежный и отечественный опыт // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – № 4. – С. 123–135.

---

* Коровникова Наталья Александровна, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия); natalia.kor@list.ru.

Korovnikova Natalia, PhD (Polit. Sci.), leading researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); natalia.kor@list.ru.

N.A. Korovnikova
Assessment of regional innovative potential of universities:
foreign and domestic experience

Abstract. In light of the growing importance of universities as sources of innovation and innovative ideas, arises the issue of assessing their innovative impact on the regional development. For the purpose of further operationalization in relation to Russian realities, this paper provides the European methodology for assessing the «regional innovative impact» of universities, as well as the model of Indian specialists reflecting the innovative role of the university for developing countries and regions. In addition, the author presents some results of domestic studies of regional aspects of universities' innovative activities. To illustrate practical measures to support innovative regional capabilities of universities of the Russian Federation, the author gives an example of the «Priority 2030» program. It's concluded that there is a need to further search for optimal ways to analyze and monitor the influence of universities on the innovative development of Russian regions in the contemporary changing conditions.

Keywords: innovative potential in universities; assessment of innovative influence; regional innovative system; program «Priority 2030».

For citation: Korovnikova N.A. Assessment of regional innovative potential in universities: foreign and domestic experience // Economic and Social Problems of Russia. – 2024. – N 4. – P. 123–135.

Введение

На протяжении многовековой эволюции университетов¹ сформировались фундаментальные основы их миссии, а именно «обучение, исследование, служение обществу» [Родина, Николаева, Пономарев, 2015, с. 424], которые приобретают особую значимость и новые конфигурации в современных условиях стремительных инновационных преобразований, затронувших все сферы жизнедеятельности социума – социальную, экономическую, культурную, политическую.

---

¹ В работе были сделаны следующие допущения. Во-первых, понятия «вуз» и «университет» используются как синонимы. Однако в профессиональной среде их значение может трактоваться по-разному, обычно вуз (высшее учебное заведение) используется в более широком ключе и включает в себя помимо университетов такие образовательные структуры как институты и академии [Чем отличается вуз …, 2024]. Во-вторых, не были рассмотрены отдельные категории вузов, существующие в Российской Федерации (опорные, федеральные, национальные, глобальные и пр. [Мартыненко, 2019]), а также специфика их инновационной деятельности на региональном уровне. В-третьих, большого внимания заслуживают сама дефиниция «региональный университет», ее отличительные характеристики и соотношение с понятием «опорный университет», например см. [What is a regional college?, 2024; Мартыненко, 2019]. Все эти аспекты требуют более детальной проработки в ходе дальнейших исследований регионального инновационного потенциала вузов.

При этом функция обучения была и остается главной составляющей деятельности вузов, которые являются основными «поставщиками» квалифицированной рабочей силы [Палей, Бенрашу, 2023, с. 1], обладающей необходимыми компетенциями, чтобы справиться с многочисленными инновационными вызовами современности. Именно в стенах высших учебных заведений формируется интеллектуальный капитал, требуемый для решения критически важных задач инновационного развития стран и регионов. Неотделимая от образовательного процесса исследовательская функция в настоящее время превратилась в одно из приоритетных направлений деятельности вузов как инновационных драйверов. Иными словами, современные университеты служат научными центрами, которые генерируют и продуцируют инновации, а также создают необходимые условия для их дальнейшего распространения [Палей, Бенрашу, 2023, с. 3–4].

Третья традиционная составляющая – «служение обществу» – представляется особенно актуальной в свете набирающей популярность «третьей миссии» университетов¹, которая предполагает их интеграцию и коммуникацию с местными сообществами, государственными и коммерческими структурами на уровне региона их присутствия и/или соседних областей². С этой точки зрения вузы могут рассматриваться как важные связующие элементы региональных инновационных систем. Очевидно, что успешное выполнение «третьей миссии»³ подразумевает преобразование образовательной и научно-исследовательской деятельности вузов в соответствии с социально-экономическими и культурными потребностями территорий их размещения.

Обозначенные тенденции проявляются в большинство отечественных вузов, от которых сегодня во многом зависят перспективы поступательно-

---

¹ В зарубежном научном дискурсе разрабатываются различные концептуальные подходы для описания «третьей миссии» вузов, в том числе концепции предпринимательского (entrepreneurial university), гражданского (civic university), вовлеченного (engaged university) университетов, а также модель тройной спирали (triple helix) [Митеи, Бхаттачарджья, Бхоумик, 2024, с. 60]. В отечественной академической среде к настоящему моменту «третья миссия» как концепт не устоялась [Дремова, Щеглова, 2022, с. 27], однако данная проблематика продолжает набирать популярность среди российских исследователей.

² Взаимодействие вузов с внешними структурами может выражаться в проведении совместных исследований и проектов с промышленными организациями, а также государственными структурами; предоставлении высококвалифицированного человеческого капитала для решения социально-экономических региональных проблем; подготовке научных публикаций с привлечением представителей местного сообщества; регистрации патентов; создания новых научноемких предприятий и пр. [Палей, Бенрашу, 2023, с. 3]

³ Представляется, что в ракурсе «третьей миссии» основные функции вузов следует рассматривать через призму ключевых компонентов их региональных инновационных стратегий, а именно: «ассоциативного управления, региональной агломерации, формирования человеческого капитала и региональных культурных норм» [Митеи, Бхаттачарджья, Бхоумик, 2024, с. 60].

го инновационного развития России и ее регионов¹. Хотя само выполнение миссии и перечисленных функций представляется в настоящее время крайне непростой задачей для российских университетов в силу целого ряда экзогенных (из-за турбулентной геоэкономической и геополитической обстановки) и эндогенных (в результате негативных внутренних последствий санкционной политики и противостояния с Западом) причин, но решаемой при условии максимальной реализации их значительного инновационного потенциала (в том числе на региональном уровне).

Региональный ракурс инновационной деятельности университетов закономерно привлекает все большее внимание российского экспертного сообщества. Однако, несмотря на растущий объем публикаций по инновационной и образовательной проблематике, до сих пор остается открытым вопрос об эффективной методике оценки регионального инновационного потенциала (РИП) вузов, которая бы взвешенно учитывала их внутренние (в том числе организационно-административные, коммуникативные, педагогические и пр.) особенности и региональную специфику. В связи с этим представляется своевременным рассмотреть примеры оценочных моделей, разработанных зарубежными специалистами, с точки зрения их адаптации к отечественным реалиям. Не менее полезно показать региональные инновационные возможности российских университетов, в первую очередь участвующих в программе «Приоритет 2030», реализация которой также предполагает анализ и мониторинг результатов их деятельности, в частности, в рамках трека «Территориальное и/или отраслевое лидерство».

Зарубежный опыт оценки регионального инновационного влияния университетов

Представляется вполне очевидным, что формулировка универсальных правил оценки инновационного влияния вузов на социально-экономическое развитие различных регионов – весьма сложная и отчасти неразрешимая задача [Митеи, Бхаттачарджья, Бхоумик, 2024, с. 58]. Действительно, при разработке оценочных моделей следует учитывать широкий спектр факторов макро- (геополитический и территориальный контекст, особенности государственной политики и систем образования различных стран), мезо- (ресурсные возможности, структура местной экономики и социокультурная специфика регионов) и микро- (тип университета, его стратегическая ориентация и институциональная среда) уровней [Митеи, Бхаттачарджья, Бхоумик, 2024, с. 58, 60].

---

¹ Данные цели отражены в целом ряде национальных проектов, программ и направлений, в том числе таких, как «Стратегическое планирование пространственного развития», «Территориальное планирование», «Развитие геостратегически значимых территорий» и пр. [Региональное развитие, 2024].

В то же время обзор ряда публикаций иностранных авторов позволяет обнаружить наиболее значимые индикаторы региональных инновационных ресурсов вузов. В этой связи, прежде чем приступить к рассмотрению предложений и наработок отечественных специалистов, представляется целесообразным обратиться к двум зарубежным моделям. Первая из них была разработана на базе университетов стран Европейского союза. Вторая адаптирована к особенностям «традиционно ориентированного» региона Индии и предложена в качестве альтернативы для оценки влияния университетских инноваций на развивающиеся районы.

*Европейский опыт*¹. В 2021 г. вышла в свет совместная работа европейских экспертов Р. Тейссена (R. Tijssen), Дж. Эдвардса (J. Edwards) и К. Джонкера (K. Jonkers) [Tijssen, Edwards, Jonkers, 2021], в которой была предложена оригинальная методика оценки «регионального инновационного воздействия» (РИВ; англ. regional innovation impact) университетов на города и регионы их размещения. В ее основу был положен принцип «повествования наряду с аналитической структурой чисел» («narrative with numbers») [Tijssen, Edwards, Jonkers, 2021, p. 34].

Данная методика была апробирована на базе 20 университетов из различных европейских стран², которые предоставили результаты своей инновационной деятельности на региональном уровне, следуя специальной форме отчета, включавшей в себя следующие пять разделов [Tijssen, Edwards, Jonkers, 2021, p. 127]: 1) представление (презентация) университета в конкретном локальном или региональном контексте (introduction of the university in its local or regional context); 2) региональная направленность, стратегическое развитие и инфраструктура знаний³ (regional orientation, strategic development and knowledge infrastructure); 3) образование и развитие человеческого капитала (education and human capital development);

---

¹ Конечно, европейский опыт оценки вузовского РИВ не исчерпывается рассматриваемой методикой. В частности, отдельного внимания заслуживает европейский рейтинг U-Multirank, а также результаты тематических исследований, проводимых Европейской ассоциацией университетов (European University Association) [University rankings, 2024; Publications, 2024].

² В исследовании приняли участие: Ольборгский университет, Университет Аалто, Левенский католический университет, Делфтский технический университет, Университет Этвеша Лоранда, Каунасский технологический университет, Лейденский университет, Норвежский университет естественных и технических наук, Университет Ровира и Вирхилий, Политехнический университет Каталонии, Миланский технический университет, Туринский политехнический университет, Университет Авейру, Университет Страны Басков, Болонский университет, Университет Ставангера, Университет Стратклайда, Университет Триеста, Русенский университет, Варшавский университет.

³ В общих терминах «инфраструктура знаний» подразумевает под собой весь комплекс мер и средств непрерывной генерации, аккумуляции, а также трансляции знаний и опыта между всеми заинтересованными субъектами. Более подробно см., например: [Долгов, 2022].

4) исследовательская деятельность, технологическое развитие и трансфер знаний (research, technological development and knowledge transfer); 5) развитие предприятий (бизнеса) и предпринимательство (enterprise development and entrepreneurship).

По рекомендации авторов методики, каждый раздел должен был содержать подробные количественные данные¹, отражающие как уже полученные за последние несколько лет результаты РИВ, так и прогнозы относительно его краткосрочных и среднесрочных перспектив. Наряду с количественными индикаторами предполагалось, что отчеты отражают и качественную оценку (описания, рассуждения, прогнозы) различных аспектов инновационной региональной деятельности университетов, в их числе [Tijssen, Edwards, Jonkers, 2021, p. 128]: а) степень вовлеченности университета в местную или региональную инновационную систему (РИС); б) характер влияния вуза на РИС; в) вклад в диверсификацию «портфеля знаний» (knowledge portfolio) и соответствующей инфраструктуры; г) уровень интеграции во внутренние (региональные, национальные) или международные научно-исследовательские сообщества/сети; д) особенности влияния вуза на социокультурную региональную среду; е) вклад в создание рабочих мест и модернизацию экономической структуры региона; ж) способность к совершенствованию и согласованию с региональными законодательными нормами университетских правил, касающихся трансфера знаний и развития регионального предпринимательства; з) диагностика основных барьеров и проблем РИВ, разработка способов их преодоления.

Релевантность данной методики обеспечивается за счет сопоставления результатов внутренних опросов (обучающихся, профессорско-преподавательского состава, руководства вузов) с мнениями всех внешних стейкхолдеров (представителей органов региональной власти, экспертного и бизнес-сообщества, местной общественности). И хотя эта модель разрабатывалась в русле стратегических целей и политических задач Европейской комиссии, она может представлять определенный интерес для выработки комплексной (качественной и количественной) системы оценки РИП современных российских вузов с учетом их территориальных, социально-экономических и культурно-этнических особенностей.

Опыт развивающихся стран и регионов. Принимая во внимание гетерогенность регионов РФ по уровню развития и отраслевой направленности их инновационных систем, существенным дополнением к европейской модели может стать интерактивная модель, разработанная индийскими

---

¹ Было рекомендовано применять следующие показатели: рейтинг трудоустройства выпускников; источники внешнего дохода; контракты о сотрудничестве в области НИОКР; количество студентов на курсах предпринимательства; число дочерних фирм университетов, просуществовавших не менее пяти лет и пр. [Tijssen, Edwards, Jonkers, 2021, p. 33].

специалистами Л.А. Митеи, Б.Р. Бхаттачарджья, Б. Бхоумик¹. На примере Индийского технологического института (ИТИ) Гувахати (Indian Institute of Technology (IIT) Guwahati), расположенного в крупном регионе² с исторически устоявшимися традициями и культурой производства³, им удалось показать положительную роль для выполнения «третьей миссии» вуза специальной прокси-организации⁴. Последняя позволила организовать эффективную коммуникацию между всеми субъектами (образовательного, научного и бизнессообществ, государственного сектора), интегрированными в РИС [Митеи, Бхаттачарджья, Бхоумик, 2024, с. 58–60].

Проведенное исследование дало возможность индийским ученым, во-первых, определить три основных вектора деятельности такой прокси-организации, а именно [Митеи, Бхаттачарджья, Бхоумик, 2024, с. 61]: 1) анализ и выявление пользовательских потребностей всех заинтересованных в региональном инновационно-технологическом взаимодействии сторон; 2) трансляция компетентным сотрудникам ИТИ информации о приоритетных технологиях с целью их дальнейшей адаптации и модификации или (в крайних случаях) разработки новых технологических средств; 3) распространение открытой информации об инновационных возможностях ИТИ среди широкого круга местных заинтересованных лиц.

Во-вторых, им удалось выделить ключевые формы участия университета (в данном случае – ИТИ) в РИС [Митеи, Бхаттачарджья, Бхоумик, 2024, с. 64], в том числе: 1) формирование эффективной коммуникационной платформы, обеспечивающей прямую связь региональных стейкхолдеров (различных видов) и университетских разработчиков инноваций; 2) развитие региональной экономики (промышленного кластера) за счет создания специализированного обучающего центра, предоставляющего доступ к модернизированным технологиям; 3) формирование человеческого капитала, обладающего необходимыми технологическими и предпринимательскими компетенциями для поступательного социально-экономического развития региона.

---

¹ Представляется интересным отметить, что при исследовании инновационных возможностей университета, расположенного на территории традиционно-ориентированного региона, достаточно информативными источниками (помимо вторичного анализа официальных, отчетов, документов, научных публикаций и пр.) оказались результаты телефонных и онлайн опросов представителей местного сообщества, отобранных методами целевой выборки и «снежного кома» [Митеи, Бхаттачарджья, Бхоумик, 2024, с. 62].

² Речь идет о Северо-Восточном регионе Индии, в состав которого входит восемь штатов: Трипуру, Манипур, Сикким, Ассам, Мизорам, Нагаленд, Мегхалая и Аруначал-Прадеш; [Митеи, Бхаттачарджья, Бхоумик, 2024, с. 63].

³ Авторы проиллюстрировали свои выводы на примере взаимодействия ИТИ и региональных малых и средних предприятий, занятых в текстильной промышленности [Митеи, Бхаттачарджья, Бхоумик, 2024, с. 60].

⁴ Подразумевается деятельность Группы разработки технологий для локальных сообществ Северо-Восточного региона (Rural Technology Action Group – North East, RuTAG-NE).

Предложенный индийскими специалистами подход может представлять особый интерес для адаптации оценочных моделей вузовского РИП к потребностям регионов с невысоким уровнем социально-экономического развития, а также с населением, характеризующимся низким уровнем технологических компетенций и предпринимательской мотивации, занятым в основном на небольших традиционных производствах, функционирование которых напрямую не связано с исследовательской и образовательной деятельностью вузов [Митеи, Бхаттачарджья, Бхоумик, 2024, с. 60–62]. Очевидно, что предложенная методика обогащает корпус исследований РИП университетов применительно к развивающимся территориям и регионам. А выводы авторов (об особой необходимости государственной поддержки местных производителей и софинансирования университетских разработок; об эффективности посреднических некоммерческих организаций, таких как бюро трансфера технологий и региональные инновационные агентства, в качестве связующего звена между вузами и местными сообществами и пр.) могут быть полезны для дальнейшего поиска и совершенствования оценочных моделей, учитывающих внутрирегиональную специфику.

Региональный инновационный потенциал вузов в отечественных исследованиях и практических решениях

После начала СВО Российской Федерация оказалась в самом эпицентре нарастающего геополитического противостояния с ведущими западными державами, что неизбежно в той или иной мере отразилось на ситуации во всех российских регионах (безотносительно их социально-экономического рейтинга¹). Перед страной в целом и перед каждым субъектом РФ в частности всталась весьма непростая задача ускоренного инновационно-технологического развития, только решение которой способно обеспечить конкурентоспособность и безопасность в сложных текущих условиях.

Учитывая богатый научно-исследовательский опыт многих российских университетов, именно они могут стать инновационными драйверами развития регионов их размещения и соседних районов. Неслучайно в свете актуализации РИП вузов растет корпус публикаций отечественных специалистов по данной проблематике, в которых университет рассматривается в различных ипостасях: как технологический региональный лидер; многопрофильный центр подготовки (переподготовки) компетентных кадров, отвечающих запросам региональных и межрегиональных стейкхолдеров; «лидер в отрасли», обеспечивающий регион квалифицированными специалистами в приоритетных областях; центр международных коммуникаций в трансграничных районах; наконец, «как субъект инновационной цепочки,

---

¹ См., например, рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2023 г., составленный экспертами РИА Рейтинг [Рейтинг социально-экономического …, 2024].

площадки инновационного, технологического и социального развития регионов» [Боуш, Вертикова, Солдатова, 2024, с. 1231, 1233–1234].

Другими словами, в фокусе российских исследователей оказались наиболее значимые факторы формирования и использования РИП вузов, вследствие чего были сформулированы пять основополагающих «атрибутов» (аспектов) этих процессов [Палей, Бенрашу, 2023, с. 7–8]:

- четкое «определение миссии», которое предполагает систематизацию инновационных университетских программ на базе разумного баланса научных экспериментов (проектов, разработок) с надлежащим оказанием образовательных услуг, а также фундаментальных исследований с последующей коммерциализацией их результатов на уровне региона;
- тип «операционной модели» инновационных вузовских разработок, который зависит от региональных целей и от специализации университетов – централизованный (характерный для вузов с богатой историей НИОКР в области химии, физики, геологии, инженерии и пр.); децентрализованный и/или гибридный, которые в основном применяются в более гибких областях, например в сфере телекоммуникаций и медиатехнологий;
- «итерация», подразумевающая поэтапную разработку инновационных продуктов межфункциональными взаимодействующими коллективами университетских специалистов (например, следуя принципам Agile¹);
- «коалиция» инновационных вузов между собой наряду с их партнерством с региональными государственными учреждениями и бизнес-сообществами, заинтересованными в реализации университетского РИП;
- «надзор» со стороны специально организованных университетских и внешних (некоммерческих и коммерческих) структур с целью контроля за финансированием, а также за оценкой результатов вузовских инновационных проектов и программ региональной направленности.

Возрастающая значимость инновационных возможностей вузов для развития регионов РФ в текущем контексте все больше подталкивает отечественных исследователей к поиску оптимальной модели/методики их оценки. Данный вопрос на сегодняшний день остается открытым и требует дальнейшей скрупулезной проработки, в ходе которой должны быть учтены осложняющие этот процесс факторы (протяженность страны, региональная гетерогенность, внешняя geopolитическая и геоэкономическая обстановка и пр.). Тем не менее в публикациях российских авторов уже можно найти рациональные предложения и интересные решения данной проблемы.

Так, определенный исследовательский и практический интерес представляет модель влияния университета на инновационное региональное развитие, разработанная Г.Д. Боуш, А.А. Вертиновой и Л.С. Солда-

---

¹ Agile (эджайл) – гибкая методология управления проектами, которая предполагает быструю адаптацию к эндогенным и экзогенным изменениям. Более подробно см. [Agile: что это такое … , 2024].

товой в результате проведенного ими комплексного анализа отечественных и зарубежных публикаций, а также информационно-аналитических материалов в сопоставлении с известными рейтингами инновационного развития¹.

Данная модель включает четыре основных компонента, а именно: интеллектуальный потенциал, научоемкость бизнеса, государственное регулирование инновационной деятельности, инновационная инфраструктура, – на которые вузы оказывают как прямое (численность обучающихся; количество публикаций и полученных грантов; доходы от НИОКР; число технопарков, бизнес-инкубаторов, совместных МСП; наличие электронных библиотечных ресурсов; количество персональных компьютеров и пр.), так и косвенное (формирование у обучающихся цифровой и предпринимательской культуры; количество организаций, с которыми заключены договоры на подготовку специалистов, а также на проведение практики студентов и пр.) влияние [Боуш, Вертикова, Солдатова, 2024, с. 1235]. Представляется, что предложенная методика еще нуждается в конкретизации параметров, а также операционализации результатов. Однако, учитывая ее комплексный характер, данная модель может послужить отправной точкой для дальнейших разработок.

Результаты программы «Приоритет 2030». Следует признать, что помимо концептуально-методологических разработок отечественных ученых, налицо определенные успехи и в практической плоскости. Речь идет о программе «Приоритет 2030», участие в которой вузов осуществляется по принципу их ротации в соответствии с качеством планирования и степенью реализации проектов и программ инновационного развития [Ротации вузов в базовой части … , 2023; Первые успехи и неудачи … , 2023]. Причем конкурсный отбор проводится полностью в цифровом формате, что позволяет обеспечить максимальную транспарентность системы оценки университетов и принятия решений по их проектным предложениям [Региональным университетам … , 2023]. Данная программа не только позволяет определить среди российских университетов инновационных лидеров, но и способствует развитию как центральных, так и периферийных вузов на основе постоянного мониторинга их инновационного «веса» на региональном и федеральном уровнях.

Однако, по результатам некоторых отечественных исследований, наиболее очевидную корреляцию «инновационный потенциал вузов – экономическое развитие» ожидаемо демонстрируют регионы Центрального федерального округа (ЦФО), в то время как в субъектах остальных федеральных округов (ФО) данная взаимосвязь не столь очевидна ввиду терри-

---

¹ В частности, были учтены рейтинг инновационного развития субъектов РФ (ВШЭ), рейтинг регионов SMART, рейтинг инновационных регионов России (АИРР), а также результаты мониторинга регионального законодательства в сфере развития цифровой экономики в регионах (АИРР) [Боуш, Вертикова, Солдатова, 2024, с. 1234].

ториальных и экономических особенностей их РИС. Что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости выстраивания индивидуальных моделей инновационной политики вузов на региональном уровне [Алабаева, 2023, с. 13].

В то же время университеты, расположенные за пределами ЦФО, также предпринимают меры по развитию своего РИП и на практике доказывают свое научно-технологическое значение и инновационные возможности. Об этом свидетельствуют результаты, полученные в рамках программы «Приоритет 2030». Кроме того, в условия последней входит поддержка региональных университетов (независимо от их принадлежности к тому или иному ФО) в соответствии с их вкладом в обеспечение кадрового, технологического и инновационного развития отраслей и территорий¹. Так, научно-исследовательская деятельность университетов, прошедших отбор в треки «Исследовательское лидерство» и «Территориальное и (или) отраслевое лидерство» программы «Приоритет 2030», подкрепляются специальными грантами, которые существенно расширяют возможности их РИВ [Региональным университетам … , 2023].

Наконец, следует отметить наметившуюся благоприятную тенденцию взаимодействия и кооперации между российскими вузами с целью продвижения инновационных идей, исследовательских проектов и современных образовательных форматов на региональном уровне. Примером этого может служить основанный в 2024 г. консорциум уральских вузов во главе с Уральским федеральным университетом², основная цель которого состоит в развитии студенческого предпринимательства в технологической области. Участие в консорциуме открывает широкие перспективы для межвузовской коммуникации и обмена опытом, доступа к новейшей лабораторно-технологической инфраструктуре, коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и повышения инвестиционной привлекательности сферы НИР посредством создания предпринимательской платформы для серийного производства стартапов, причем не только в рамках УрФО, но и за его пределами [Вузы Урала … , 2024], в частности, в русле реализации федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства» [О платформе … , 2024].

---

¹ Более подробно достижения региональных университетов из различных ФО России, участвующих в программе «Приоритет 2030» (Самарского университета им. Королева, Самарского государственного медицинского университета, Дальневосточного федерального университета, Белгородского государственного университета, Новосибирского государственного технического университета НЭТИ, Сибирского федерального университета), см. [Региональным университетам … , 2023].

² В новый консорциум уральских вузов во главе с УрФУ вошли Южно-Уральский, Курганский, Тюменский и Югорский госуниверситеты, Уральский медицинский, педагогический, лесотехнический и аграрный университеты, Тюменский медицинский госуниверситет.

Заключение

Проведенный обзор зарубежных и отечественных подходов к оценке регионального инновационного потенциала вузов позволяет сделать вывод о том, что к настоящему моменту в научном дискурсе выработаны некоторые функциональные оценочные модели и методики. Однако они требуют дальнейшей гармонизации и адаптации к региональным потребностям субъектов РФ, развитие которых на данный момент протекает в крайне непростых энтропийных условиях.

В исследовательской среде также определились направления дальнейшего поиска и последующей институционализации методологии комплексного мониторинга инновационного влияния университетов на развитие регионов. Решение этой задачи представляется исключительно важным с точки зрения адекватной оценки и своевременной реализации РИП российских вузов, поскольку способствует обеспечению конкурентоспособности российских регионов и безопасности российского государства как в текущих условиях нарастающей международной турбулентности, так и в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Алабаева Н.С. Оценка влияния инновационного потенциала вузов на развитие регионов России // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 7–15.
2. Боуш Г.Д., Вертикова А.А., Солдатова Л.С. Инновационное развитие регионов: роль университетов // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Том 14, № 4. – С. 1229–1238.
3. Вузы Урала создали консорциум для успешного развития студенческих стартапов // Инновационная инфраструктура Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина. – 2024. – 01.02. – URL: <https://inno.urfu.ru/2024/02/01/вузы-урала-создали-консорциум-для-усп/> (дата обращения 12.08.2024).
4. Дремова О.В., Щеглова И.А. Третья миссия университетов в России: тренд на (не) коммерциализацию? // Университетское управление: практика и анализ. – 2022. – Т. 26, № 2. – С. 27–37.
5. Долгов А.Ю. О понятии «инфраструктура знания»: от больших социотехнических систем до микроуровневых социальных практик (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. – 2022. – № 2. – С. 63–72.
6. Мартыненко А. Вузы России, какого статуса они бывают // УниверЭксперт – Академический критик. – 2019. – 21.01. – URL: <https://univer.expert/vuzy-rossii-kakogo-statusa-oni-byvayut/#6> (дата обращения 12.08.2024).
7. Митея Л.А., Бхаттачарджья Б.Р., Бхоумик Б. Роль университетов в инновационных системах развивающихся стран // Форсайт. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 58–67.

8. О платформе // Платформа университетского технологического предпринимательства. Минобрнауки РФ. – URL: <https://univertechpred.ru> (дата обращения 12.08.2024).
9. Палей Т.Ф., Бенрашу Н. Инновационный потенциал вузов: особенности и проблемы его формирования // Human Progress. – 2023. – Т. 9, вып. 4. – URL: http://progress-human.com/images/2023/Tom9_4/Palei.pdf DOI: 10.34709/IM. 194.22. EDNRWXXDI.
10. Первые успехи и неудачи университетов – участников трека «Территориальное и отраслевое лидерство» программы «Приоритет-2030» / Гусева А.И., Калашник В.М., Каминский В.И., Киреев С.В. // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 7. – С. 48–66.
11. Региональное развитие // Минэкономразвития РФ. – URL: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/ (дата обращения 12.08.2024).
12. Региональным университетам отведена важная роль в развитии регионов / Дмитренко О., Курдяшова Ю., Скрипка А., Решетникова Н., Федореев А., Шиллер А. // Российская газета. – 2023. – 23.03. – URL: <https://rg.ru/2023/03/23/reg-dfo/lidery-uhodiat-v-otryv.html> (дата обращения 12.08.2024).
13. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2023 года // РИА Новости. – 2024. – 10.06. – URL: <https://ria.ru/20240610/reyting-1951499062.html> (дата обращения 12.08.2024).
14. Родина Л.Л., Nikolaeva N.B., Пономарев А.И. Из истории университетов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 4. – 2015. – Т. 2(60), вып. 4. – С. 405–427. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-universitetov> (дата обращения 12.08.2024).
15. Ротации вузов в базовой части гранта: комиссия Минобрнауки подвела ежегодные итоги реализации программы «Приоритет-2030» // Приоритет 2030. Минобрнауки РФ. – 2023. – 19.12. – URL: <https://priority2030.ru/news/rotatsii-vuzov-v-bazovoy-chast> (дата обращения 12.08.2024).
16. Чем отличается вуз от института и от академии // Институт международных экономических связей (ИМЭС). – 2024. – 20.02. – URL: <https://imes.su/press-tsentr/blog/item/1934-chem-otlichaetsya-vuz-ot-instituta-i-ot-akademii> (дата обращения 12.08.2024).
17. Agile: что это такое и как работает гибкое управление проектами // Skillbox. – 2024. – 09.01. – URL: https://skillbox.ru/media/management/chto_takoe_agile/ (дата обращения 14.08.2024).
18. Publications // European University Association. – URL: <https://www.eua.eu/publications.html> (дата обращения 14.08.2024).
19. Tijssen R., Edwards J., Jonkers K. Regional Innovation Impact of Universities. – Edward Elgar Publishing, 2021. – 240 p.
20. University rankings // U-Multirank. – URL: <https://www.umultirank.org/compare?section=compareSubject&mode=likewithlike&name=null> (дата обращения 14.08.2024).
21. What is a regional college? // University of Cincinnati. News. – URL: <https://www.uc.edu/news/articles/2023/06/what-is-a-regional-college--why-it-could-be-the-right-fit-for-you.html#:~:text=A%20regional%20college%20is%20part,also%20provide%20some%20graduate%20degrees> (дата обращения 14.08.2024).

Статья получена: 08 сентября 2024 г.

Принята к печати: 11 сентября 2024 г.

Е.В. Черняев*
**НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КООПЕРАЦИИ
И ПОДДЕРЖКИ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСОБОРОНЗАКАЗА
РЕГИОНАЛЬНЫМИ ИСПОЛНИТЕЛЯМИ
(Обзор)**

Аннотация. В современных условиях выполнение государственного оборонного заказа требует создания устойчивой кооперации исполнителей и обеспечения ее результативного функционирования. Последнее невозможно без развития системы контроля за эффективным расходованием выделяемых государством по целевому назначению средств, а также внедрения комплексного мониторинга финансовых и хозяйственных результатов по бюджетным ассигнованиям. Отмечая наличие проблем и противоречий финансово-правового характера в рассматриваемой экономической нише, недостаточное внимание к указанным процессам со стороны региональных органов власти, автор предлагает некоторые пути их решения.

Ключевые слова: Россия; государственный оборонный заказ; кооперационные отношения; бюджетное финансирование; региональные органы власти.

Для цитирования: Черняев Е.В. Направления совершенствования кооперации и поддержки исполнения гособоронзаказа региональными исполнителями (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – № 4. – С. 136–149.

E.V. Chernyaev
**Directions for improving cooperation and support
for the execution of state defense orders by regional contractors
(Review)**

Abstract. In modern conditions, the fulfillment of the state defense order requires the creation of a stable cooperation of performers and ensuring its effective functioning. The latter is impossible without the development

---

* Черняев Евгений Васильевич, кандидат экономических наук, докторант Вольского военного института материального обеспечения (Вольск, Россия). Email: ki-la@mail.ru

Chernyaev Evgeny Vasiljevich, PhD (Econ. Sci), Doctoral student in Volsk Logistics Support Military Academy (Volsk, Russia), Email: ki-la@mail.ru

of a system of control over the effective spending of funds allocated by the state for the intended purpose, as well as the introduction of comprehensive monitoring of financial and economic results for budget allocations. Noting the existence of problems and contradictions of a financial and legal nature in the economic niche under consideration, insufficient attention to these processes on the part of regional authorities, the author suggests some ways to solve them.

Keywords: Russia; state defense order; cooperative relations; budget allocations; pricing rules; regional administrations.

For citation: Chernyaev V.S. Directions for improving cooperation and support for the execution of state defense orders by regional contractors // Economic and Social Problems of Russia. – 2024. – N 4. – P. 136–149.

Введение

В условиях санкционного давления стран Запада указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 одной из национальных целей развития страны на перспективу до 2036 г. определено технологическое лидерство.

Обеспечить достижение указанной цели (как и существование независимого государства) невозможно без самодостаточного и эффективно функционирующего оборонно-промышленного комплекса (ОПК). В то же время в России отсутствуют предприятия (организации), которые могут реализовать полный цикл производства оборонной продукции, тем более в границах одного региона. Выполнение государственного оборонного заказа предполагает кооперацию исполнителей, расположенных, как правило, в разных субъектах РФ.

Возникающие в деятельности отечественного ОПК проблемы во многом обусловлены трудностями при формировании устойчивой (часто постоянной и безальтернативной) кооперации контрагентов. Указанные факторы оказывают значительное воздействие на экономическое состояние предприятий и организаций ОПК, напрямую влияя на решение задач по достижению динамичных темпов роста при изготовлении оборонной продукции и ее техническому совершенствованию.

Закономерно, что за 2022 и 2023 гг. объем работ, выполняемых в рамках государственного оборонного заказа (ГОЗ), в России существенно вырос. Так, подводя итоги 2023 г., глава Госкорпорации «Ростех» отметил, что величина гособоронзаказа с января 2022 г. по декабрь 2023 г. увеличилась в 10 раз [Объем гособоронзаказа в России ..., 2023]. Только за 11 месяцев 2023 г. производство бронетанковой техники выросло в три раза, а авиационной техники и БПЛА – в два раза по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. [Мантуров сообщил о ..., 2023]. Значительные государственные инвестиции, выделенные предприятиям ОПК, не могли не сказаться на их экономическом положении, а также на социально-экономической ситуации в регионах локализации.

Влияние роста объемов госзаказа на региональную экономику

Начало Специальной военной операции (СВО) дало толчок развитию в России ряда региональных производственных площадок, ориентированных на выполнение госконтрактов, о чем свидетельствуют показатели, приведенные в табл. 1.

Например, в 2022 г. резко увеличился объем оборонных заказов на предприятиях ОПК в Пермском крае. По данным министра промышленности и торговли Прикамья Алексея Чибисова, гособоронзаказ в регионе вырос на 70% и составил 76 млрд руб. В этой сфере в настоящее время трудится около 232 тыс. жителей края или более 19% от численности рабочей силы [В Пермском крае … , 2023].

Таблица 1

Динамика объемов ГОЗ в отдельных регионах РФ за 2022 г. (по данным открытых источников)

Регион	Рост объемов производства ГОЗ в 2022 г., %
Кировская область	50
Пермский край	70
Челябинская область	300

Источники: [В Челябинской области … , 2023; В Пермском крае … , 2023; Гособоронзаказ на предприятиях … , 2023].

Например, в Челябинской области, несмотря на существующий дефицит трудовых кадров, по сведениям, опубликованным в открытых источниках, количество предприятий, выполняющих гособоронзаказ, за 2022 г. выросло в 4 раза. Такой рост, по словам руководителя региона, обусловлен требованиями, зафиксированными в перечнях Минпромторга России и поучениях Президента России в отношении строительства, реконструкции и технического перевооружения производственных мощностей [В Челябинской области … , 2023]. Почти на 50% за 2022 г. увеличился объем производства на оборонных предприятиях Кировской области [Гособоронзаказ на предприятиях … , 2023] и т. д.

В Государственной программе «Развитие ОПК» не предусмотрено достижение каких-либо целевых показателей, связанных с социально-экономическим развитием субъектов РФ. Однако регионы, имеющие на своей территории оборонные заводы, стремятся предоставить им максимальные меры государственной поддержки. Растущие объемы госконтрактов, выполняемых предприятиями, положительно сказываются на экономике регионов в результате увеличения налоговых отчислений в бюджеты последних.

Проблемы финансового регулирования в сфере ГОЗ

Приходится констатировать, что положительная динамика объема ГОЗ сопровождается увеличением количества нарушений его выполнения. Так, по статистике Росфинмониторинга, в правоохранительные и контрольно-надзорные органы в 2023 г. было направлено более 2 тыс. материалов в отношении свыше 50 тыс. исполнителей и соисполнителей, по результатам рассмотрения которых в бюджет возмещено более 300 млн руб. [Годовые отчеты … , 2024]. Статистические данные о динамике проведенной за 2020–2023 гг. работы Росфинмониторинга представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Показатели работы Росфинмониторинга
в сфере ГОЗ за 2020–2023 гг.
(по данным открытых источников)**

Год	Возбуждено уголовных дел	Предотвращен ущерб (млн руб.)	Возмещено в бюджет (млн руб.)
2023	более 180	более 6000	более 300
2022	выросло на 31% по сравнению с 2021 г.	890	866
2021	нет сведений	нет сведений	нет сведений
2020	122	более 24 000	1400

Источник: [Годовые отчеты … , 2024].

Принимая во внимание ежегодное увеличение объема ГОЗ после начала СВО, проблемы его выполнения приобрели весьма масштабный характер. Мониторинг экспертных оценок специалистов и руководителей практически во всех отраслях ОПК свидетельствует, что меры, предпринятые для совершенствования Федерального закона № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (далее – Закон № 275-ФЗ), являются недостаточными, и он все еще требует доработок.

Опираясь на результаты проведенных исследований в указанной сфере [Кабанов, 2020; Мурадов, 2023; Смуров, 2017; Чернышева, Савич, Нетяга, 2022; Шмелева, 2021 и др.], автор предпринял попытку рассмотреть основные проблемные вопросы функционирования устойчивой кооперации в сфере ГОЗ в контексте применения Закона № 275-ФЗ, а также предложить пути их разрешения.

В 2019 г. была опубликована статья [Сергеев, Шишков, 2019], в которой проблемные вопросы финансового регулирования исполнения ГОЗ были сгруппированы в три блока. Иерархия этих проблем представлена на рисунке.

Предметом рассмотрения в настоящем обзоре являются первые два блока проблем, представленные на рисунке. Их анализ проведен с учетом изменившегося к настоящему моменту законодательства, в том числе в части условий выполнения госконтрактов.

Рис. 1. Проблемные вопросы регулирования исполнения ГОЗ

Источник: [Сергеев, Шишков, 2019, с. 27–34].

Необходимо отметить, что региональные органы власти в указанные проблемы, как правило, не погружаются. Поддержка предприятий, расположенных на подконтрольных им территориях, сводится к информационному сопровождению набора соответствующих специалистов, проведению ярмарок вакансий, предоставлению служебного жилья (мест в общежитиях) принимаемым на работу, в том числе иногородним гражданам [Предприятия ОПК региона ..., 2024]. При этом вопросы кооперационного взаимодействия и общения с государственным заказчиком предприятиям приходится решать самостоятельно. В ходе же выполнения ГОЗ проявляются следующие затруднения финансово-правового характера.

Блок 1. Проблемы, возникающие при закрытии отдельных счетов. По состоянию на 2024 г. режим использования отдельного счета разрешает исполнителям полностью использовать находящиеся на нем средства только после закрытия госконтракта, в рамках которого выделялись и перечислялись бюджетные ассигнования. Мнение практиков в области ОПК сви-

действует, что это правило снижает обрачиваемость и эффективность расходования выделяемых средств.

Указанием Центрального Банка РФ от 23.06.2022 № 6166-У с 30.09.2022 было разрешено перечислять прибыль в согласованном сторонами по контракту размере после предоставления в уполномоченный банк соответствующего акта. Однако полное использование денежных средств осталось недоступным. Поэтому денежные средства за выполненные этапы работ по таким контрактам длительное время фактически находятся без движения, подвергаясь воздействию инфляционных и иных негативных экономических факторов.

Таким образом, актуальным является предложение о целесообразности уточнения п. 2 ст. 8.3 Закона № 275-ФЗ в части санкционирования расходования финансовых средств по ходу выполнения государственного договора (контракта).

Блок 2. Проблемы режима использования отдельного счета. Проведенное исследование перемещения денежных средств исполнителям ГОЗ в рамках кооперации отдельных предприятиях ОПК показало, что основные проблемы, которые препятствуют их эффективным взаимоотношениям, лежат в следующих плоскостях.

2.1. Расчеты с иностранными исполнителями. В соответствии с подп. «д» п. 2 ст. 8.3 Закона № 275-ФЗ, расчеты с иностранными исполнителями в рамках ГОЗ осуществляются на основании перечня по сделке, составленного головным исполнителем и согласованного с госзаказчиком [Законопроект № 671661-8 ...]. В свою очередь, исполнители второго и далее уровней кооперации не имеют возможности пользоваться услугами иностранных организаций, к которым в том числе относятся производители из стран СНГ. Кроме того, отдельный банковский счет является рублевым. Конвертации иностранной валюты для оплаты товаров, работ и услуг иностранного исполнителя Законом № 275-ФЗ не допускается. При длительности согласования таких платежей с Минобороны России, на практике они производятся, как правило, из собственных средств предприятий, что осложняет финансовое положение последних.

На сегодняшний день возможность расчетов с иностранными исполнителями ограничена вследствие ужесточения санкционного режима в отношении российской экономики. Однако она актуальна для закупки технологического оборудования по прямым контрактам со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Тем более что предприятия – исполнители ГОЗ вынуждены приобретать необходимые комплектующие и компоненты иностранного производства через организации-посредники, которые категорически отказываются от заключения договоров в рамках ГОЗ.

В свете вышеизложенного и в интересах ускорения процесса выполнения ГОЗ предлагается не применять режим использования отдельного счета по контрактам, стоимостью до 1 млн руб. при закупке «мелкой» номенклатуры комплектующих.

2.2. Отказ предприятий от заключения контрактов ГОЗ. Для организаций, являющихся уникальными в своем роде либо единственными поставщиками, которые не желают заключать контракты по условиям ГОЗ, в РФ предусмотрен ряд принудительных мер от включения в реестр недобросовестных поставщиков до уголовной ответственности. Указанные меры относятся исключительно к изготовителям принятой на вооружение оборонной продукции. Однако существует пробел в законодательстве в отношении поставщиков продукции, изготовленной по единым требованиям для применения в продукции военного и гражданского назначения (постановление Правительства РФ № 2386 от 21.12.2021). В связи с этим у предприятий возникают проблемы при использовании оборотных средств, а также вытекающие из статуса соисполнителя обязанности по предоставлению отчетности по ГОЗ и специфика ценообразования (в части ограничения рентабельности в случае обоснования цены затратным методом).

Так, в случае работы по ГОЗ, на соисполнителя (поставщика) распространяется требование ведения раздельного учета в соответствии с постановлением Правительства РФ № 47 от 19.01.1998. Однако понятие раздельного учета в законодательстве четко не сформулировано. Отдельные эксперты считают достаточным признаком раздельного учета наличие бухгалтерских аналитик (заказов) в разрезе контрактов и ведение группировки затрат в стандартных формах расчетно-калькуляционных материалов. Другие придерживаются мнения, что полная себестоимость по контракту в рамках ГОЗ должна формироваться в учетной системе 1 С на соответствующей аналитике.

Внесенные в 2021 г. Законом № 133-ФЗ изменения в Закон 275-ФЗ предоставили заказчику право выбора в части упоминания идентификатора государственного контракта в соответствующих контрактных документах (в том числе в рамках лимита 5 млн руб.). Соответственно поставщики, получая оплату с оборотных средств покупателя, могут не знать, что поставка осуществляется для целей ГОЗ, и не являются соисполнителями ГОЗ. Однако контрольно-надзорные органы не согласны с этой позицией, поскольку такая организация фактически выступает соисполнителем.

Кроме того, в случае работы по ГОЗ поставщик должен руководствоваться правилами ценообразования, изложенными в соответствующих нормативно-правовых актах (Постановление Правительства Российской Федерации от 02.12.2017 № 1465, Приказ Минпромторга России от 08.02.2019 № 334 (ред. от 17.05.2024) «Об утверждении порядка определения состава затрат, включаемых в цену продукции, поставляемой в рамках государственного оборонного заказа», Приказ ФАС России от 16.12.2022 № 995/22 «Об утверждении форм документов, предусмотренных положением о государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2017 года № 1465», Приказ

Минэкономразвития России от 01 апреля 2020 г. № 190 «Об утверждении Порядка применения индексов цен и индексов-дефляторов по видам экономической деятельности, а также иных показателей в составе прогноза социально-экономического развития Российской Федерации при формировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу» и т. д.). Основной метод ценообразования при этом – затратный. Размер прибыли жестко регламентирован, все затраты должны быть экономически обоснованы и документально подтверждены. Как следствие – значительный объем документальной работы и цены, которые при сопоставимых по составу работах ниже, чем на «гражданском» рынке. В этих условиях об инвестировании в расширение производства и повышение его производительности не может быть и речи.

Следствием подобных ограничений является то, что при наличии выбора – поставлять продукцию по ГОЗ или по гражданским контрактам – поставщики настаивают на последнем варианте. В связи с этим представляется целесообразным расширить регулятивные меры со стороны государства, охватив субъектов в сфере производства продукции так называемого «двойного» назначения.

2.3. Перераспределение ресурсов контрактов. В 2024 г. данная проблема не потеряла своей актуальности. При формальном разрешении использования ресурсов одного контракта для выполнения другого контракта (согласно письму Минобороны России № 189/6/5382 от 08.09.2022) в законодательстве данный механизм четко не прописан. Поэтому сохраняются риски предъявления предприятиям претензий в нецелевом использовании средств контрольно-надзорными органами.

2.4. Снятие прибыли при частичном (поэтапном) исполнении контракта. Данная проблема является частной по отношению к изложенной выше (в блоке 1).

Так, согласно подп. «в» п. 2 ст. 8.3 Закона № 275-ФЗ, головному исполнителю разрешено при частичном исполнении государственного контракта переводить прибыль на другие счета. Указанная норма не предусмотрена для исполнителей по кооперации (соисполнителей) после завершения этапа и передачи продукции заказчику. В результате денежные средства, поступающие на отдельный счет за выполненные этапы работ по таким контрактам, длительное время фактически находятся без движения, подвергаясь, как уже было отмечено, воздействию инфляционных и иных негативных экономических факторов. Одновременно с этим предприятие вынуждены привлекать кредитные средства для обеспечения производственных нужд срочного характера и реализации инвестиционных программ развития.

Вместе с тем подп. «г» п. 2 ч. 1 ст. 8.3 Закона № 275-ФЗ головному исполнителю предоставлено право распоряжаться прибылью по окончании этапа контракта. Представляется, что такую возможность можно предоставить и его соисполнителям по ГОЗ.

2.5. Окончательный расчет за поставленную продукцию. Данный вопрос также является частным по отношению к проблеме, изложенной в блоке 1.

В соответствии с Федеральным законом от 28.06.2022 № 210-ФЗ «О внесении изменений в статьи 8 и 12 Закона 275 ФЗ Правительством РФ в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 12 в постановлении от 19.09.2022 № 1658 утверждены типовые условия контрактов по ГОЗ.

Так, п. 2 подп. «и» Постановления гласит: «В контракт на поставку продукции по государственному оборонному заказу включаются следующие типовые условия: порядок осуществления расчетов (в том числе авансирования в случае, если при заключении контракта принято решение об авансировании) по выполнению контракта. При установлении этапов (периодов) его выполнения указывается этапность осуществления расчетов».

В последнее время на некоторых предприятиях-исполнителях ГОЗ наблюдается тенденция обязательного включения в договоры следующих условий: «окончательный расчет за поставленную продукцию покупателем осуществляется в течение 30 рабочих дней с момента приемки покупателем партии продукции от поставщика при условии получения денежных средств от государственного заказчика за поставленную продукцию по государственному контракту». В то же время норма, устанавливающая прямую обязанность (или запрет) производить оплату соисполнителю только после поступления от головного заказчика расчета, в законодательстве о ГОЗ отсутствует. Вместе с тем судебные инстанции зачастую принимают решения, что такая практика является особенностью договорных отношений и соответствует сложившейся практике делового оборота в рамках ГОЗ.

Включение таких условий в договоры ставит соисполнителей ГОЗ в зависимость от получения денежных средств третьими лицами. С учетом длительного периода согласования стоимости продукции головным исполнителем с государственным заказчиком окончательный расчет исполнители могут ожидать до нескольких лет. Как показывает практика, включение таких условий в договоры значительно увеличивает финансовую нагрузку на исполнителей ГОЗ. В связи с этим предлагается на законодательном уровне исключить финансовую зависимость соисполнителя ГОЗ от окончательного расчета третьих лиц.

Поддержка предприятий ОПК на федеральном и региональном уровнях

Говоря о государственном стимулировании выполнения ГОЗ, можно отметить, что оно сосредоточено в нескольких федеральных проектах, подразумевающих финансирование самих организаций ОПК и кредитных учреждений, задействованных в этом процессе, а также софинансирование расходных обязательств регионов и не предполагает участия в решении проблем их кооперационного взаимодействия. В частности, предусмотрена

поддержка промышленных предприятий посредством выполнения федеральных программ и проектов, к которым относятся:

- федеральный проект (ФП) «Стимулирование развития оборонно-промышленного комплекса» в рамках Государственной программы РФ «Развитие оборонно-промышленного комплекса», который предусматривает выплаты и мероприятия, направленные на финансовую и организационную поддержку кадровой, технологической и экономической составляющей производства;
- ФП «Разработка и внедрение электронной и радиоэлектронной продукции» Государственной программы РФ «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности», предусматривающий субсидии российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, которые были выданы российским организациям, осуществляющим деятельность в сфере электронной и радиоэлектронной промышленности, необходимым в первую очередь для выполнения ГОЗ;
- ФП «Поддержка региональных программ развития промышленности», который предполагает выдачу субсидий в целях софинансирования расходных обязательств субъектов РФ, возникающих при реализации региональных программ развития промышленности (на основании постановления Правительства РФ от 15.04.2014 № 328).

Необходимо подчеркнуть, что создание в 2014 г. Фонда промышленного развития положило начало процессу формирования распределенной системы поддержки промышленности на местах, с вертикальной системой управления. Анализ результатов деятельности Фонда в 2015–2022 гг. представлен в работе [Стариков, Евсеева, Наумов, 2022].

Меры поддержки предприятий ОПК на региональном уровне. В настоящее время финансовая поддержка промышленных предприятий, в том числе ориентированных на выполнение ГОЗ, организуется через региональные фонды развития промышленности, которые на сегодняшний день действуют в 66 регионах РФ. Как было отмечено ранее, правительствами регионов оказывается также помочь в части кадрового обеспечения предприятий, которая, в зависимости от региона, может дополняться теми или иными мерами.

Например, в Тульской области региональный Фонд развития промышленности работает с 2016 г. [Фонд развития промышленности Тульской области ...], в Республике Башкортостан – с 2017 г. [О фонде ...].

В Республике Башкортостан Фондом реализуется программа «Регион», в рамках которой предприятиям предоставляется льготное заемное финансирование для реализации проектов, направленных на внедрение передовых технологий, модернизацию производства, создание новой конкурентоспособной и высокотехнологичной продукции гражданского назначения с импортозамещающим и/или экспортным потенциалом. В этих целях Фондом разработан и применяется специальный стандарт «Условия и порядок отбора проектов для финансирования по программе «Регион»».

Автономное учреждение «Региональный фонд развития промышленности Воронежской области» (АУ «РФРП ВО») создан в целях стимулирования развития промышленности региона. В соответствии с информацией, представленной на официальном информационном ресурсе фонда [Меры поддержки ...], предоставляет господдержку предприятиям в форме льготного займа, а также бесплатной информационно-консультационной поддержки организациям, в том числе субъектам малого и среднего предпринимательства. Кроме того, в рамках мер поддержки, предоставляемых субъектам деятельности в сфере промышленного производства на региональном уровне, выделяются [Меры поддержки ...]:

- субсидии из областного бюджета на возмещение части затрат промышленных предприятий, связанных с приобретением нового оборудования (в соответствии с постановлением Правительства Воронежской области от 21.08.2023 № 588);
- субсидии на возмещение части затрат на разработку и внедрение инновационных технологий, научно-исследовательских работ и опытно-конструкторских разработок для реализации инвестиционных проектов (в соответствии с постановлением Правительства Воронежской области от 18.07.2023 № 491);
- субсидии промышленным предприятиям на возмещение части затрат, связанных с участием в выставочно-ярмарочных мероприятиях (в соответствии с постановлением Правительства Воронежской области от 16.05.2023 № 354).

В Самарской области задачами фонда являются обеспечение притока высококвалифицированных специалистов на предприятия и расширение образовательных программ всех уровней. Для повышения качества подготовки по инженерным специальностям реализуется программа по повышению качества инженерного образования «Инженеры будущего».

В качестве приоритетных задач определены в том числе обеспечение бесперебойной работы общественного транспорта, следующего к предприятиям ОПК, и развитие социальной инфраструктуры для обеспечения потребностей семей работников в образовании, медицине и другим.

В Самарской области главными задачами фонда являются обеспечение притока высококвалифицированных специалистов на промышленные предприятия и расширение образовательных программ. Для повышения качества подготовки по инженерным специальностям реализуется программа «Инженеры будущего». Другими направлениями выступает поддержание бесперебойной работы общественного транспорта, следующего к предприятиям ОПК, и развитие социальной инфраструктуры для удовлетворения потребностей семей работников промышленных предприятий в образовании, медицинском обслуживании и других услугах социального характера. По инициативе руководителя одного из предприятий в регионе запланировано проведение еженедельных ярмарок возможностей для представителей малого и среднего предпринимательства в целях создания связей по поставкам с крупными ком-

паниями. Кроме того, 19 июня 2024 г. в Самарской области был сформирован штаб по оказанию содействия бесперебойной работе региональных предприятий ОПК [В Самарской области создали штаб … , 2024].

Задача расширения региональных фондов развития промышленности в настоящее время находит поддержку и на федеральном уровне. Так, Комитет Госдумы по промышленности и торговле поддержал инициативу о региональных фондах развития промышленности, уже определена их структура и порядок работы органов управления. Соответствующий законопроект разработан в соответствии с планом деятельности Правительства на 2024 г. и предназначен для улучшения управления государственными фондами развития промышленности. Проект закона рекомендован к принятию в первом чтении 25 сентября 2024 г. на заседании Комитета Госдумы по промышленности и торговле [Законопроект № 671661–8 О внесении изменений … , 2024].

Кроме того, Минпромторг России адресно планировал направить в 2024 г. в фонды развития промышленности новых регионов более 3 млрд руб. Эти средства должны были пойти на восстановление важных промышленных предприятий [Фонды развития промышленности в новых регионах … , 2023].

Приведенные примеры показывают, что и на федеральном, и на региональном уровнях вопросы кооперации исполнителей ГОЗ, включая отношения на уровне «головной исполнитель-заказчик», не рассматриваются и предприятия вынуждены решать их самостоятельно. Одним из наиболее действенных вариантов привлечения региональных органов власти к организации подобных кооперационных отношений представляется их вовлечение в межрегиональные цепочки на этапах заключения контрактов по ГОЗ. При таком подходе в соответствующей структуре органа региональной власти (министрство, департамент, комитет, управление) должен быть введен учет контрактов (договоров соисполнения) по ГОЗ в форме реестра с его ежемесячной актуализацией и докладом руководству региона на отдельных совещаниях для реализации при необходимости последующих управленических мер. Принятые решения на совещаниях по проблемным вопросам также должны доводиться до государственных заказчиков и иных органов государственной власти.

Заключение

Представленные в обзоре результаты исследований подтверждают актуальность работы по формированию устойчивой кооперации предприятий ОПК и ее эффективного функционирования для исполнения ГОЗ.

Это тем более важно, что режим исполнения ГОЗ жестко регламентирован в целях государственного контроля за движением финансовых потоков и управлением ценами на военную продукцию. Однако такая ситуация приводит и к негативным явлениям: отсутствию конкуренции и стимулов к повышению производительности труда, а также низкому уровню инвестирования в основные средства. Предприятиям достаточно сложно

прогнозировать свою работу в рамках ГОЗ, так как его объем может резко меняться (как расти, так и снижаться), на что само предприятие влиять не в состоянии. Региональные органы власти на указанные обстоятельства также не оказывают влияния в силу отсутствия у них на это полномочий, оформленных на законодательном уровне. Представляется целесообразным пересмотреть подходы к нормативному регулированию правил выполнения ГОЗ для более активного вовлечения в этот процесс региональных органов власти.

При организации кооперационных отношений, в том числе в звене «головной исполнитель-заказчик», предприятиям ОПК необходима более значимая поддержка со стороны региональных властей. Для этого требуется доработка действующих нормативно-правовых актов, а также увеличение набора мер поддержки и софинансирования региональными властями исполнителей и соисполнителей ГОЗ, в том числе в направлении снижения налоговых нагрузок и расширении льготного кредитования.

Список литературы

1. Волков В.И., Быстров Е.Н. Гособоронзаказ: состояние с выполнением и проблемные вопросы развития предприятий ОПК // Научный вестник ОПК России. – 2020. – № 2. – С. 41–54.
2. В Челябинской области число предприятий с гособоронзаказом выросло в четыре раза // Сетевое издание «Коммерсантъ». – 2023. – 17.04. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5939753> (дата обращения 09.09.2024).
3. В Пермском крае гособоронзаказ за 2022 год вырос на 70% // Сетевое издание «ТЕЛЕКОМПАНИЯ ВЕТТА». – 2023. – 01.02. – URL: <https://vettta.tv/news/economics/v-permskom-krae-gosoboronzakaz-za-2022-god-vyros-na-70/> (дата обращения 09.09.2024).
4. В Самарской области создали штаб по содействию беспрерывной работе предприятий ОПК // Сетевое издание Информационное агентство ТАСС. – 2024. – 19.06. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/21143869> (дата обращения 09.09.2024).
5. Годовые отчеты Росфинмониторинга. – 2024. – 14.05. – URL: <https://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports> (дата обращения 12.09.2024).
6. Гособоронзаказ на предприятиях Кировской области увеличился в несколько раз // Сетевое издание «Новое телеграфное агентство Приволжье» («НТА-Приволжье»). – 2023. – 20.06. – URL: https://nta-pfo.ru/news/industry/2023/news_673768/ (дата обращения 09.09.2024).
7. Гособоронзаказ растет и будет расти // Электронное периодическое издание Оборона.Ру. – 2024. – 10.04. – URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/gosoboronzakaz-rastet-i-budet-rasti-45671.shtml> (дата обращения 05.09.2024).
8. Законопроект № 671661-8 О внесении изменений в статью 11 Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации». Включен в Календарь рассмотрения вопросов Государственной Думой на 03.10.2024 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/671661-8> (дата обращения 09.09.2024).

9. Кабанов В.В. Проблемы регулирования государственного оборонного заказа // Мировая наука. – 2020. – № 12(45). – С. 156–159.
10. Контакты РФРП // Фонд развития промышленности. – URL: <https://bod.frprf.ru/public/documents/kontakty-regionalnykh-frp> (дата обращения 09.09.2024).
11. Мантуров сообщил о двукратном росте гособоронзаказа // Сетевое издание «Коммерсантъ». – 2023. – 25.12. – URL: <https://www.kommersant.ru/amp/6425809> (дата обращения 09.09.2024).
12. Меры поддержки // Региональный фонд развития промышленности Воронежской области. – URL: <https://rfrp36.ru/меры-поддержки-2022> (дата обращения 09.09.2024).
13. Мурадов Р.Э. Основы правового регулирования государственного оборонного заказа // Отечественная юриспруденция. – 2023. – № 1(50). – С. 13–15.
14. О Фонде // Некоммерческая организация «Фонд развития промышленности Республики Башкортостан» – URL: <https://frprb.ru/o-fonde2>
15. Объем гособоронзаказа в России после начала СВО увеличился в 10 раз – глава «Ростеха» // Сетевое издание Overclockers.ru. – 2023. – 19.12. – URL: <https://overclockers.ru/world/show/131006/obem-gosoboronzakaza-v-rossii-posle-nachala-svo-uvelichilsya-v-10-raz-glava-rosteha> (дата обращения 09.09.2024).
16. Предприятия ОПК региона получают всестороннюю поддержку правительства Новосибирской области // Правительство Новосибирской области. – 2024. – 22.04. – URL: <https://www.nso.ru/news/64904> (дата обращения 11.09.2024).
17. Сергеев О.В., Шишков В.В. Проблемные вопросы гособоронзаказа, предложения по их решению и повышению эффективности выделяемых средств // Научный вестник ОПК России. – 2019. – № 1. – С. 27–34.
18. Смурров А.М. Проблемные вопросы реализации государственного оборонного заказа и возможные способы их решения // Известия СПбГЭУ. – 2017. – № 4(106). – С. 27–35.
19. Стариков Е.Н., Евсеева М.В., Наумов И.В. Фонд развития промышленности как инструмент формирования промышленного пути: региональный аспект // Вестник ТГЭУ. – 2022. – № 3(103). – С. 23–36.
20. Фонд развития промышленности Тульской области. – URL: <https://frp71.ru/about> (дата обращения 09.09.2024).
21. Фонды развития промышленности в новых регионах получат крупные средства // Российская газета – Неделя – Юг России. – 2023. – № 67(9012), 29.03. – URL: <https://rg.ru/2023/03/29/fondy-razvitiia-promyshlennosti-v-novyh-regionah-poluchat-krupnye-sredstva.html> (дата обращения: 09.09.2024).
22. Чернышева Г.Н., Савич Ю.А., Нетяга Н.Н. Риски контрактных отношений режимных предприятий в системе государственного оборонного заказа // Организатор производства. – 2022. – № 2. – С. 90–98.
23. Шмелева М.В. Пути совершенствования законодательства в сфере государственного оборонного заказа // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 1. – С. 81–85.

Рукопись получена: 20.09.2024.

Принята к печати: 07.10.2024

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 314.72:332.14(470+571)
DOI: 10.31249/espr/2024.04.09

О.В. Кузнецова*

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ИХ УЧЕТ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее значимые, по мнению автора, современные закономерности формирования межрегиональной возвратной и невозвратной миграции в России, а также предлагаются направления учета этих закономерностей в стратегическом планировании пространственного развития на федеральном уровне. Обосновывается необходимость многовекторной государственной пространственной политики, включая создание условий для социально-экономического развития разных макрорегионов и различных типов населенных пунктов (от крупнейших городов до деревень и сел) и повышение транспортной связности территорий. Рекомендуется учитывать феномен наличия у ряда российских граждан двух и более постоянных равноценных мест жительства, в том числе ввести соответствующие изменения в статистический учет и решить вопросы с распределением по территориям налога на доходы физических лиц.

Ключевые слова: Россия; внутренняя миграция; удаленная занятость; регионы; крупные города; пространственное развитие; стратегическое планирование.

Для цитирования: Кузнецова О.В. Миграционные процессы в современной России и направления их учета в стратегическом планировании пространственного развития // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – № 4. – С. 150–167.

---

* Кузнецова Ольга Владимировна, д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия); kouznetsova_olga@mail.ru.

Kuznetsova Olga Vladimirovna, DSn (Econ. Sci.), Chief Researcher of the Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); kouznetsova_olga@mail.ru.

O.V. Kuznetsova
Migration processes in modern Russia and their consideration
in the strategic planning of spatial development

Abstract. The author considers the most significant, in the opinion of the author, modern Russian patterns of formation of interregional return and non-return migration and suggests ways to take these patterns into account in strategic planning of spatial development at the federal level. The necessity of a multi-vector federal spatial policy is justified including creating conditions for the socio-economic development of different macroregions and various types of settlements (from the largest cities to rural ones), and the importance of increasing the transport connectivity of territories is discussed. It is proposed to take into account in federal policy the phenomenon of a number of Russian citizens having two or more permanent equivalent places of residence, including introducing appropriate changes to statistical accounting and resolving issues with the distribution of personal income tax by territories.

Keywords: Russia; internal migration; remote employment; regions, capital cities; spatial development; strategic planning.

For citation: Kuznetsova O.V. Migration processes in modern Russia and their consideration in the strategic planning of spatial development // Economic and Social Problems of Russia. – 2024. – N 4. – P. 150–167.

Введение

В текущем, 2024 г., идет активная работа над разработкой новой Стратегии пространственного развития России – на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. [Михаил Мишустин ..., 2024]. Это связано как с приближающимся завершением срока реализации аналогичной действующей Стратегии (утвержденной в 2019 г. на период до 2025 г. [Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 ...]), так и с принципиально изменившимися условиями пространственного развития страны, включая вхождение в ее состав четырех новых субъектов РФ¹. Вместе с тем, наряду с новыми реалиями, при разработке Стратегии важно учитывать и сложившиеся долгосрочные тренды пространственного развития страны, в том числе связанные с особенностями формирования миграционных потоков.

Значимость учета миграционных потоков при разработке Стратегии пространственного развития определяется тем, что одно из ключевых мест в ней вполне оправданно занимают вопросы, связанные с системой расселения. В действующей Стратегии говорится, что «пространственное развитие – это совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной госу-

---

¹ В силу отсутствия статистических данных по новым субъектам РФ, все данные в статье приводятся без их учета.

дарственной политики регионального развития». Одновременно речь идет и о том, что пространственное развитие должно быть нацелено на «повышение устойчивости системы расселения» [Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 ...], под которым подразумеваются, прежде всего, сохранение населения в геостратегически значимых регионах и в сельской местности, а также предотвращение нарастающей и чрезмерной концентрации населения в крупнейших городах. Для выработки федеральной политики в отношении системы расселения важно понимать масштабы идущих в ней трансформаций и их причины.

Цель данной статьи – рассмотреть наиболее значимые, на наш взгляд, современные закономерности формирования миграционных потоков (как невозвратной, так и возвратной миграции) в России преимущественно в разрезе макрорегионов (федеральных округов – далее по тексту ФО) и регионов (субъектов Федерации) и предложить возможные направления учета этих закономерностей в стратегическом планировании пространственного развития на федеральном уровне.

Сдвиги в размещении населения в разрезе макрорегионов и регионов

Миграционные потоки между российскими макрорегионами и регионами, в том числе с начала рыночных преобразований в стране, уже не раз становились объектом научных исследований (например, [Рыбаковский, 2021; Мкртчян, 2023; Россия 2035 ... , 2024; Рыбаковский, Таюнова, 2019]). Поэтому в данном случае акцентируем внимание только на отдельных, актуальных с точки зрения стратегического планирования пространственного развития, вопросах.

Изменение распределения и динамики численности населения по ФО и отдельным субъектам РФ представлено в таблице 1. Выбор в качестве базового для анализа 2014 г. обусловлен тем, что это первый год, за который есть данные по Республике Крым и г. Севастополю. Также именно в середине 2010-х годов существенно активизировалась федеральная поддержка социально-экономического развития Дальнего Востока страны [Развитие экономики ... , 2020], который с начала 1990-х годов отличался максимальными темпами миграционного оттока населения. Последнее стало одной из важнейших причин пристального внимания к вопросам социально-экономического развития этого макрорегиона со стороны федеральных органов власти. Важны, безусловно, не только миграционные потоки, но и естественное движение населения. Однако вклад повышенной рождаемости в позитивную динамику численности населения является решающим только для части так называемых национальных регионов (республик) и ряда северных территорий, связанных с нефтегазодобычей, демографическая структура которых характеризуется высокой долей населения молодых возрастов. Преимущественная роль миграционного притока в росте численно-

Таблица 1

**Изменение численности населения
регионов России в 2014–2022 гг.
(по состоянию на конец года)**

Федеральные округа и субъекты РФ	Доля в РФ, %		Отношение численности населения в 2022 г. к 2014 г., %
	2014 г.	2022 г.	
Российская Федерация в целом	100,00	100,00	99,8
Центральный ФО	26,84	27,48	102,2
г. Москва и Московская область	13,53	14,81	109,3
Калужская область	0,70	0,73	103,8
другие субъекты РФ ЦФО	12,61	11,93	94,4
Северо-Западный ФО	9,43	9,47	100,2
г. Санкт-Петербург и Ленобласть	4,83	5,21	107,6
Калининградская область	0,66	0,70	106,4
другие субъекты РФ СЗФО	3,94	3,56	90,0
Южный ФО	11,16	11,36	101,6
Краснодарский край и Республика Адыгея	4,07	4,31	105,9
Республика Крым и г. Севастополь	1,56	1,69	107,9
другие субъекты РФ ЮФО	5,53	5,36	96,7
Северо-Кавказский ФО	6,63	6,97	104,9
Приволжский ФО	20,25	19,59	96,5
Уральский ФО	8,36	8,37	99,9
Тюменская область без АО	0,99	1,10	111,1
Сибирский ФО	11,72	11,37	96,8
Дальневосточный ФО	5,61	5,40	96,1

Источник: [Приложение к сборнику ..., 2023].

сти населения в большинстве российских регионов обусловлена еще и влиянием пандемии COVID-19: даже в тех субъектах РФ, где до ее начала фиксировались положительные значения естественного прироста населения (например, в г. Москве, Санкт-Петербурге, Республике Татарстан), после они сменились отрицательными.

Как видно из представленных в табл. 1 данных, в последние годы, несмотря на все предпринимавшиеся усилия (включая такие меры соци-

альной политики, как « дальневосточный гектар » и « дальневосточная ипотека »), Дальний Восток характеризовался максимальным среди всех ФО сокращением численности населения, причем основной вклад в такую динамику вносит именно миграционный отток. Его удалось замедлить, но не преодолеть (по предварительным данным за 2023 г., сальдо миграции на Дальнем Востоке продолжало оставаться отрицательным [Социально-экономическое положение ..., 2024]). Важно добавить, что положительное сальдо миграции фиксировалось только в некоторых дальневосточных регионах в отдельные годы, т. е. в макрорегионе нет ни одного субъекта РФ, который бы являлся исключением из общего правила в части миграционной динамики населения. Хотя можно отметить рост в рассматриваемом периоде численности населения Республики Саха (Якутия) на 4,0%, который был обусловлен естественным приростом, превысившим миграционный отток.

Лишь немногим лучше ситуация с динамикой численности населения в Сибирском и Приволжском ФО в целом, но положение в субъектах РФ в их границах заметно различается. Так, стабильно высокий миграционный приток свойственен Республике Татарстан и Новосибирской области (в которых имел место общий рост численности населения). В основном позитивная миграционная ситуация наблюдается еще в трех регионах с городами-миллионниками – Республике Башкортостан, Самарской области и Красноярском крае.

Традиционными центрами притяжения мигрантов продолжают оставаться два «столичных» региона – г. Москва с Московской областью и г. Санкт-Петербург с Ленинградской областью, а также субъекты РФ Южного ФО. К Краснодарскому краю и Республике Адыгея (частично входящей в агломерацию г. Краснодара) добавились Республика Крым и г. Севастополь (в последнем численность населения с 2014 г. выросла на 40%). Учитывая сохраняющийся высокий естественный прирост населения в Северо-Кавказском ФО в целом, вхождение в состав России новых субъектов, продолжающееся развитие на юге России аграрного и туристического секторов, повышение значимости южных морских портов в поддержании внешнеэкономических связей, можно говорить о весьма значимом тренде смещения населения и экономической активности именно в направлении Юга России (подробнее см. [Дружинин, Кузнецова, 2023]).

Приведенные данные (табл. 1) и миграционные тренды последних лет являются наглядной иллюстрацией того, что звучащие подчас в СМИ или в экспертных обсуждениях утверждения о перспективах сдвига центра тяжести российской экономики на восток страны (а не просто о перспективах увеличения его значимости) являются сильно преувеличенными. На сегодняшний день на Сибирь и Дальний Восток приходится менее 17% населения страны. Для того, чтобы доля восточной части страны в общей численности российского населения достигла хотя бы четверти, в Сибирь и

на Дальний Восток должно переехать более 12 млн человек, трети – около 24,5 млн человек, что вряд ли можно назвать реалистичной задачей¹. Из этого, в свою очередь, следует, что государственная пространственная политика неизбежно должна оставаться многовекторной. При этом основной зоной расселения в перспективе по-прежнему будет оставаться западная часть страны.

Вместе с тем дальнейшее сокращение доли восточных регионов России в численности ее населения неприемлемо. Поэтому важно понять и преодолеть причины сохраняющегося миграционного оттока. Очевидно, что это связано с ограниченным количеством и качеством мест приложения труда, а также недостаточно высоким уровнем жизни. Особо, на наш взгляд, стоит обратить внимание на проблемы с обеспеченностью населения жильем и жилищным строительством, прежде всего, на Дальнем Востоке. И дело не только в пониженных масштабах такого строительства (при том, что уровень обеспеченности населения жильем в макрорегионе примерно на 10% ниже среднероссийского), но и высоких ценах на жилье. Так, по данным на конец 2022 г., по ценам на первичном рынке жилья самый привлекательный по условиям жизни на Дальнем Востоке Приморский край занимал 5-е место среди всех субъектов РФ, уступая только московскому и петербургскому регионам. Причем по сравнению с Московской областью цена квадратного метра жилой площади в Приморье была лишь на 5% ниже. Остальные дальневосточные регионы, за исключением Республики Бурятия, заняли места с 6 по 19 (по Еврейской АО и Чукотскому АО данных нет), и только в этой республике цены на первичном рынке жилья оказались сопоставимы с ценами «обычных» (нестоличных) областей центральной России. Аналогичная ситуация и с ценами на вторичном рынке жилья (оценки автора по [Приложение к сборнику … , 2023]). Такое соотношение подталкивает жителей Дальневосточного ФО к отъезду в другие регионы страны, с более низкой стоимостью приобретения жилья и одновременно более благоприятные по своим природно-климатическим условиям. Поэтому одной из предпосылок динамичного развития Дальнего Восто-

¹ Ряд авторов включают в Сибирь Тюменскую область – ранее входившую в Западно-Сибирский экономический район, а теперь находящуюся в Уральском ФО. Однако, во-первых, это принципиальным образом не меняет пропорции распределения населения между западной и восточной частями страны (на Тюменскую область с входящими в ее состав автономными округами приходится 2,6% населения России). Во-вторых, в настоящее время Тюменскую область можно рассматривать как часть Уральского ФО не только формально. По автомобильным дорогам расстояние от г. Тюмень до уральских региональных центров составляет – до г. Курган 200 км, Екатеринбург – 330 км, Челябинск – 450 км, тогда как до ближайшего административного центра Сибирского ФО (Омска) – 630 км. Строящаяся трасса М-12 еще больше усилит связь Тюмени именно с Европейской частью страны, а продолжительность авиаперелета из Тюмени в Москву сейчас даже меньше, чем из Москвы в Сочи или в Калининград.

ка (да и не только его) является нормализация ситуации на рынке жилья (что является темой для отдельного исследования).

Анализируя данные по миграции населения в разрезе субъектов РФ, следует обратить внимание на отсутствие прямой зависимости между численностью населения крупнейшего города региона и миграционной ситуацией в нем. Так, среди субъектов РФ с городами-миллионниками есть регионы со стабильным миграционным оттоком, например Пермский край и Омская область. Можно предположить, основываясь также на сопоставлении масштабов миграции по другим регионам с городами-миллионниками, что причиной является неудачное в современных условиях географическое положение городов Перми и Омска.

Напротив, примеры Калининградской, Тюменской, Белгородской областей (последней – до начала СВО) и Краснодарского края, показывают, что привлекательными для мигрантов могут оказываться и менее крупные города. Наряду с преимуществами жизни в крупных городах (такими, как повышенный уровень доходов, разнообразие рабочих мест, развитая социальная инфраструктура) и благоприятными климатическими условиями, значимым фактором привлечения мигрантов являются формирование позитивного имиджа региона, реализация программ по созданию комфортной городской среды и жилищному строительству (часто имеет место сочетание этих факторов). Поэтому совершенно оправданно то внимание, которое в настоящее время стало уделяться в рамках государственной пространственной политики, в том числе на федеральном уровне, повышению качества жизни в населенных пунктах разного типа.

Продолжающаяся концентрация населения в крупных городах

Активно обсуждаемой в последние годы закономерностью миграционных потоков в России является продолжающаяся миграция населения из малых городов и сельской местности в крупнейшие города (прежде всего, в Московскую агломерацию) и административные центры субъектов РФ [Мкртчян, Гильманов, 2023; Мкртчян, 2024]. В целом это оценивается скорее как отрицательный тренд, связанный со сжатием (в негативном смысле этого понятия) освоенного пространства [Сжатие социально-экономического пространства …, 2010; Нефедова, Трейвиш, 2020], который сопряжен с рисками обезлюдивания геостратегически важных территорий, подрывом условий для развития сельской местности и, как следствие, сельского хозяйства. Подобного рода ситуация является непростым вызовом для государственной политики. Ведь привлекательность для мигрантов столичных городов может, конечно, отчасти объясняться недостатками государственного управления, но все же по большей части является следствием объективных преимуществ таких городов, особенно с высокой людностью (рис. 1).

Рис. 1. Причины концентрации населения

и экономической активности в столичных городах

Источник: составлено автором по [Кузнецова, 2018; Кузнецова, 2019].

Одним из факторов, способных сдержать рост крупнейших городов, нередко называлось (особенно в период пандемии COVID-19) развитие удаленной занятости. В самом деле, дистанционная работа позволяет иметь место работы в крупном городе и жить в небольшом населенном пункте, «на природе». Однако на деле оказалось, что удаленная занятость, скорее наоборот, способствует развитию пусть не самих крупных городов, но их агломераций. Переход на удаленную или более эффективную комбинированную (в силу сохраняющихся возможностей передачи неявного знания) занятость упрощает людям решение жилищной проблемы. При невозможности для подавляющего большинства граждан иметь собственное жилье в столицах или другом крупном городе, строительство своего дома или покупка квартиры в пригородах является вполне приемлемым решением жилищного вопроса в ситуации, когда нет необходимости в ежедневных поездках на работу в город. В результате дистанционная работа стала характерной преимущественно для жителей крупнейших городов (табл. 2).

Крупнейшие города традиционно считаются центрами научно-исследовательской деятельности и инноваций. К сожалению, подтверждающие это статистические данные непосредственно по городам России отсутствуют. Однако распределение исследователей и профессорско-преподавательского состава (ППС) вузов (занятого не только подготовкой кадров, но и непосредственно научными исследованиями) по субъектам РФ показыва-

Таблица 2

**Особенности удаленной занятости
в разных типах населенных пунктов в 2021–2022 гг.
(% ответивших на вопрос о формате работы*)**

Ответы о формате работы	2021	2022						
		Всего	Москва и СПб	Города от 1 млн человек	Города от 500 до 950 тыс.	Города от 100 до 500 тыс.	Города до 100 тыс., пгт	Села
Преимущественно удаленная работа	11%	10%	20%	15%	10%	11%	6%	5%
Комбинированная занятость	12%	9%	16%	12%	9%	8%	8%	6%
Работа преимущественно в офисе или разъездная	75%	76%	63%	71%	76%	77%	81%	82%
Затруднились с ответом	2%	5%	0%	3%	4%	4%	6%	7%

* Сумма ответов составляет 100%±1% в силу округления.

Источник: составлено автором по [Удаленная работа … , 2021; Один из дома … , 2022].

ет высокую концентрацию указанных категорий занятых именно в регионах с городами-миллионниками (исключениями являются только Томская и Тюменская области; см. табл. 3). В ситуации необходимости обеспечения технологического суверенитета России данное обстоятельство служит еще одним аргументом, подтверждающим потребность в многовекторной государственной (прежде всего, федеральной) пространственной политике, которая предусматривала бы создание условий для развития всех типов населенных пунктов – от крупнейших городов до деревень и сел.

Необходимость в рамках стратегического планирования уделять внимание развитию всех типов населенных пунктов, включая уже сложившиеся ведущие экономические центры, подтверждается и тем фактом, что на сегодняшний день нет сколько-нибудь очевидных доказательств замедления темпов экономического роста в стране из-за продолжающейся концентрации населения в таких центрах. В регионах России, в которых наблюдалось увеличение численности населения, обусловленное миграционным притоком, в большинстве случаев имели место ускоренные темпы роста ВРП, денежных доходов населения и жилищного строительства [Россия 2035 … , 2024]. Интересна ситуация на рынке автомобилей: с одной стороны, с начала 2000-х

Таблица 3

Регионы России – лидеры по численности исследователей и ППС, осуществляющего образовательную деятельность по программам высшего образования (по данным 2022 г.)

№ п/п	Субъекты РФ	Доля в численности исследователей, %	Субъекты РФ	Доля в численности исследователей и ППС, %
	Российская Федерация	100,0	Российская Федерация	100,0
1	г. Москва	33,2	г. Москва	28,7
2	Московская область	11,5	г. Санкт-Петербург	10,3
3	г. Санкт-Петербург	10,6	Московская область	7,7
4	Нижегородская область	5,5	Нижегородская область	4,2
5	Свердловская область	3,0	Свердловская область	2,9
6	Новосибирская область	2,8	Республика Татарстан	2,6
7	Республика Татарстан	2,2	Новосибирская область	2,6
8	Челябинская область	2,0	Ростовская область	2,2
9	Воронежская область	1,7	Челябинская область	2,0
10	Самарская область	1,6	Воронежская область	1,8
11	Ростовская область	1,6	Самарская область	1,8
12	Пермский край	1,5	Республика Башкортостан	1,6
13	Томская область	1,3	Красноярский край	1,5
14	Красноярский край	1,3	Томская область	1,5
15	Республика Башкортостан	1,2	Пермский край	1,4
16	Тюменская область без АО	1,2	Краснодарский край	1,4

Источник: рассчитано автором по [Приложение к сборнику . . . , 2023].

годов в России идет сокращение межрегиональных различий в автомобилизации населения (т.е. основной спрос на автомобили предъявляют жители не самых экономически развитых регионов). С другой стороны, продажи новых автомобилей концентрируются в ведущих экономических центрах, вносящих тем самым основной вклад в развитие автопроизводства (табл. 4).

Таблица 4

**Регионы России – лидеры по объему рынка
новых легковых автомобилей в 2021–2022 гг.**

Субъекты РФ	Доля в общей продаже новых легковых автомобилей, %		Доля в численности населения страны на конец 2021 г./начало 2022 г., %
	2021 г.	2022 г.	
г. Москва	14,56	15,58	8,86
Московская область	8,98	8,22	5,81
г. Санкт-Петербург	6,97	6,64	3,82
Краснодарский край	4,66	4,66	3,97
Республика Татарстан	3,99	4,07	2,72
Суммарно 5 регионов-лидеров	39,16	39,17	25,18

Источник: рассчитано автором по [Рынок … , 2023; Приложение к сборнику … , 2023].

На сегодняшний день не отмечается и однозначного замедления темпов экономического роста в г. Москве. Если до середины 2010-х годов происходило стабильное сокращение доли Москвы в суммарном по регионам ВРП, равно как и уровня денежных доходов населения по отношению к среднероссийским показателям, то в последние годы ситуация по меньшей мере неоднозначна. Более того, разрыв в заработной плате и денежных доходах между жителями Москвы и средней по России в целом увеличился (табл. 5).

В обозримой перспективе г. Москва сохранит свою значимость для экономики страны как уже сложившийся экономический и научно-технологический центр и как глобальный город. Поэтому поддержание условий для ее дальнейшего позитивного развития неизбежно. Вместе с тем риски негативных последствий продолжающейся концентрации населения в столичной агломерации, безусловно, сохраняются. В связи с этим необходимы меры по снижению миграционных потоков в столицу и ее пригорода. Следует также развивать другие крупные и крупнейшие города, расширять зону их позитивного влияния на окружающие территории, повышать качество жизни за пределами крупных агломераций, в том числе для сохранения селитебных функций периферийных территорий. Важнейший вклад в решение всех перечисленных задач может внести развитие транспортной инфраструктуры, повышающей связность территорий.

Таблица 5
**Динамика социально-экономического развития г. Москвы
в 2000-е годы**

Годы	Доля в суммарном ВРП по субъектам РФ, %	Среднедушевые денежные доходы населения, % от среднего по РФ	Среднедушевые денежные доходы населения без социальных трансфертов с корректировкой на стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, % от среднего по РФ	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, % от РФ
2000	20,1	351	230,5	145,2
2007	23,9	266	198,2	173,8
2008	24,3	215	158,3	176,7
2009	22,3	237	179,7	179,0
2010	22,2	232	179,1	183,3
2011	21,9	228	173,3	192,1
2012	21,4	211	159,5	183,4
2013	21,8	218	164,4	186,2
2014	21,6	202	153,7	188,4
2015	20,6	200	148,5	189,0
2016	20,4	201	148,2	194,4
2017	20,7	205	153,2	188,5
2018	20,8	210	159,9	191,7
2019	20,8	214	163,5	197,0
2020	21,5	216	171,8	194,9
2021	19,9	220	176,3	197,0
2022	20,3	212	173,7	192,3

Источник: рассчитано автором по [ВРП … , 2024; Приложение к сборнику … , 2023].

Современное многообразие возвратной мобильности

В определенной степени альтернативой невозвратной миграции является миграция возвратная, которой в последние годы исследователями уделяется все больше внимания, в том числе в силу возрастающего многообразия ее форматов. Основной акцент при этом делается на трудовые миграции [Ахметова, 2022; Единак, Ксенофонтов, 2023; Соколова, 2023],

хотя у возвратной мобильности могут быть и другие мотивы [Исследования и оценки масштабов … , 2022].

В возвратных трудовых миграциях традиционно выделяются мятниковые миграции – поездки человека на работу в другой (отличный от места проживания) населенный пункт в каждый свой рабочий день, т. е. предполагающие отсутствие у граждан какого-либо жилья по месту работы. При больших расстояниях между работой и домом, когда ежедневное возвращение домой невозможно, возникают вахтовый метод работы, отходничество или их смешанный вариант – вахтово-отходническая деятельность¹. Причинами возникновения таких форматов работы являются невозможность найти работу по месту постоянного жительства и/или желание иметь более высокооплачиваемую работу. Отказываться от переезда на постоянное место жительство в регионы, где они работают, отходники могут по разным причинам: из-за дороговизны жилья по месту работы, предпочтительности жизни в менее людном населенном пункте (например, в своем индивидуальном доме в городской черте, а не в квартире), сложившихся социальных связей на своей «малой» родине. У отходничества как явления есть свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, обеспечивается относительная стабильность системы расселения (люди все-таки не уезжают из своих городов и сел, которые, тем самым, не теряют шансы на последующее экономическое развитие). С другой стороны, отходничество – не лучший формат занятости с точки зрения сохранения института семьи.

Оценка масштабов возвратной трудовой миграции во всех ее формах – непростая задача. Исследователям приходится разрабатывать разные методические подходы к ее решению, поскольку данные выборочных обследований Росстата не отличаются полнотой и вызывают сомнения в достоверности – скорее всего, они занижают масштабы отходничества [Исследования и оценки масштабов … , 2022; Бабкин, 2023]. Тем не менее по всем регионам страны доступны данные именно Росстата, который самое масштабное

---

¹ Вахтовый метод работы, в отличие от отходничества, предусматривается Трудовым кодексом РФ [Трудовой кодекс … , 2001]. Вахту предлагается использовать, прежде всего, в необжитых, отдаленных районах или районах с особыми природными условиями, чаще всего северных и арктических (где организация постоянного проживания не имеет смысла из-за некомфортности климатических условий, а также обусловленных ими высоких издержек проживания). При этом в Трудовом кодексе РФ оговариваются основные правила организации вахты, в числе которых есть требование доставки работников, работающих вахтовым методом, от места нахождения работодателя или пункта сбора до места выполнения работы и обратно за счет средств работодателя, а также обязанность работодателей создавать специальные вахтовые поселки для проживания работников в период их нахождения на производственном объекте. Отходничество, как и вахта, предполагает выезд работника с постоянного места жительства на работу в другой регион на несколько дней, неделю или даже месяцев (в том числе на сезонные работы), но предполагает организацию самим работником такого метода работы (самостоятельную оплату проезда, съем жилья по месту работы).

к настоящему времени исследование межрегиональной трудовой миграции провел в 2019 г. [О межрегиональной трудовой миграции … , 2019].

Масштабы межрегиональной трудовой миграции в России, по оценкам Росстата, достигли своего максимума в 2018 г. – более 3 млн человек (табл. 6). В 2020-е годы наблюдался тренд снижения масштабов межрегиональной миграции, хотя динамика количества работающих за пределами своего субъекта РФ была нестабильной: 2776,1 тыс. человек в 2020 г., 2853,0 тыс. человек в 2021 г., 2642,6 тыс. человек в 2022 г. и 2690,1 тыс. человек в 2023 г. [Итоги выборочного обследования … , 2024].

Таблица 6

Масштабы и характер межрегиональной трудовой миграции занятого населения в России в 2013–2019 гг., тыс. человек

Годы	Всего работающих на территории других субъектов РФ	в том числе с периодичностью возвращения домой			
		ежедневно	1 раз в неделю	1–2 раза в месяц	реже 1 раза в месяц
2013	2323,1	688,8	318,4	646,1	669,8
2014	2318,6	639,4	319,7	700,9	658,6
2015	2388,0	659,8	328,1	716,1	684,1
2016	2668,7	931,9	320,7	706,8	709,2
2017	2836,0	1047,7	320,2	694,0	774,1
2018	3004,2	1167,1	301,1	694,0	841,9
2019	2928,0	1083,4	261,1	742,2	841,3
в %	100,0	37,0	8,9	25,3	28,7

Источник: составлено автором по [О межрегиональной трудовой миграции … , 2019].

По субъектам РФ данные по продолжительности выезда за пределы регионов, к сожалению, отсутствуют, но картина складывается вполне отчетливая. Субъекты РФ, часть территории которых попадает в границы городских агломераций соседних регионов, становятся лидерами по маятниковым миграциям. В первую очередь это Московская и Ленинградская области (в обеих на работу за пределы своего региона выезжает примерно каждый пятый занятый), а также Республика Адыгея (табл. 7). Центры притяжения вахтовиков/отходников тоже оказываются вполне очевидными – нефтегазодобывающие северные регионы, а также города Москва и Санкт-Петербург (помимо жителей Московской области, которые работали в Москве, из других регионов в столицу приезжали 737 тыс. человек; для г. Санкт-Петербурга аналогичный показатель составил 56,3 тыс. человек).

Таблица 7

Регионы России – лидеры по значимости для них межрегиональной трудовой миграции в 2019 г.

Регионы-лидеры по выезжающим на работу в другие субъекты РФ	Выезжающие на работу в другие субъекты РФ		Регионы-лидеры по въезжающим на работу из других субъектов РФ	Въезжающие на работу из других субъектов РФ	
	тыс. человек	% от занятых		тыс. человек	% от занятых
Московская область	822,1	20,2	Ямало-Ненецкий АО	108,0	34,9
Ленинградская область	170,5	18,3	Ханты-Мансийский АО	198,0	22,2
Республика Адыгея	30,2	16,4	г. Москва	1559,1	21,6
Чувашская Республика	80,0	13,8	Ненецкий АО	2,8	13,5
Республика Калмыкия	15,6	12,9	Чукотский АО	3,5	11,6
Республика Марий Эл	40,4	12,7	Республика Саха (Якутия)	40,1	8,6
Еврейская АО	8,7	11,9	Магаданская область	6,9	8,5
Брянская область	58,7	10,3	г. Санкт-Петербург	226,8	7,5
Республика Мордовия	39,3	9,4	Тюменская область без АО	50,2	7,2
Орловская область	30,7	9,3	Московская область	182,1	4,5
Республика Башкортостан	160,7	8,9	Республика Коми	16,3	4,1
Смоленская область	40,1	8,8	Камчатский край	6,4	3,7
Пензенская область	53,7	8,6	Мурманская область	13,3	3,3
Тульская область	63,4	8,3	Сахалинская область	8,4	3,2
Владimirская область	56,1	8,1	Амурская область	11,2	2,9
Ивановская область	39,6	8,0	Еврейская АО	2,0	2,7
Тверская область	51,4	7,9	Краснодарский край	67,2	2,5
Курганская область	25,4	7,6	Ленинградская область	21,9	2,3
Омская область	67,7	7,1	Хабаровский край	15,1	2,2

Источник: составлено автором по [О межрегиональной трудовой миграции ..., 2019].

Выезжают на работу в другие субъекты РФ в формате вахтовиков/отходников жители регионов с невысоким уровнем социально-экономического развития (денежных доходов населения), относительно близко расположенных к притягивающим работников экономическим центрам (что позволяет минимизировать транспортные расходы и более-менее регулярно приезжать к семье) или имеющих кадры соответствующей профессиональной подготовки (примером, по всей видимости, является Республика Башкортостан, на территории которой нефтедобыча утратила свое былое значение).

Можно говорить и о другом явлении – жизни, в том числе семьями, на два (или даже три) дома, которое уже вовсе не обязательно связано с низкими доходами, часто наоборот. Причем речь не только о дачах в пригородах, куда люди выезжают чаще всего на летний период. Уже сложился определенный слой людей, которые имеют собственное жилье в удаленных друг от друга регионах, работая при этом либо одновременно в разных городах, либо в формате полностью дистанционной или комбинированной занятости. К сожалению, в рамках официальной статистики изучению такой многодомности внимания вообще не уделяется: даже при проведении переписей населения вариант наличия у человека двух или даже трех постоянных (примерно равнозначных) мест проживания не предусматривается. А ведь это важно и для планирования размещения инфраструктурных объектов, и для корректного формирования доходной базы региональных и местных бюджетов. Зачисление налога на доходы физических лиц происходит по месту работы граждан, тогда как содержание коммунальной и социальной инфраструктуры финансируется из бюджетов преимущественно по месту жительства людей. Зачисление налога на доходы физических лиц в региональные и местные бюджеты исходя из фактических мест проживания граждан было бы не только более справедливым, но и способствовало бы повышению качества жизни в периферийных регионах, а с ней и инвестиционной привлекательности, в конечном итоге – сокращению территориальных диспропорций в стране. Конкретные варианты решения могут быть разными (см., например [Розинская, Розинский, 2021]). Важно начать обсуждать этот вопрос.

Заключение

Как было показано выше, при разработке новой Стратегии пространственного развития страны важно учитывать разные аспекты современных внутренних миграционных процессов. Необходимо отметить следующее:

- сохраняющийся тренд миграции населения из восточной в западную часть России требует повышенного внимания к вопросам социально-экономического развития регионов Сибири и Дальнего Востока, при этом особое значение имеет улучшение ситуации с жилищным строительством в этих макрорегионах;
- государственная (федеральная) политика пространственного развития должна быть многовекторной и направленной на создание благопри-

ятных условий для социально-экономического прогресса разных регионов и разных типов населенных пунктов, от крупнейших городов до деревень и сел, что обусловлено их различным вкладом в поступательную динамику российской экономики в целом;

• смягчению проблем чрезмерной концентрации населения в крупнейших экономических центрах и сжатия освоенного пространства в результате миграционного оттока населения способствует повышение транспортной связности территорий и перераспределение бюджетных ресурсов между региональными и местными бюджетами на основе учета наличия у граждан двух или более постоянных мест проживания. Для последнего необходимо, прежде всего, признать существование данного феномена в рамках статистического учета граждан.

Список литературы

1. Ахметова (Хилажева) Г.Ф. Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2022. – Т. 2, № 2. – С. 76–89.
2. Бабкин Р.А. Обзор отечественных подходов к оценке маятниковой трудовой миграции // Региональные исследования. – 2023. – № 3. – С. 52–64.
3. ВРП с 1998 года // Росстат. – 2024. – 26.04. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s_1998.xlsx (дата обращения 19.07.2024).
4. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Южный вектор в пространственном развитии постсоветской России // Федерализм. – 2023. – Т. 28. – № 2. – С. 5–26.
5. Единак Е.А., Ксенофонтов Д.М. Межрегиональная трудовая миграция в России: моделирование и оценка последствий // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 5. – С. 166–183.
6. Исследования и оценки масштабов возвратной мобильности и пульсаций населения в пространстве современной России / Махрова А.Г., Бабкин Р.А., Кириллов П.Л., Стапикова А.В., Шелудков А.В. // Известия РАН. Серия географическая. – 2022. – Том 86, № 3. – С. 332–352.
7. Итоги выборочного обследования рабочей силы // Росстат. – 2024. – 29.05. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 18.07.2024).
8. Кузнецова О.В. Концентрация экономической активности в Москве и Санкт-Петербурге: масштабы, факторы, последствия для городов // Проблемы развития территории. – 2018. – № 5. – С. 26–40.
9. Кузнецова О.В. Трансформация расселения и проблемы ее адекватного учета в стратегии пространственного развития // Население и экономика. – 2019. – № 3(1). – С. 53–62.
10. Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии о стратегии пространственного развития России // Правительство РФ. – 2024. – 23.05. – URL: <http://government.ru/news/51655/> (дата обращения 18.07.2024).
11. Мкртчян Н.В. Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. – макрорегиональные особенности // Демографическое обозрение. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 21–42.
12. Мкртчян Н.В. Пространственная картина центро-периферийных миграционных взаимодействий в России // Региональные исследования. – 2024. – № 1. – С. 19–33.

13. Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. – 2023. – Том 68, № 1. – С. 44–63.
14. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в Центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. – 2020. – Том 7, № 2. – С. 31–53.
15. О межрегиональной трудовой миграции в 2019 году // Росстат. – 2019. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf (дата обращения 19.07.2024).
16. Один из дома: удаленка в постпандемической жизни // ВЦИОМ. – 2022. – 05.07. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odin-iz-doma-udalenka-v-postpandemicheskoi-zhizni> (дата обращения 19.07.2024).
17. Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» // Росстат. – 2023. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pril_Region_Pokaz_2023.rar (дата обращения 30.12.2023).
18. Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / отв. ред. П.А. Минакир, С.Н. Найден. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. – 208 с.
19. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения 18.07.2024)
20. Розинская Н.А., Розинский И.А. «Дачная перспектива» удаленной занятости // Вопросы государственного и муниципального управления.–2021. – № 2. – С. 87–106.
21. Россия 2035: к новому качеству национальной экономики. Научный доклад ИНП РАН / под ред. члена-корреспондента РАН А.А. Широва. – Москва: Артик Принт, 2024. – 264 с.
22. Рыбаковский О.Л. Итоги межрегионального обмена населением в России за 1993–2019 гг. // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2021. – № 1. – С. 73–82.
23. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века // Народонаселение. – 2019. – Т. 22, № 3. – С. 4–14.
24. Рынок новых легковых автомобилей в 2022 году. ТОП-30 регионов РФ // Аналитическое агентство АВТОСТАТ. – 2023. – 24.01. – URL: <https://www.autostat.ru/press-releases/53700/> (дата обращения 19.07.2024).
25. Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. – Москва: Эслан, 2010. – 428 с.
26. Соколова А.А. Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 52–70.
27. Социально-экономическое положение России. Январь 2024 // Росстат. – 2024. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2024.pdf> (дата обращения 01.03.2024)
28. Трудовой кодекс Российской Федерации // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901807664> (дата обращения 18.07.2024).
29. Удаленная работа по-русски: плюсы и минусы // ВЦИОМ. – 2021.–16.02. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/udalennaja-rabota-po-russki-pljusy-i-minusy> (дата обращения 19.07.2024).

*Статья получена 29.07.2024
Одобрена к публикации 06.08.2024*

УДК 332.8:365(470+571)(048.8)
DOI:10.31249/espr/2024.04.10

М.А. Положихина*

**ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
(ОБЗОР)**

Аннотация. Жилищное строительство является специфическим видом экономической деятельности и одновременно представляет собой способ социального проектирования, во многом определяет облик и перспективы развития населенных пунктов. В строительстве жилья отражаются как глобальные социально-экономические тенденции и культурно-исторический опыт, так и особенности территорий. Для России на протяжении длительного времени характерен низкий уровень обеспеченности населения жильем, прежде всего благоустроенным. В различных регионах страны дефицит жилья проявляется по-разному, но преодолеть его невозможно без последовательной и продуманной государственной политики. Благодаря наращиванию в последние годы масштабов строительства решение жилищного вопроса в России в обозримом будущем представляется вполне возможным. Однако проектирование и строительство жилья следует согласовывать с направлениями регионального развития, а в градостроительных практиках больше учитывать специфику регионов.

Ключевые слова: Россия; жилищное строительство; жилищный фонд; обеспеченность жильем; благоустройство жилья; социальное проектирование.

Для цитирования: Положихина М.А. Жилищный вопрос в России в контексте регионального развития (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – № 4. – С. 168–195.

---

* Положихина Мария Анатольевна, канд. географ. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия). polozhihina2@mail.ru

Polozhikhina Maria, PhD (Geograph. Sci.), leading researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). polozhihina2@mail.ru

M.A. Polozhikhina

**The housing issue in Russia in the context of regional development
(Review)**

Abstract. Housing construction is a specific type of economic activity and at the same time represents a way of social design, largely determines the appearance and prospects for the development of settlements. Housing construction reflects both global socio-economic trends and cultural and historical experience, as well as the peculiarities of the territories. For a long time, Russia has been characterized by a low level of housing provision for the population, primarily well-maintained. The housing shortage manifests itself in different ways in different regions of the country, but it cannot be overcome without a consistent and thoughtful government policy. Due to the increase in the scale of construction in recent years, it seems quite possible to solve the housing issue in Russia in the foreseeable future. However, the design and construction of housing should be coordinated with the directions of regional development, and urban planning practices should take more account of the specifics of the regions.

Keywords: Russia; housing construction; housing stock; housing provision; home improvement; social design.

For citation: Polozhikhina M. A. The housing issue in Russia in the context of regional development (Review) // Economic and Social Problems of Russia. – 2024. – N 4. – P. 168–195.

Введение

Особенностью жилищного строительства является его одновременно высокая экономическая и социальная значимость. Как специфический вид коммерческой деятельности жилищное строительство оказывает мультиплексивный эффект в экономике, стимулируя развитие смежных отраслей (производства строительных материалов, мебели, бытовой техники и т. д.). Выступая в качестве способа удовлетворения одной из базовых потребностей человека в жилье, оно непосредственно влияет на социальное развитие и освоенность территорий в долгосрочной перспективе, в свою очередь отражая текущую социально-экономическую динамику. В жилищном строительстве концентрируется как культурно-исторический человеческий опыт, так и представления об идеалах и мечты о будущем.

Специалисты отмечают, что строительство жилья и градостроительные практики «всегда были тесно переплетены с теориями построения идеального общества». С одной стороны, «...мыслители зачастую искали в городах и городской структуре причины распространения и процветания тех или иных социальных недугов» [Григорьева, 2023, с. 19]. С другой – «общественные идеалы каждой эпохи воплощались в соответствующих урбанистических концепциях идеального города» [Яницкий, 2018, с. 1107].

В XX в. в жилищном строительстве произошел качественный скачок, обусловленный урбанизацией и научно-техническим прогрессом, появле-

нием новых строительных материалов и технологий строительства. В то же время получило развитие концептуальное проектирование, «когда массовое жилое строительство, казалось бы, позволяло реализовывать самые смелые проекты» [Романова, 2015, с. 18]. В результате строительство (особенно жилое) превратилось в способ целенаправленного социального проектирования.

XXI в. принес свои новации в градостроительные теории и практику создания жилого фонда. Учитывая, что в настоящее время большинство населения планеты проживает в городах, наиболее важными представляются сдвиги, которые происходят в этой сфере именно здесь. «В современном дискурсе идеальный город все чаще предстает как город удобный и комфортный для жизни. Этот переход от идеи города, в котором все жители будут равны в своих возможностях, к идеи создания города, в котором для каждого жителя могут быть созданы комфортные для жизни условия, укладывается в общий дискурс перехода к обществу постмодерна и падения в связи с этим “больших нарративов” и великих идеалов модернистского общества. Теперь идеалы стали реалистичнее, ближе и достижимее... современные урбанисты практически свели глобальную проблему создания “идеального города” как воплощения идеального общества к прагматической задаче создания здоровой и удобной для человека стандартной городской среды, ее усиленной технологизации и информатизации... Современный дискурс об идеальном городе во многом сосредоточен вокруг двух основных идей – идеи “умного города” и идеи экогорода» [Григорьева, 2023, с. 25, 26, 27].

Произошедший переход от социальных утопий к достижению практических и понятных результатов жилищной политики вполне конструктивен. Однако такой прагматизм имеет не только очевидные положительные стороны с точки зрения решения текущих проблем (например, обеспечения населения жильем), но и отрицательные – в виде недостаточного стратегического целеполагания (в частности, развития системы расселения).

Другой современной тенденцией является продолжающееся сближение стандартов проживания в городской и сельской местности с точки зрения их благоустройства. Со стороны жителей как городских, так и сельских населенных пунктов существует спрос на одни и те же коммунальные услуги (электрическое освещение, водоснабжение, канализация, отопление и т. д.), хотя возможности его удовлетворить все еще различаются. Одновременно возрастает ценность природной среды поселений и их экологии, а сам сельскохозяйственный труд индустриализируется. Соответственно, предложение жилищного строительства должно гибко реагировать на измениющиеся обстоятельства и подстраиваться под возрастающие требования.

Российская действительность демонстрирует сложное переплетение глобальных градостроительных тенденций и национальной специфики. Страновой особенностью является нерешенная до сих пор жилищная проблема, которую развитые страны давно преодолели. Причем сохраняющаяся неудовлетворенной потребность населения в жилье во многом обусловлена недостатками со стороны предложения. В данных условиях сти-

мулирование жилищного строительства представляет собой важную часть социально-экономической политики российского государства. Разнообразие же проявления дефицита жилья на уровне регионов требует различных подходов к его преодолению.

Сложность и масштабность задачи по удовлетворению потребности населения страны в благоустроенном жилье обуславливает необходимость тщательной проработки направлений ее решения и согласование их с реализацией других приоритетов. Цель настоящей работы заключается в обсуждении возможности корректировки жилищной политики и градостроительной практики в России в соответствии с современными ориентирами социально-экономического развития ее регионов. Предметом анализа служит фактическое наличие жилья и его благоустройство (т. е. существующий жилищный фонд), тогда как экономическая доступность и стоимостные показатели не рассматриваются.

Дефицит жилья в России: история вопроса

Дефицит жилья в России фиксируется на протяжении последних двух столетий. Причем в городах он наиболее остро проявляется в количественной форме, тогда как в сельской местности – с точки зрения качества.

«Жилищный вопрос в его современном понимании возник в России после реформ 1860-х годов, связанных с отменой крепостного права», и обострился в ходе социально-экономической модернизации [Жилищное строительство в СССР, 2024]. В начале XX в. Российская империя характеризовалась низким уровнем урбанизации (особенно по сравнению с США и европейскими метрополиями): доля городского населения в общей численности населения страны равнялась 14,2% (цит. по [Пилипенко, 2021, с. 572]). При этом в 1913 г. «на одного городского жителя, с учетом площади особняков буржуазии, приходилось 6,3 м² общей площади жилищ» (а весь городской жилищный фонд составлял 180 млн м² общей площади) [Народное хозяйство, 1987, с. 10]. Одновременно «более 80% городского жилищного фонда страны было представлено малоэтажными деревянными домами, водопровод имелся в 10% домов, электрическое освещение – в 5% домов, а канализация – примерно в 2% домов. Например, в Москве к 1912 г. до 850 тыс. человек (около 61% населения города) жило в тяжелых условиях коечно-каморочных, переуплотненных квартир и в подвалах, а в целом по стране в городах одной комнатой на трех и более человек пользовалось 61,7% населения» (цит. по [Пилипенко, 2021, с. 572]).

Можно уверенно констатировать, что такая базовая потребность человека, как обеспеченность жильем, в Российской империи удовлетворена не была. Революция, Первая мировая и Гражданская войны только обострили дефицит жилья, особенно в городах. Попытки решения этой проблемы в советский период были тесно связаны с процессами индустриализации и урбанизации и во многом подчинены экономическим приоритетам. На-

чавшееся массовое жилищное строительство при этом велось в соответствии с определенной (коммунистической) идеологией и видением перспектив развития общества, включая его территориальный аспект.

Жилищное строительство в СССР/РСФСР. Ход развития жилищного строительства в СССР хорошо известен и в общем виде представляется следующим образом. «В годы Гражданской войны, когда строительство нового жилья было невозможно, была сделана ставка на политику «жилищного передела», т. е. переселение и уплотнение. В это же время развернулась дискуссия о социалистическом городе и социалистическом жилище: яркой страницей в истории архитектуры СССР стали проекты городов-садов, домов-коммун, жилкомбинатов, соцгородов. В начале 1930-х годов со сменой политической конъюнктуры архитектура авангарда сошла на нет, а вместе с ней и объявленные «левацкими загибами» проекты жилых домов и комплексов с обобществленным бытом, начался период сталинской архитектуры. Во время индустриализации была сделана ставка на промышленное строительство, поэтому объемы строительства жилья были невелики и значительную долю в них составляло временное жилье» (в том числе бараки) [Жилищное строительство в СССР, 2024]. И без того острый жилищный кризис в стране «усилился после Великой Отечественной войны. Разрешить его была призвана программа по массовому строительству типового жилья, развернутая при Н. С. Хрущёве в конце 1950-х годов (так называемые «хрущевки»). Тогда же произошел возврат к модернизму в советской архитектуре... в результате массового типового строительства миллионы советских граждан получили собственные благоустроенные квартиры, были переселены из бараков и коммуналок, стал расти показатель средней жилой площади на человека» [Жилищное строительство в СССР, 2024]. Одновременно увеличилось количество претензий населения к качеству жилья [Огородникова, 2018]. «С принятием нового стандарта типового строительства началось проектирование новых или совершенствование готовых серий домов. В 1970-х – начале 1990-х годов массово строились 9–12-этажные дома... с более просторными квартирами улучшенной или новой планировки» (так называемые «брежневки») [Жилищное строительство в СССР, 2024].

Более глубоко изучившие данную тему специалисты выделяют пять этапов развития строительства жилья в СССР, отличающихся направлениями жилищной политики и другими особенностями, в том числе следующие [Пилипенко, 2021, с. 578–586; Пилипенко, 2022, с. 240–241]:

- 1921–1928 гг.: «взрывной рост строительства жилья» (построено 203 млн м² общей площади), особенно индивидуального в сельской местности; ликвидация трущоб и становление жилищного хозяйства в городах, появление жилищных кооперативов;
- первая – третья пятилетки (1928–1941 гг.): «системное развитие промышленности строительных материалов, «социалистическое переустройство» городов и сел, создание нормативной правовой базы для упорядочения градостроительной политики». При этом «общие темпы ввода жилья по-

началу снизились почти в четыре раза (до 57 млн м²)... в основном за счет сокращения объемов ввода жилья в сельской местности... а затем поступательно увеличивались от 18 до 21% за каждые пять лет... при почти постоянном объеме строительства жилья в городах (39–42 млн м² в каждую пятилетку)». Этот период, «во-первых, характеризуется резким увеличением городского населения страны (с 26,3 млн человек в 1926 г. до 56,1 млн человек в 1939 г.) и, во-вторых, почти двукратным ростом городского жилищного фонда (430 млн м² к началу Великой Отечественной войны по сравнению с 216 млн м² в 1926 г.). В-третьих, на базе проводимой в стране индустриализации жилищное строительство сделало качественный рывок, обеспечив уже к концу второй пятилетки увеличение доли каменных зданий в обобществленном жилищном фонде в городах до 56%, подключение к водопроводу – до 53%, канализации – до 44%, центральному отоплению – до 19%, электрическому освещению – до 93% указанного жилого фонда при одновременном снижении доли вложений в жилищное строительство до 10–13% от общего объема государственных капиталовложений»;

- период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1941–1955 гг.): переход к индустриальному методу строительства многоквартирных домов при преимущественно покомнатном расселении семей, строительство жилья в совхозах, «в целом четырехкратное увеличение объемов введенного жилья за пятилетку по сравнению с довоенными». При этом «в результате оккупации наиболее густонаселенных и промышленно-развитых районов страны и боевых действий было разрушено 70 млн м² жилой площади в городах, а также 3,5 млн домов в сельской местности из довоенного фонда в 12 млн домов. Данный ущерб практически полностью ликвидировали в течение четвертой пятилетки, когда было введено в строй 102,8 млн м² жилья в городах и поселках городского типа (пгт), а в сельской местности – построено 2,7 млн жилых домов... На основе опыта первых пятилеток были утверждены стандартные размеры квартир в массовом жилищном строительстве – 18–22 м² жилой площади для однокомнатной, 24–32 м² для двухкомнатной и 33–47 м² для трехкомнатных квартир (не считая кухни и других обслуживающих помещений)... При увеличении численности городского населения до 100 млн человек к концу 1950-х гг. было построено в общей сложности около 900 городов»;

- шестая – девятая пятилетки (1956–1975 гг.): развертывание государством массового жилищного строительства типовых домов с малогабаритными квартирами для посемейного заселения жителей, развитие отрасли крупнопанельного домостроения, перезапуск жилищно-строительной кооперации, новый бум индивидуального жилищного строительства на селе и в колхозах, в частности более чем двукратное увеличение ввода жилья за пятилетку по сравнению с периодом 1946–1955 гг.». Так, «комплекс мероприятий, нацеленный на сокращение сроков и снижение себестоимости строительства домов, позволил государству ввести за шестую и седьмую пятилетки (1956–1965 гг.) в городах жилья больше (422 млн

м²), чем за предыдущие 40 лет вместе взятые (355 млн м²). Объем ежегодно возведенного жилья увеличился в среднем по пятилеткам до 95–108 млн м², тогда как в предыдущее десятилетие этот показатель находился на уровне в среднем 40–48 млн м². Причем «застройка преимущественно велась поквартально, что позволяло не только сэкономить на строительстве (стоимость 1 м² жилья снижалась на 6–8%), но и полностью обустроить общественную зону, обычно включающую школу, столовую, детский сад, ясли, клуб, зал для собраний/лекций, предприятия бытового обслуживания населения и библиотеку»;

• десятая – двенадцатая пятилетки (1976–1990 гг.): «улучшение качества строящихся государством многоквартирных типовых домов при незначительном увеличении объемов ввода жилья... снижение роли индивидуального жилищного строительства, развитие жилкооперации за счет смягчения условий их кредитования и создания молодежных жилищных комплексов».

«В начале 1986 г. [генеральный секретарь ЦК КПСС] М. Горбачёв пообещал, что к 2000 г. каждая советская семья будет жить в отдельной квартире или доме. Тогда же была принята Государственная программа СССР «Жилье-2000». Расчеты Госстроя СССР показали: для того чтобы каждая семья в стране жила отдельно, необходимо иметь среднюю обеспеченность жильем 22,0–22,5 м² на человека. На тот момент средняя обеспеченность жильем составляла 14,6 м² на человека. Для заполнения имеющегося разрыва следовало за 15 лет построить 2190–2250 млн м² жилых площадей» [Жилищное строительство в СССР, 2024], т.е. 146–150 млн м² в среднем за год. Всего в 1976–1990 гг. «было возведено в общей сложности 1,7 млрд м² жилья», в том числе в 1986–1990 гг. – 650 млн м². «При незначительном увеличении среднегодового объема ввода жилья – со 105 млн м² в 1976–1980 гг. (снижение на 3,2% по сравнению с показателем 1971–1975 гг.) до 126 млн м² в 1986–1990 гг., значительно улучшилось качество строящихся домов и квартир в соответствии с новыми типовыми проектами на основе норм, введенных в 1971 г.». При этом «средняя обеспеченность жильем выросла с 14,6 до 16,5 м² на человека. К концу XII пятилетки более 85% горожан и 90% жителей в сельской местности проживали в отдельных квартирах или собственных домах» [Жилищное строительство в СССР, 2024; Пилипенко, 2021, с. 586].

Одновременно повысились потребности населения – люди хотели иметь не просто жилье, а благоустроенное и собственное. Темпы увеличения объемов жилищного строительства отставали от роста спроса (в том числе из-за слабой автоматизации и, в целом, НТП в строительстве) и ожиданий населения. Сохранение очередей на получение квартир и относительно высокая доля проживающих в коммуналках или неблагоустроенных помещениях стали факторами разочарования людей в возможностях государства (взявшего на себя избыточные обязательства) и социалистических перспективах. Нерешенность жилищного вопроса (включая сложности при обмене жилья и других операций с недвижимостью) внесла определенный вклад

в «согласие» населения страны на переход к рыночной системе хозяйствования. Существовавшие в жилищной сфере социалистические отношения также были преобразованы в рыночные путем приватизации жилья.

Приватизация жилья. Массовая бесплатная приватизация жилья началась в 1992 г. (в соответствии с Законом РФ от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в РСФСР») и должна была закончиться с принятием нового Жилищного кодекса в 2007 г. Однако сроки ее окончания пять раз продлевались. Последний раз – в 2017 г. – на бессрочный период (ФЗ от 22.02.2017 № 14-ФЗ).

«По данным Росстата, к 2000 г. в частную собственность перешло 47% от общего числа подлежащего приватизации жилья, к 2010 г. – 75%, в 2015 г. – 79%» [Приватизация в России, 2024]. «За три десятка лет россиянами был приватизирован 31 млн жилых помещений, или 83% от общего жилого фонда, подходящего для перевода в собственность». К 2022 г. 94% жилищного фонда в стране находилось в частной собственности. «Среди 20 регионов с крупнейшим жилищным фондом процесс приватизации практически завершен в Ставропольском крае, где 99% жилья находится в собственности физических и юридических лиц» [Три десятилетия приватизации ..., 2021; О жилищном строительстве ..., 2023, с. 10].

Спецификой постсоветской жилищной реформы была поквартирная приватизация, которая имела свои плюсы и минусы. Положительный эффект от этой схемы был получен сразу. «Массовая приватизация жилья позволила создать активный жилищный рынок в стране... в короткие сроки в условиях экономического кризиса 1990-х годов сбалансировать массовым рыночным предложением острый неудовлетворенный спрос на жилье, создать инфраструктуру рынка жилья, наработать практики и профессиональные стандарты... Передача квартир людям в частную собственность стала важным способом сохранения социальной стабильности в стране... [Она] ничего не стоила государству, но в то же время имела большое значение для граждан... [Многие] улучшили свои условия за счет... перераспределения существующего жилищного фонда на рыночных принципах». Из-за наложившейся денежной реформы начала 1990-х годов (которая сопровождалась гиперинфляцией и потерей денежных сбережений населения) «накопление и сохранение частного благосостояния через приватизацию жилья приобрело особое социальное значение, а субъективная ценность владения жильем до сих пор очень (даже чрезмерно) высока» [Три десятилетия приватизации ..., 2021].

Отрицательные последствия поквартирной приватизации проявились позднее. Во-первых, в экономическом плане выяснились издержки владения частной собственностью для населения. Как оказалось, далеко не все могут или хотят содержать свое жилье, особенно дорогое. По данным Росстата, «более 5,94 млн помещений в многоквартирных домах до сих пор не приватизировано». Причем «наименьшее количество неприватизированных квартир находится в Республике Ингушетия – 618 помещений, а наибольшее – в Москве, более 799,6 тыс. помещений» [Три десятилетия приватизации ...

, 2021]. Во-вторых, возникли новые проблемы с точки зрения социальной справедливости: массовая бесплатная приватизация жилья создала и усилила неравенство в отношении имущества. Наконец, приватизация облегчила процессы перераспределения жилья, но не увеличила предложение и объем самого рынка, поэтому дефицит жилья в стране преодолен не был.

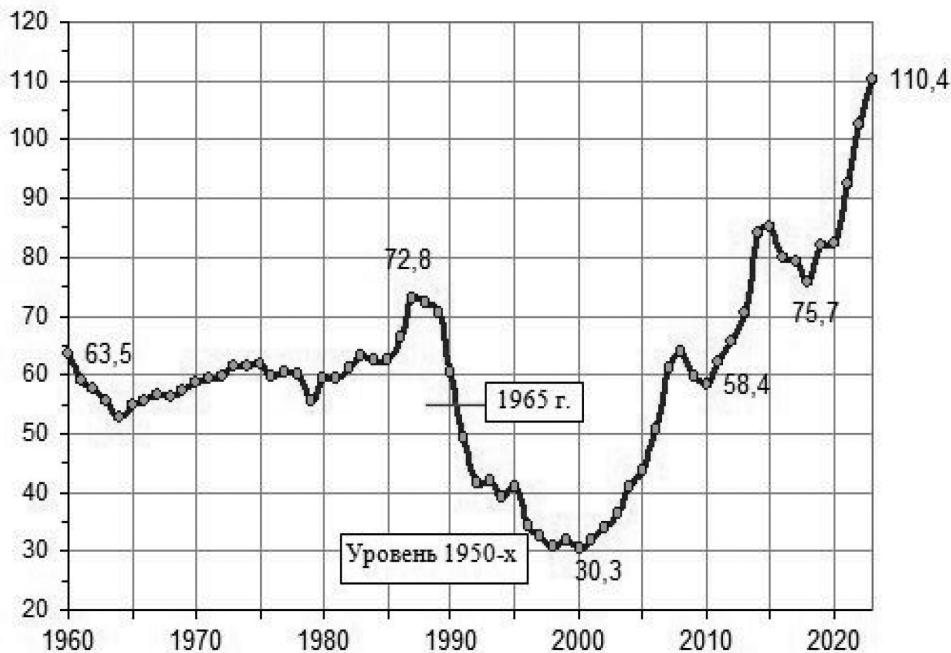
Жилищное строительство в постсоветской России. С распадом СССР и переходом к рыночной экономике темпы строительства нового жилья резко упали при одновременном ускорении накопления аварийного жилого фонда. Такая динамика во многом была обусловлена издержками резкого перехода к другой системе хозяйствования – разрушением предыдущей организации отрасли (включая приватизацию строительных организаций и предприятий по производству строительных материалов и т. д.) и медленным формированием новой институциональной среды для жилищного строительства. Негативно сказалось также радикальное сокращение масштабов государственного финансирования строительства, быстрое обнищание населения страны и несовершенство финансовых (банковских и др.) инструментов инвестирования.

«За последующие десять лет было введено в эксплуатацию всего 380 млн м² жилья, или 38% от объемов, предусмотренных программой. К 2001 г. новое жилье лишь наполовину перекрывало выбывающий жилищный фонд» [Жилищное строительство в СССР, 2024].

Особенно неблагоприятно на жилищное строительство в России повлиял дефолт 1998 г. «После кризиса августа 1998 г. отмечалась стагнация в реализации государственной жилищной политики. Новые политические решения не принимались, проведение начатых реформ замедлилось... Существенно снизилась активность на рынке жилья, почти остановилось его строительство» [Косарева, 2010]. В результате к 2000 г. масштабы ввода жилых помещений опустились до уровня 1950-х годов, сократившись по сравнению с 1987 г. (когда в РСФСР был достигнут максимум ввода жилых помещений) в 2,4 раза (рис. 1).

Общее оживление отечественной экономики и повышение доходов населения, а также стабилизация институциональной среды привели к восстановлению объемов строительства жилья. Увеличение платежеспособности населения (расширение спроса) за счет развития ипотечного кредитования (прежде всего, существенного снижения ставки по кредиту и увеличения срока его возврата в 2005 г.) стало движущей силой быстрого роста объема рынка жилья. К 2014 г. масштаб ввода жилых помещений в России превзошел максимальный показатель РСФСР (достигнутый в 1987 г.) на 15,6% [Жилищное строительство, 2024].

Следует подчеркнуть, что наращивание объемов жилищного строительства в России происходило неравномерно. На этом процессе закономерно негативно отразились мировой финансово-экономический кризис 2008–2010 гг., а также введение антироссийских санкций и последствия борьбы с пандемией коронавируса, выразившиеся в снижении масштабов ввода

Рис. 1. Динамика ввода жилых помещений в РСФСР и России
с 1960 по 2022 г., всего, млн м² общей площади
Источник [Калабеков, 2023, с. 808].

жилых помещений в соответствующие периоды (особенно в 2009–2010 и 2016–2018 гг.). Адаптация экономики и населения страны к внешним шокам и новым условиям жизни обусловила очередной скачок темпов жилищного строительства в 20-х годах XXI в. (рис. 1). В результате к 2023 г. показатель ввода жилых помещений 2015 г. был превышен на 29%, а 1987 г. – в 1,5 раза [Жилищное строительство, 2024].

Нельзя не признать, что государство активно предпринимало различные действия сначала для реформирования сферы жилищного строительства и ЖКХ, а затем – и для их развития. В этих целях с начала 1990-х годов использовались разные инструменты (подробнее см. [Косарева, 2010]). Необходимо особо отметить принятые к концу 2004 г. новые Градостроительный кодекс РФ и Жилищный кодекс РФ, а также федеральные законы: от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и от 30.12.2004 № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах». Кроме того, утверждались различные программы, проекты и стратегии, которые часто пересекались и накладывались друг на друга (табл. 1).

Таблица 1

**Инструменты, используемые государством
для решения жилищной проблемы в России**

№ пп	Инструменты	Период действия
1	Государственная целевая программа «Жилище»	<ul style="list-style-type: none"> – на 1993–1995 гг. (постановление Правительства РФ от 20.06.1993 № 595); – на 1996–1997 г. и до 2000 г. (указ Президента РФ от 29.03.1996 № 431)
2	Федеральная целевая программа «Жилище»	<ul style="list-style-type: none"> – на 2002–2010 гг. (постановление Правительства РФ от 17.09.2001 № 675); – на 2011–2015 гг. (постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050); – на 2015–2020 гг. (постановление Правительства РФ от 25.08.2015 № 889)
3	Приоритетный национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» («Жилище»)	<ul style="list-style-type: none"> – на 2006–2010 гг. (утвержден Советом при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике в 2005 г.); – на 2011–2013 гг. (утвержден Советом при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике в 2010 г.)
4	Государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ»	<ul style="list-style-type: none"> – на 2013–2018 гг. и на период до 2020 г. (распоряжение Правительства РФ от 30.12.2012 № 2227-р); – на 2015–2017 гг. (постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 323); – на 2018–2022 гг. (постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1710)
5	Национальный проект «Жилье и городская среда»	<ul style="list-style-type: none"> – на 2018–2024 гг. (утвержден президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018 № 16); – на 2019–2030 гг. (продлен по предложению Президента РФ В. В. Путина)
6	Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года	утверждена распоряжением Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р

Составлено автором по открытым источникам.

Видно, что в системе государственного управления происходил поиск лучших способов воздействия, тестились проектный и программный подходы, а также возможность их совмещения. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, жилищный вопрос в России еще далек от своего разрешения. Повышение доходов населения и наличие льготной ипотеки стимулируют спрос на жилье, но сохраняются проблемы со стороны его предложения. Разная ситуация с обеспеченностью населения жильем по регионам, различающаяся в них демографическая и социально-экономическая ситуация требуют более глубокой дифференциации жилищной и градостроительной политик в масштабах страны, а также укрепления их связи с особенностями и приоритетами развития территорий.

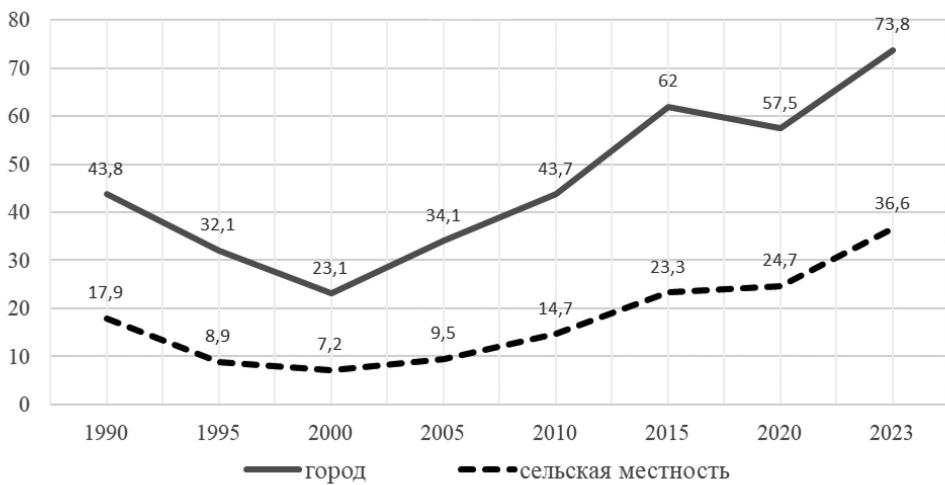
Современный жилой фонд в России: состояние и проблемы

Объем жилого фонда и масштабы жилищного строительства. Весь жилой фонд в России в 2022 г. составлял 4132 млн м² общей площади жилых помещений, из него городской – 3067 млн м², или 74,2% (что практически соответствует доле городского населения страны). В 2023 г. городской жилой фонд увеличился до 3103 млн м², т. е. на 1,2%. В то же время жилой фонд в сельской местности вырос на 4,4% (с 1065 до почти 1112 млн м²), а его доля – до 26,4% [Жилищное строительство, 2024]. Относительное увеличение объема жилищного фонда в сельской местности России обусловлено повышением масштабов индивидуального строительства, особенно в пригородных зонах крупных городов (в том числе так называемые дачи).

«Начиная с 2016 г. доля индивидуального домостроения в общем вводе жилых домов ежегодно увеличивалась и в 2022 г. составила 55,7% против 53,0% в 2021 г. В 2022 г. населением построено 401,5 тыс. жилых домов общей площадью жилых помещений 57,2 млн м², что составило 116,5% к 2021 г....юридическими лицами в 2022 г. построено 888,5 тыс. квартир общей площадью 45,5 млн м² (104,7% к 2021 г.)» [О жилищном строительстве ..., 2023, с. 2, 3].

Следует отметить, что юридические лица в качестве застройщиков (девелоперы или строительные организации) преобладают в городах. Будучи коммерческими структурами, они быстро реагируют на изменения экономической ситуации, что проявляется в снижении темпов ввода жилья в периоды кризисов. В свою очередь, население России часто рассматривает вложения в собственную квартиру/дом как способ сбережения средств или создание второго жилья (при наличии квартиры в городе). Поэтому даже в кризисные периоды темпы индивидуального строительства резко не падают. В результате, если до 2015 г. масштабы строительства жилья в городах и сельской местности различались в 3 раза, то к 2023 г. разрыв сократился до 2 раз (рис. 2).

Распределен жилой фонд, как и объемы жилищного строительства, по регионам страны весьма неравномерно. Согласно данным Росстата, ос-

Рис. 2. Динамика ввода жилых помещений в РСФСР и России в городской и сельской местности с 1990 по 2023 г., млн м² общей площади

Источник [Жилищное строительство, 2024].

Таблица 2
Распределение жилого фонда в 2023 г. по федеральным округам, млн. м² общей площади жилых помещений

№ п/п	Федеральные округа	Города и поселки городского типа	%	Сельская местность	%	Доля городского населения, %	Доля сельского населения, %
1	ЦФО	960,4	31,0	250,6	22,6	30,1	19,5
2	СЗФО	346,2	11,2	81,7	7,4	10,8	5,7
3	ЮФО	309,5	10,0	155,0	13,9	9,6	16,6
4	СКФО	134,3	4,3	104,9	9,4	4,7	13,6
5	ПФО	587,9	18,9	276,9	24,9	19,0	21,5
6	УФО	276,4	8,9	71,2	6,4	9,2	6,0
7	СФО	338,8	10,9	117,8	10,6	11,3	11,4
8	ДВФО	149,6	4,8	53,8	4,8	5,3	5,7
9	Всего	3103,1	100	1111,9	100	100	100

Составлено автором по данным [Жилищный фонд ..., 2024; Население регионов России, 2023; Доклад о результатах проведения мониторинга ..., 2024, с. 4].

Таблица 3

**Увеличение общей площади жилья по федеральным округам
в 2023 г., млн м² общей площади жилых помещений**

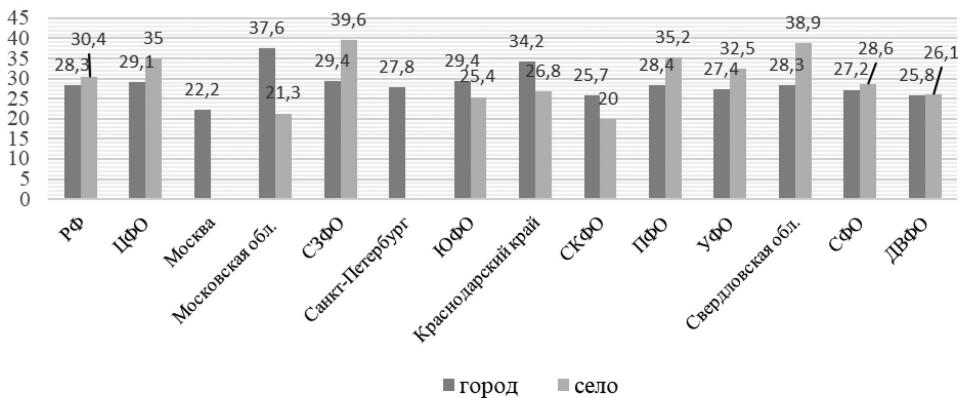
№ пп	Федеральные округа	Ввод жилых домов	%	Прирост жилого фонда в городах	%	Прирост жилого фонда в сельской местности	%
1	ЦФО	33,0	29,9	22,2	32,0	6,2	23,4
2	СЗФО	11,4	10,3	7,1	10,2	1,8	6,8
3	ЮФО	14,6	13,2	10,2	14,7	2,7	10,2
4	СКФО	7,4	6,7	4,1	5,9	1,6	6,1
5	ПФО	20,2	18,3	11,3	16,3	7,8	29,4
6	УФО	9,4	8,5	5,8	8,4	2,6	9,8
7	СФО	10,0	9,0	6,2	9,0	3,0	11,3
8	ДВФО	4,5	4,1	2,4	3,5	0,8	3,0
9	Всего	110,5	100	69,3	100	26,5	100

Источник: [Жилищное строительство, 2024; Жилищный фонд ..., 2024].

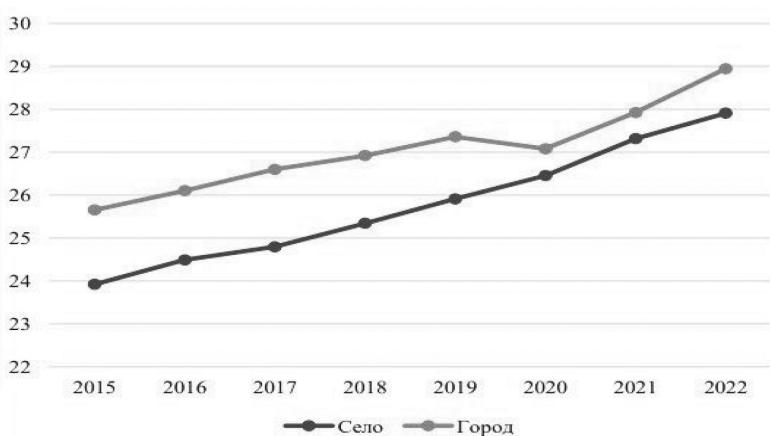
новной жилой фонд сосредоточен в Центральном (31% городского и 22,6% сельского) и Приволжском (18,9% городского и 24,9% сельского) федеральных округах (ФО) – табл. 2.

В целом распределение жилого фонда по стране соответствует размещению населения (табл. 2): в Центральном ФО (ЦФО) проживает 30,1% городского и 19,5% сельского населения страны, в Приволжском (ПФО) – 19,0% городского и 21,5% сельского населения. Однако и строительство жилья в основном ведется в этих же регионах (табл. 3). Хотя в последние годы его масштабы выросли в Южном (ЮФО) и Северо-Кавказском ФО (СКФО), но одновременно сократились в Сибирском (СФО) и Дальневосточном (ДВФО). Такая динамика жилищного строительства служит дополнительным фактором, стимулирующим отток населения из северных и восточных регионов и его концентрацию в центральных и южных районах страны.

Кроме того, на пять субъектов федерации (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край и Свердловская область) приходится почти 30% городского жилого фонда и объема жилищного строительства (ввода жилых домов) [Жилищный фонд ..., 2024; О жилищном строительстве ..., 2022]. Достаточно много жилья в последние годы строят в Ленинградской области, республиках Татарстан и Башкортостан, Ростовской и Новосибирской областях. Закономерно, что масштабы жилищного строительства коррелируют с уровнем экономической активности в регионах. Однако существует и обратная зависимость: значительные региональ-

Рис. 3. Общая площадь жилых помещений на одного жителя в среднем на конец 2023 г., м²
Источник: [Жилищный фонд ..., 2024].

Рис. 4. Динамика обеспеченностью жильем одного человека в городской и сельской местности, м²
Источник [Доклад о результатах ..., 2024, с. 23].

ные различия в объемах жилищного строительства усиливают территориальные диспропорции и неблагоприятно влияют на социально-экономическое развитие страны.

Обеспеченность населения жильем. По данным Росстата, в 2023 г. общая площадь жилых помещений на одного городского жителя в России составила 28,3 м², а сельского – 30,4 м² (рис. 3).

Наоборот, согласно результатам мониторинга Минсельхоза РФ, обеспеченность жильем в сельской местности в целом хуже, чем в городах –

28 и 29 м² на человека соответственно (рис. 4). Хотя «тенденция ведет к преобладанию показателя в будущем в сельской местности» [Доклад о результатах … , 2024, с. 23].

Согласно информации Росстата, максимальная общая площадь жилых помещений в городской местности приходится на одного человека в Московской области и вообще в центральной части страны (рис. 3). Хотя в Москве показатель обеспеченности жильем (22,2 м²) – один из самых низких в России. Хуже ситуация только в республиках Тыва (16,8 м²), Ингушетия (17,7) и Крым (20,3), а также в Ханты-Мансийском АО (21,5 м²) [Жилищный фонд … , 2024]. Распределение максимальных и минимальных показателей обеспеченностью жильем в сельской местности по регионам страны по данным Росстата и Минсельхоза РФ во многом совпадает. Наиболее высокая обеспеченность общей площадью жилья в сельской местности на одного человека отмечается в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО), в том числе в Псковской (51,1), Новгородской (50,9), Вологодской (50,3) и Архангельской (49,3 м²) областях. Максимальный же показатель зафиксирован в Магаданской области (55 м²) [Жилищный фонд … , 2024]. Вместе с тем, по информации Минсельхоза РФ, обеспеченность жильем сельских жителей в ЮФО и СКФО превышает этот уровень у горожан, тогда как Росстат приводит обратное соотношение [Доклад о результатах … , 2024, с. 24, табл. 3].

Как представляется, такие расхождения могут быть вызваны различием методик сбора статистических данных. Например, учетом Росстата заброшенных (фактически нежилых) домов и сезонного жилья (дач в летний период) в сельской местности, а также фонда современных благоустроенных коттеджных поселков в пригородах крупных городов (особенно в ЦФО и СЗФО). Кроме того, вероятна неполнота информации по недвижимости в СКФО.

Обращают также внимание современные низкие показатели обеспеченности жильем в городах и сельской местности ДВО и СФО. Это, безусловно, снижает привлекательность регионов с точки зрения постоянного проживания. В 1960–1980-е годы в северных районах страны строили более просторное жилье по сравнению с центральными и южными территориями (по увеличенным нормативам). Хотя, с другой стороны, здесь же был сконцентрирован и очень большой объем неблагоустроенного временного жилья (бараков).

Как следует из приведенных данных, в настоящее время обеспеченность жильем в России превысила расчетные показатели упоминавшейся Госпрограммы «Жилье-2000» 1985 г. Расселено и большинство коммунальных квартир. Тем не менее жилищная проблема в стране остается одной из основных.

В 2023 г. на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилых условий в России состояло около 3% семей. Больше всего было из них в ПФО (21,1% от их общего числа), ЦФО (13,9%) и СФО (13,5% соответственно).

Таблица 4

**Предоставление гражданам жилья
по субъектам РФ в 2023 г.**

№ пп	Федеральный округ	Число семей, получивших жилье и улучшивших жилищные условия, тыс. ед.	Число семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, на конец отчетного года, тыс. ед.	Доля семей, получивших жилье, в числе семей, состоявших на учете на конец прошлого года в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, %
1	ЦФО	14,3	285,4	4,3
2	СЗФО	16,1	242,5	6,2
3	ЮФО	6,5	179,4	3,5
4	СКФО	3,0	178,0	1,7
5	ПФО	17,4	392,9	4,1
6	УФО	10,5	175,1	5,7
7	СФО	14,2	251,4	5,4
8	ДФО	9,8	157,4	6,0
9	Всего по РФ	91,8	1862,1	4,6

Источник [Жилищные условия, б/г].

Наибольшее количество семей улучшило свои жилищные условия также в ПФО (18,9% от общего числа по стране), а кроме того, в СЗФО (17,5%) и ЦФО (15,6% соответственно) – табл. 4.

Расхождения между долями семей, нуждающихся в улучшении и улучшивших свои жилищные условия, обусловлены рядом факторов, включая численность и доходы населения региона, масштабы миграции, а также объемы жилищного строительства, особенно индивидуального. Так, численность (невысокая) постоянного населения определяет относительно небольшое количество семей, нуждающихся в улучшении и улучшивших свои жилищные условия, в ДВФО и обратную ситуацию в ПФО. Низкими доходами населения в условиях преобладания индивидуального строительства в ЮФО и СКФО можно объяснить минимальную в масштабах страны долю семей, улучшивших здесь свои жилищные условия в 2023 г., а также невысокую долю состоящих на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий. С миграцией населения и концентрацией объемов жилищного строительства связана как значительная доля состоящих на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий в ЦФО, СЗФО и УФО, так и улучшивших здесь свои жилищные условия.

Таблица 5

**Построенные квартиры в России,
в % от общего количества**

№ пп	Квартиры	2000 г.	2009 г.	2020 г.
1	Однокомнатные	20	33	43
2	Двухкомнатные	29	32	29
3	Трехкомнатные	34	23	17
4	Четырехкомнатные и более	17	12	11
5	Всего	100	100	100

Источник [Жилищное строительство, 2024].

Количество семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, не очень велико в масштабах страны. Однако современные темпы обеспечения их жильем (менее 5% в год) определяют продолжительность этого периода в 20 лет (при условии, что количество нуждающихся не увеличивается) – табл. 4., Что очевидно значительно превышает разумные сроки решения данного аспекта жилищного вопроса.

При этом требования людей к жилью продолжают повышаться. С одной стороны, существует запрос на достаточно просторные жилые помещения. Но, несмотря на огромную территорию, по величине жилой площади в расчете на одного человека Россия отстает от многих стран мира. Хотя (по данным за 2021 г.) она обогнала Польшу (27 м^2 на одного человека), Китай (20 м^2) и Гонконг (15 м^2), но «уступает таким государствам, как Италия (31 м^2 на человека), Великобритания (35 м^2), Франция (39 м^2), Япония (39 м^2), Швеция (40 м^2), Греция (45 м^2), Германия (46 м^2), США (68 м^2), Канада (76 м^2) и Австралия (89 м^2 на одного жителя» [Даченкова, 2022].

Более того, при увеличении количества строящихся в России квартир, их удельная жилая площадь сокращается. Если в 2000 г. в стране было построено 373 тыс. квартир, то в 2020 г. – уже 1449 (почти в 4 раза больше). При этом средняя площадь квартир уменьшилась с $81,1 \text{ м}^2$ до $75,2 \text{ м}^2$, или на 7,8% [Жилищное строительство, 2024]. «По оценкам экспертов, сегодня на небольшие студии (т. е. маленькие однокомнатные квартиры) приходится до 18% предложения жилья на рынке» [Густова, 2024].

С другой стороны, повысилось значение комфортности планировки квартир для проживания, прежде всего количества комнат. Согласно статистическим данным, в 1990 г. в РСФСР среди построенных квартир преобладали (по количеству) трех- (42%) и двух- (33%) комнатные квартиры, тогда как однокомнатных было построено 18%, а четырехкомнатных и более – 7% от общего количества квартир. Тенденцией следующих трех десятилетий стало уменьшение строительства трехкомнатных квартир и увеличение строительства двух- и однокомнатных (табл. 5).

В 2018 г. доля построенных однокомнатных квартир в России достигла максимума (47% от общего количества), а доля трехкомнатных, наоборот, минимума (8% от общего количества) [Жилищное строительство, 2024]. В дальнейшем доля строительства трехкомнатных квартир возросла. Однако в структуре жилого фонда (по состоянию на 2023 г.) сохраняется преобладание одно- и двухкомнатных квартир (26 и 38% от общего числа квартир соответственно) [Жилищный фонд, 2024]. Исходя из численности постоянного населения страны, в среднем на одного россиянина приходится 0,5 квартиры или 1,1 жилая комната.

По этому параметру жилье в России также уступает многим странам мира. Согласно статистике ОЭСР¹, в Ирландии и Великобритании на одного жителя в среднем приходится более чем четыре комнаты. В среднем более трех комнат на человека в жилых объектах США, Бельгии, Канады, Норвегии, Мальты, Дании, Швейцарии, Нидерландов, Финляндии, Испании и Франции. Жилой недвижимостью с более чем двумя комнатами в среднем располагают жители Кипра, Швеции, Эстонии, Исландии, Германии, Португалии, Австрии, Словении, Чехии, Литвы, Венгрии, Японии, Южной Кореи, Болгарии, Коста-Рики, Италии и Чили. Россия, в свою очередь, находится на одном уровне «со Словакией, Латвией, Хорватией, Польшей, Румынией, Грецией, Колумбией, Турцией и Мексикой...». При этом ОЭСР предлагает считать, что квартира не переполнена, если там есть: одна комната для домашнего хозяйства; одна комната на семейную пару; одна комната на двух детей одного пола в возрасте от 12 до 17 лет; по одной комнате на каждого проживающего в возрасте от 12 лет и старше» [Даченкова, 2022].

Наконец, имеют значение не только количественные, но и качественные характеристики жилой площади, включая инженерное обустройство. Тем не менее в стране сохраняется значительный объем аварийного жилья. Согласно официальной статистике на 2021 г., почти 30% эксплуатируемого жилого фонда было построено в России до 1970 г. (24,3% общей площади жилых помещений в 1946–1970 гг., 3,5% – в 1921–1945 гг. и 1,9% – до 1920 г.). Из существовавшей на 2021 г. общей площади жилого фонда 1,7% (67,6 млн м²) имело степень износа более 70%, 4,8% (186,9 млн м²) – от 66 до 70% и 37,0% (1449,0 млн м²) – от 31 до 65%. Только 56,5% (2210,1 млн м²) общей площади жилых помещений в стране имело степень износа менее 30% [Жилищное хозяйство ..., 2022, с. 15, 16].

Наибольший объем фактически аварийного жилья (степенью износа свыше 65%) сосредоточен в староосвоенных районах страны (в ЦФО – 20,3% от общей величины, в ПФО – 16,2%), а также в СФО (14,7%). Хотя в границах самих федеральных округов доля такого жилого фонда колеблется от 4,7% в ЦФО до 12,3% в ДВФО (табл. 6).

---

¹ Арендуемое жилье и лица, которые проживают в съемном жилье, в этот расчет не входят.

Таблица 6.

**Износ общей площади жилых помещений
в 2021 г., млн м²**

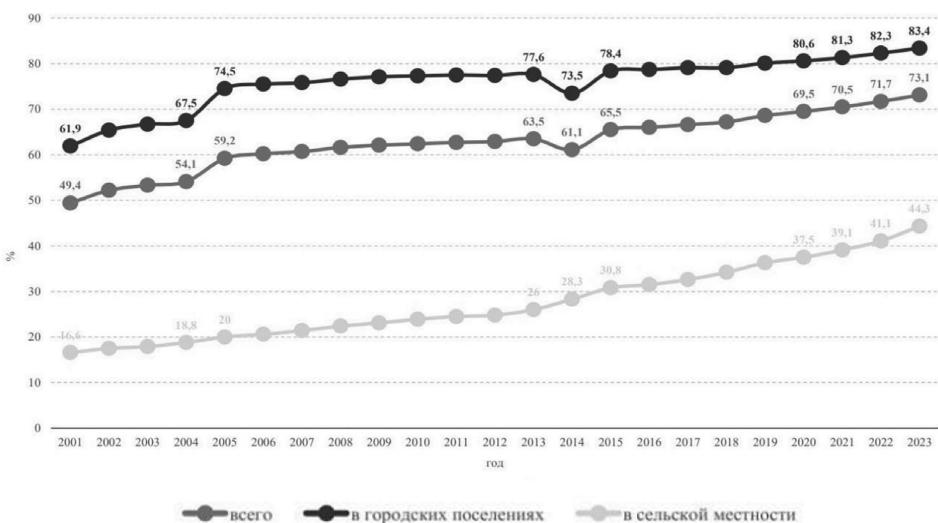
№ пп	Федеральные округа	Степень износа, %			
		0–30	31–65	65–70	свыше 70
1	ЦФО	619,5	420,7	39,2	12,6
2	СЗФО	236,5	130,1	16,7	8,2
3	ЮФО	226,1	168,3	24,7	8,4
4	СКФО	124,5	78,4	18,0	7,0
5	ПФО	495,5	281,9	31,3	9,9
6	УФО	198,0	112,2	11,8	5,5
7	СФО	215,0	182,9	28,9	8,5
8	ДВФО	95,0	74,6	16,3	7,5
9	Всего	2210,1	1449,1	186,9	67,6

Источник: [Жилищное хозяйство …, 2022].

Благоустройство жилого фонда. За последние 20 лет уровень благоустройства жилого фонда в России заметно повысился – почти на 20 п. п. в городах и 30 п. п. в сельской местности (рис. 5). Однако он еще значительно отстает от современных требований: только «83,4% городского жилья оборудовано всеми видами инфраструктуры (водопроводом – 93%, водоотведением (канализацией) – 91%, отоплением – 94%, горячим водоснабжением – 86%, газом – 62% или напольными электроплитами – 33%, ванными/душ – 85%» [Благоустройство жилищного фонда, 2024].

В сельской местности ситуация существенно хуже: уровень благоустройства жилого фонда здесь почти в 2 раза уступает городскому (рис. 5).

Особенно остро стоит вопрос с обеспечением сельских населенных пунктов водоотведением (канализацией), водоснабжением и отоплением. Кроме того, «дифференциация регионов округов по состоянию водопроводной инфраструктуры очень сильно различается (от 15,8% сельских населенных пунктов без водоснабжения в Северо-Кавказском ФО до 82,9% в Северо-Западном и 26,9% водопроводной сети, нуждающейся в замене в Уральском ФО до 46,9% в Центральном). В наилучших условиях водопроводная инфраструктура находится в округах с наибольшей плотностью населения и более благоприятными климатическими условиями – более 60% сельских населенных пунктов имеют водоснабжение в Южном и Северо-Кавказском ФО. При этом средние показатели имеют периферийные округа – Уральский и Сибирский (54,6% и 42,9% сельских населенных пунктов соответственно имеют водоснабжение и 26,9% и 38,2% водопроводной сети соответственно нуждаются в замене), в то время как худшие показатели у староосвоенных территорий в Центральном и Северо-Запад-

Рис. 5. Изменение доли жилых помещений, оборудованных всеми основными видами инженерной инфраструктуры, в России, %

Источник: [Жилищный фонд ..., 2024].

ном округах, а также на экстремально периферийном Дальнем Востоке» [Доклад ..., 2024, с. 24–26].

До сих пор не редкость отопление в сельских населенных пунктах дровами. «Доля газифицированных сельских населенных пунктов в федеральных округах значительно варьируется – от 8,3% в Сибирском, до 68,9% в Северо-Кавказском....Наименьшая газификация в наиболее периферийных и малолюдных регионах с низкой плотностью населения – в Сибири, на Севере и Дальнем Востоке... некоторые регионы не газифицированы вообще (Магаданская область, Чукотский и Еврейский АО, Забайкальский край, Республика Хакасия и Кемеровская область). Наилучшими значениями (более половины газифицированных сельских населенных пунктов) обладают округа и регионы, находящиеся в основной полосе расселения, благоприятных климатических условиях и в условиях высокой плотности населения – Северный Кавказ, Юг, Поволжье» [Доклад о результатах ... 2024, с. 24–26]. Следует признать достаточно высокий уровень оборудования электроплитами сельских домов в Сибири, на Севере и Дальнем Востоке, однако это не решает вопрос отопления жилищ.

Таким образом, самая большая проблема современного жилого фонда в России лежит в плоскости его качества – отставании благоустройства жилья от потребностей людей.

Новые тенденции и перспективы жилищного строительства

Как уже отмечалось, значительную часть жилищного фонда страны составляют физически и морально устаревшие здания. Как считают специалисты, «к 2030 г. прирост объема устаревающего жилья составит 54 млн м², а к 2040 г. – 216 млн м². В результате общий объем такого жилья достигнет 270 млн м², из них 162,8 млн м² предполагается выводить из эксплуатации... Речь идет о так называемых хрущевках, которые массово строились в 1956–1963 годах, а также тех девяти- и двенадцатиэтажках, которые возводились в 1963–1969 годах... Самая высокая доля предполагаемого к выбытию жилья, по оценкам экспертов, ожидается в Казанской (7,9% от текущего жилфонда), Волгоградской (7,6%) и Саратовской (6,2%) агломерациях... Именно в них наибольший объем аварийного жилья по состоянию на 2022 г. В Волгоградской – 1,8 млн м² (5,2% от текущего жилфонда агломерации), в Саратовской – 1,3 млн м² (3,6%)» [Густова, 2023]. Таким образом, в ближайшей перспективе на первый план выходит масштабная реновация существующего жилого фонда в российских регионах и соответствующая деконцентрация жилищного строительства.

Тенденции сокращения объемов строительства жилья в столичных регионах (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область) и его расширения на других территориях (прежде всего, ПФО, УФО и ЮФО) способствует несколько факторов:

- увеличение доходов населения в староосвоенных районах и на производствах, связанных с выполнением государственного оборонного заказа и импортозамещением, а также занятых сельскохозяйственной деятельностью;
- необходимость сохранения, привлечения и закрепления кадров на действующих предприятиях;

- потребность в восстановлении жилого фонда, разрушенного в ходе СВО.

Следует отметить, что перестраивать значительно сложнее, чем строить новое жилье (особенно в условиях преобладания квартир в частной собственности). Кроме того, активно реализуемые (прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге) современные проекты высотных зданий (табл. 7) абсолютно не подходят большинству городов страны (в отличие от типовых проектов «хрущевок»).

В таких условиях вполне обоснован провозглашенный официальный курс на развитие малоэтажного домостроения. Однако для его реализации необходимы дополнительные усилия со стороны государства. Например, в виде стимулирования наращивания мощностей строительных организаций в регионах или формирования банка типовых проектов для малоэтажной застройки. Также не получила еще удовлетворительного технического решения и промышленной реализации проблема современного инженерного обустройства жилья в сельской местности.

Кроме того, преобладающие в современных городских проектах одно- и двухкомнатные квартиры поддерживают неблагоприятный для Рос-

Таблица 7

**Ввод общей площади жилых домов
по этажности в России**

№ пп	Этажность домов	2009 г., млн м ²	%	2023 г., млн м ²	%	Изменение в 2023 г. по сравнению с 2009 г., %
1	1-этажные	14,2	24,1	22,7	21,4	159,6
2	2-этажные	12,6	21,4	28,1	26,5	223,0
3	3-этажные	3,6	6,1	5,6	5,3	147,2
4	4-этажные	0,5	0,9	1,2	1,1	240,0
5	5-этажные	2,6	4,4	2,0	1,9	76,9
6	6-этажные	0,6	1,0	1,2	1,1	2 раза
7	7-этажные	0,6	1,0	0,7	0,7	116,7
8	8-этажные	0,5	0,9	1,2	1,1	240,0
9	9-этажные	3,9	6,6	3,1	2,9	79,5
10	10-этажные	6,3	10,7	4,0	3,8	63,5
11	11-этажные	0,5	0,9	2,4	2,3	480,0
12	12–16-этажные	5,8	9,9	7,9	7,5	136,2
13	17-этажные и выше	7,1	12,1	25,9	24,4	364,8
14	всего	58,8	100	106,0	100	180,3

Источник [Жилищное строительство, 2024].

ции демографический тренд – увеличение числа семей без детей или с небольшим их количеством (один-два ребенка). Как отмечают специалисты, «доступность жилья – это не только относительно невысокие цены и низкие ставки по ипотеке. Данный показатель включает в себя также достаточную вариативность предложения и платежеспособный спрос... а игнорирование этих аспектов ведет к демографическому кризису» [Чернышов, 2022]. В целях стимулирования естественного прироста населения страны нужно, чтобы четырехкомнатные квартиры вошли в стандарты массовой городской застройки и перестали считаться элитным жильем, как сейчас. Можно еще предусмотреть гибкую внутриквартирную планировку и возможность изменять число комнат (что во многом зависит от количества окон). С другой стороны, имеет смысл препятствовать расширению масштабов строительства тесных малогабаритных квартир. Например, власти Москвы уже приняли решение больше не согласовывать проекты новостроек с площадью квартир меньше 28 м² [Густова, 2024].

Наконец, типовые проекты жилых помещений должны учитывать существенно различающиеся природно-климатические условия разных регионов

страны и иметь возможность «подстраиваться» под культурно-исторические особенности территорий. Особенно актуальным в связи с происходящими изменениями климата является введение в стандарты массового домостроения систем кондиционирования (раньше в России такая задача не стояла).

Закономерно, что стоимость получающегося в результате реновации старого жилого фонда и строительства нового (в соответствии с современными требованиями) жилья будет высокой. С связи с этим встает вопрос о доступности благоустроенного жилья для населения. Во всем мире он решается путем развития аренды жилья (и даже в дореволюционной России существовали «доходные дома»). Однако сохранение бесплатной приватизации жилья препятствует расширению этого рынка.

Специалисты отмечают, что «авторы либеральных реформ 1990-х годов приняли более чем оригинальную трактовку решения жилищной проблемы в России, утверждая необходимость тотальной приватизации квартир. Однако нигде в мире доля собственного жилья горожан не превышает половины его объема, тогда как половина и даже больше жилого фонда – это арендные дома, в которых семьи снимают квартиры сообразно своему уровню дохода. К сожалению, разработчики Жилищного кодекса, а вслед за ними и чиновники тяготеют к тому, чтобы считать приобретение квартир гражданами единственной целью, и ориентируют расходование государственных средств исключительно на облегчение процедуры покупки жилья. Очевидно, что доступность жилья в такой стратегии для значительной части населения и прежде всего молодежи, становится более чем проблематичной» [Глазунов, Самошин, 2014, с. 7].

«Приватизация в России сегодня представляет собой остаточное явление», и «нужно переключаться на современную политику развития жилищного рынка в рамках программ комплексного развития территорий в регионах, исторических городах и сельских поселениях». «Более комфортным становится наем жилья, социальный и коммерческий» [Три десятилетия приватизации … , 2021].

Вместе с тем бессрочный статус приватизации жилья «окончательно закрыл возможность создания в стране массового сегмента жилья в публичной собственности для решения социальных задач» [Три десятилетия приватизации … , 2021]. Не все граждане страны в состоянии нести обязательства, связанные с владением собственным жильем. Расширение масштабов строительства социального жилья, находящегося в государственной или муниципальной собственности, позволило бы облегчить положение наиболее бедных и уязвимых слоев населения.

Кроме того, практически на противоположную изменилась оценка бесплатной приватизации с точки зрения социальной справедливости. В 1990-е годы в частное владение передавалась государственная собственность, созданная за счет труда и отчислений самих граждан. В настоящее время жилье строится на частные средства (юридических или физических лиц), а в результате приватизации собственниками становятся лица, не име-

ющие к этим инвестициям никакого отношения. Если одни люди приобретают жилье за собственные средства, то другим оно почему-то достается даром. И конституционное право человека на жилье совсем не означает права на собственное жилье.

«Бессрочный характер действия закона о приватизации жилья… связывают с попыткой активизировать вторичный рынок в депрессивных регионах, моногородах и других подобных местах» [Три десятилетия приватизации … , 2021]. Однако в данном случае встает вопрос о степени ликвидности этой недвижимости. Массовую бесплатную приватизацию считают одной из причин сокращения территориальной мобильности и внутренней миграции россиян [Три десятилетия приватизации … , 2021]. Хотя следует признать, что связь между владением недвижимостью и местом жительства людей в настоящее время существенно ослабла.

Ограниченнность рынка арендного жилья в России и значительные расходы на поддержание льготной ипотеки заставляют искать другие варианты решения жилищного вопроса. Последней инициативой стало предложение о введении отраслевой поддержки, под которой понимается возможность субсидирования части арендной платы отдельным категориям граждан, т. е. «условный лизинг жилья с возможностью постепенного выкупа готовой квартиры, с фиксированной арендной платой» [Трушин, 2024].

Как представляется автору, без прекращения бесплатной приватизации, существенно искажающей функционирование как первичного, так и вторичного рынков жилья, решить жилищный вопрос в России не получится. В связи с этим предлагается постепенно отказаться от бесплатной приватизации жилья, начав с регионов, в которых существующий жилой фонд практически полностью находится в частной собственности (например, установив показатель «отсечения» 90%).

Хотя главной проблемой отечественного рынка жилья видится доминирование на нем не покупателя, а застройщика (инвестора). Последнему выгоднее продавать жилье собственникам, а не передавать его в аренду, а также поддерживать дефицит жилья (и соответственно, высокие цены на него). В этом же видится причина несоответствий предложения на рынке жилья спросу и потребностям населения страны.

Заключение

Современный этап жилищного строительства определяется трансформацией градостроительных подходов, особенно ярко проявляющейся в городской застройке.

В частности, по мнению некоторых специалистов, «комфортный город конечен… Выигрыш компактного и «конечного» города – в коммуникациях, инфраструктуре, транспорте, в снижении количества неэффективных перемещений и необоснованных энергетических и временных потерь… Так называемое «устойчивое развитие» города, понимаемое даже профессиона-

лами как постоянный неограниченный рост и повышение качества жизни, на самом деле представляет собой миф. Миф о том, что город должен расти бесконечно, становясь все более разнообразным и представляющим все больше разнообразных сервисов и пространств своим горожанам. Можно предположить, что существует предел «города» как целостного пространственного и социального образования со своей собственной идентичностью, общественными пространствами и способного к развитию и трансформации своей структуры даже в системе сверхплотной и сверхнаселенной агломерации» [Пучков, 2014]. В связи с этим представляется возможным говорить о возникновении урбанизированных территорий со специфической системой расселения, в которой чередуются и сосуществуют населенные пункты разного типа и назначения (от «чисто» городских до «чисто» сельских) с примерно одинаковым уровнем благоустройства.

Другой значимой и общепризнанной глобальной тенденцией является экологизация всех сторон общественной жизни. В жилищном строительстве она проявляется в различных формах: создание «зеленых» крыш и стен; применение экологически чистых, а также переработанных и возобновляемых материалов; минимизация энергопотребления и использование энергоэффективных технологий (например, установка солнечных батарей или систем сбора дождевой воды и т. д.).

Все эти тенденции, а также продолжение процесса автоматизации (включая цифровизацию) проектирования и строительства зданий должны находить адекватное отражение в отечественной практике градостроительства.

Россия в настоящее время вынуждена решать одновременно две задачи: количественного увеличения жилищного фонда и радикального улучшения его качества (благоустройства). В отношении первой в последние годы произошли позитивные сдвиги – объемы строительства нового жилья существенно возросли. Вторая задача решается значительно медленнее, в том числе из-за отсутствия удовлетворительных технических решений по обеспечению инженерной инфраструктурой отдельных мелких населенных пунктов или их высокой стоимости. Тем не менее заметен определенный разворот в сторону создания комфортной среды для проживания людей.

В последние годы в ряде регионов России масштабы жилищного строительства заметно возросли. В обозримой перспективе можно ожидать расширения списка субъектов РФ с активным строительством жилья, т. е. определенной деконцентрации жилищного строительства. Однако для этого не пригодны проекты и опыт строительства высотных домов, получившие распространение в столичных регионах. В этих условиях федеральный центр не может «диктовать моду», а должен обобщать лучшие региональные практики в сфере градостроительства. Развитие жилищного строительства в субъектах РФ также подразумевает увеличение в них подготовки кадров для проектирования и строительства (а также эксплуатации) современных зданий.

Список литературы

1. Благоустройство жилищного фонда // Росстат. Жилищные условия. – 2024. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения 26.07.2024).
2. Глазунов С.Н., Самошин В.С. Жилье в России: вчера, сегодня, завтра. Теория и практика. – Москва, 2014. – 96 с.
3. Григорьева Е.А. Трансформация представлений об идеальном городе: история и современность // Экономические и социальные проблемы России. – 2023. – № 3. – С. 18–28.
4. Густова Н. В Москве не будут строить слишком маленькое жилье. Что это значит // РБК. Жилье. – 2024. – 16.05. – URL: <https://realty.rbc.ru/news/6645e2299a7947392fdc758b> (дата обращения 26.08.2024).
5. Густова Н. В России резко вырастет объем устаревшего жилья. Что это значит // РБК. Жилье. – 2023. – 25.09. – URL: <https://realty.rbc.ru/news/650d30fb9a7947a57708783d?ysclid=lzlbun02b7534884504> (дата обращения 08.09.2024).
6. Даченкова Т. Обеспеченность населения жильем в России и разных странах мира // Novostroy. Статьи. Мировой рынок. – 2022. – 11.11. – URL: <https://www.novostroy.ru/articles/world-market/obespechennost-naseleniya-zhilem-v-rossii-i-raznykh-stranakh/> (дата обращения 22.07.2024).
7. Доклад о результатах проведенного мониторинга состояния социально-экономического развития сельских территорий в 2023 году / Минсельхоз РФ. – Москва, 2024. – 32 с.
8. Жилищное строительство // Росстат. Строительство. – 2024. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14458> (дата обращения 22.07.2024).
9. Жилищное строительство в СССР // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Жилищное_строительство_в_СССР#Брежневки (дата обращения 20.07.2024).
10. Жилищный фонд по субъектам РФ. 2023 // Росстат. Жилищные условия. – 2024. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения 22.07.2024).
11. Жилищное хозяйство в России. 2022: стат. сб. – Москва, 2022. – 83 с.
12. Жилищные условия // Росстат. 6/г. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения 22.07.2024).
13. История нацпроектов в России // ТАСС. – 2019. – 11.02. – URL: <https://tass.ru/info/6101471> (дата обращения 20.07.2024).
14. Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах. Справочное издание. – Москва, 2023. – 880 с.
15. Косарева Н.Б. Государственная жилищная политика России в 1991–2008 годах // История новой России. – 2010. – URL: http://ru-90.ru/node/1172#_ftn7 (дата обращения 20.07.2024).
16. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный стат. сборник. – Москва, 1987. – 772 с.
17. Население регионов России // Statdata.ru. Страны, города, статистика населения. – 2023. – 01.08. – URL: https://www.statdata.ru/largest_regions_russia (дата обращения 26.07.2024).
18. Огородникова О.А. Массовое жилищное строительство в истории советской повседневности // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. – 2018. – № 3(44). – URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5677> (дата обращения 22.07.2024).
19. О жилищном строительстве в Российской Федерации в 2022 г. // Росстат. – 2023. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jil_stroi_2022.pdf (дата обращения 22.07.2024).

20. Пилипенко И.В. Динамика жилищного строительства в республиках СССР в 1920–1980-е годы // Историко-экономические исследования. Ч. 1. – 2021. – Т. 22, № 4. – С. 567–595.
21. Пилипенко И.В. Динамика жилищного строительства в республиках СССР в 1920–1980-е годы // Историко-экономические исследования. Ч. 3. – 2022. – Т. 23, № 2. – С. 219–255.
22. Приватизация в России // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Приватизация_в_России (дата обращения 20.07.2024).
23. Пучков М.В. Комфортные города: вызовы современного градостроительства // Современный город: проектирование, строительство и развитие (Ельцинские чтения): сборник материалов международной научно-практической конференции по строительству и архитектуре (Екатеринбург, 23–24 апреля 2014). – Екатеринбург: УрФУ, 2014. – С. 94–101.
24. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. / Росстат. – Москва, 2023. – 1126 с.
25. Романова А.Ю. Трансформация идеи: от «идеального города» к «городу будущего» // Архитектура и современные информационные технологии. – 2015. – № 1(30). – С. 1–22.
26. Строительство в России. 2022: стат. сб. / Росстат. – Москва, 2022. – 148 с.
27. Три десятилетия приватизации жилья в России: 31 млн квартир на 84 трлн рублей // ТАСС. Общество. – 2021. – 02.07. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/11797139> (дата обращения 20.07.2024).
28. Трушин Г. В Госдуме предложили лизинг жилья как альтернативу льготной ипотеки // РБК. Недвижимость. Новости. – 2024. – 30.08. – URL: <https://realty.rbc.ru/news/66d182c99a7947073bec1544> (дата обращения 30.08.2024).
29. Чернышев И. Цены на квартиры – лучшие контрацептивы. Демография и доступность жилья в Китае, Европе и России // Novostroy. Статьи. Мировой рынок. – 2022. – 10.08. – URL: <https://www.novostroy.ru/articles/world-market/tseny-na-kvartiry-luchshie-kontratseptivy-demografiya-i-dostupnost-zhilya-v-kitae-evrope-i-rossii/> (дата обращения 28.08.2024).
30. Яницкий О.Н. Идеальный город как символ будущего // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник / ИНИОН РАН; отв. ред. В.И. Герасимов. – 2018. – Т. 13, ч. 1. – С. 1107–1113.

Статья получена: 2 сентября 2024 г.

Принята к печати: 10 сентября 2024 г.

Экономические и социальные проблемы России

Научный журнал

№ 4 (60) – 2024

**РЕГИОНЫ РОССИИ
В МЕНЯЮЩИХСЯ
УСЛОВИЯХ**

Составитель выпуска –
д-р экон. наук С.Н. Смирнов

Техническое редактирование
и компьютерная верстка И.С. Николаева
Корректор Л.Н. Казимирова

Подписано к печати 06/XII – 2024 г. Формат 70×100/16
Печать офсетная
Усл. печ. л. 15,80 Уч.-изд. л. 11,21
Тираж 100 экз. (1–80 экз. – 1-й завод)
Заказ № ____

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7(925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6